

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии «Нью-Йорк таймс»

**ХАРЛАН
КОБЕН**

НЕ ГОВОРИ НИКОМУ

БЕГЛЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Харлан Кобен
Не говори никому. Беглец
Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422798

*Не говори никому. Беглец: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;
2021*

ISBN 978-5-389-19055-9

Аннотация

Романы Харлана Кобена, лауреата премий «Шамус», «Энтони» и «Эдгар», литературные критики называют гениальными («New York Times»), острыми и проницательными («Los Angeles Times»), неизменно увлекательными («Houston Chronicle»), превосходными («Chicago Tribune») и обязательными для чтения («Philadelphia Inquirer»). Многие из его детективов дебютировали на первой позиции списка бестселлеров по версии «New York Times». Роман «Не говори никому» номинировался сразу на три литературные премии и был успешно экранизирован (2006). Главный герой получает письма, подписанные именем давно погибшей жены, и решает во что бы то ни стало разгадать тайну ее смерти. Сюжет «Беглеца» также лег в основу фильма – британского сериала «Пять» (2016). Это история человека, обвиненного в убийстве. Он исчез бесследно, умер для всех, кроме брата, который спустя годы берется расследовать дело, похороненное в полицейских архивах. Роман «Не говори

никому» ранее издавался под названием «Никому ни слова», роман «Беглец» – «Пропавший», «Прощание с прошлым».

Содержание

Не говори никому	7
Пролог	7
Глава 1	17
Глава 2	33
Глава 3	44
Глава 4	53
Глава 5	64
Глава 6	72
Глава 7	81
Глава 8	90
Глава 9	101
Глава 10	113
Глава 11	119
Глава 12	122
Глава 13	132
Глава 14	139
Глава 15	147
Глава 16	157
Глава 17	162
Глава 18	170
Глава 19	174
Глава 20	183
Глава 21	187

Глава 22	195
Глава 23	203
Глава 24	214
Глава 25	225
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Харлан Кобен

Не говори никому. Беглец

Harlan Coben

TELL NO ONE

Copyright © 2001 by Harlan Coben

GONE FOR GOOD

Copyright © 2002 by Harlan Coben

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC All rights reserved

© А. Л. Панасюк, перевод, 2010

© А. Н. Круглов, перевод, 2004

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА ®

Не говори никому

Посвящается памяти моей племянницы Габриеллы Кобен (1997–2000), нашей маленькой Мышки...

Маленький спросил: «А куда исчезает любовь, когда мы умираем и уходим на небо? Ты будешь любить меня, когда меня не станет?»

Большой взял Маленького на руки, и они вместе смотрели на сверкающие звезды, на плывущую по небу луну. «Взгляни, Маленький. Видишь, как ярко горят звезды? А ведь многие из них давным-давно погасли... Но свет их все летит к нам в ночной темноте. Вот и любовь, как звездный свет, не умирает никогда...»

Деби Глиори. Что бы ни случилось

Пролог

Я просто обязан был что-то почувствовать. Что-то такое, о чем обычно пишут в книгах: мороз по коже, застывшее напряжение в воздухе, зловещие нотки в завывании ветра... Какой-нибудь тайный знак, понятный лишь мне и Элизабет. Есть несчастья, которых мы почти ожидаем (пример тому – случай с моими родителями); другие же сваливаются на нас внезапно, сокрушая все, что составляло смысл нашего суще-

ствования. Вот моя жизнь до трагедии. Вот – после. Ничего общего.

В день годовщины Элизабет казалась понурой. Я не придал этому значения: моя жена с детства имела склонность к меланхолии и частенько погружалась в глубокую задумчивость. Однако в тот вечер мне впервые показалось, что между нами возникла некая отчужденность. А может быть, я все это выдумал позже? К тому моменту наши отношения выдержали многое, и я размышлял, выдержат ли они еще и *эту* правду. Или, в случае если я решу промолчать, эту ложь.

Кондиционер рычал, будучи включен на максимум, снаружи было жарко и влажно – типичный для этих мест август. По мосту Милфорд мы пересекли Делавэрское ущелье и, заплатив дружелюбному служащему, въехали в Пенсильванию. Еще через десять миль, увидев надпись на камне, гласившую: «Озеро Шармейн – частное владение», я свернул на проселочную дорогу.

Пыль захрустела под шинами, как под копытами арабского скакуна. Элизабет приглушила радио. Краешком глаза я заметил, что она изучает мой профиль, и у меня екнуло сердце. Справа промелькнули два оленя, щиплющих листья. Звери было встревожились, однако, осознав, что мы не представляем никакой опасности, вернулись к прерванной трапезе. И вот озеро. Солнце уже садилось. Его умирающий свет окрашивал небо в оранжевый и пурпурный; верхушки деревьев будто охвачены огнем.

– Не могу поверить, что мы снова здесь, – сказал я.

– Ты же сам все это придумал.

– Да, но тогда мне было двенадцать!

Элизабет сдержанно улыбнулась. Редкий подарок, каждая ее улыбка надолго оставалась в моей душе.

– Это романтично, – заявила она.

– Это ерунда.

– А я люблю романтику.

– Ты любишь ерунду.

– Ты ведь сам заводишься каждый раз, когда мы сюда приезжаем.

– Ну, тогда мое имя – мистер Романтик.

Жена засмеялась и взяла меня за руку.

– Пойдем, мистер Романтик, а то темнеет.

Озеро Шармейн. Это название придумал мой дед, и оно буквально выводило бабушку из себя. Бабушке, видите ли, хотелось, чтобы озеро назвали в ее честь – озеро Берты. А дед сделал вид, что не понял. Два очка в его пользу.

Пятьдесят с лишним лет назад здесь располагался летний лагерь для богатеньких детишек. Видно, дети порядком допекли владельца озера, потому что он буквально за гроши продал и его, и всю окружающую территорию моему деду. Дед снес ббольшую часть строений, оставив и подремонтировав только директорский домик. Правда, в глубине леса, куда он не имел привычки заглядывать, сохранилось несколько полуразрушенных домушек. Я вместе с сестрой Линдой

обожал играть там в прятки, разыскивать пыльные сокровища, выслеживать Лешего, в существовании которого мы были уверены, как в своем собственном. Элизабет редко присоединялась к нашим походам. Она любила обжитые места, а загадки ее пугали.

Как только мы вышли из машины, меня окружили духи прошлого. Полным-полно духов, кружащихся вокруг и настойчиво требующих внимания. Выиграл, как всегда, отец. Тишина на озере стояла оглушительная, и все-таки я бы мог поклясться, что слышу, как он с радостным воплем летит с мостков – колени прижаты к груди, на лице – сияющая улыбка, упоение от восторга, светящегося в глазах его единственного сына, – и с оглушительным плеском рушится в воду возле загорающей на плоту мамы. Она ругает отца и смеется.

Я моргнул, и видения отступили. Но смех мамы, крик отца, плеск воды все еще слышались в тишине озера, и я подумал, что, возможно, отзвуки тех дней не затихли навсегда, что где-то в верхушках деревьев до сих пор звучат голоса моих родителей. Мысль, согласен, не самая умная.

Воспоминания, знаете ли, ранят. А приятные – особенно.
– Все в порядке, Бек? – окликнула меня Элизабет.

Я повернулся к ней:

– Если не ошибаюсь, мне пора начинать заводиться?

– Извращенец.

Элизабет двинулась вперед по тропинке – подбородок поднят, спина прямая, – и я вспомнил, как впервые увидел

эту походку. Я ехал по крутой и ветреной Гудхарт-роуд на велосипеде с бананово-желтым сиденьем и изображением Бэтмена на раме. Ехал без рук, как и подобает крутому семилетнему парню. Ветер откидывал назад волосы и выжимал слезы из глаз, я пропустил фургон, проезжавший мимо старого дома Раскинов, повернул за угол и – вот моя Элизабет! Она шла там с самодельным браслетом на руке, прямая, надменная и невероятно веснушчатая.

Две недели спустя мы встретились в школе, во втором классе, у мисс Собел и с тех пор – только не улыбайтесь, – с тех пор были неразлучны. Взрослые и посмеивались над нами, и недоумевали; детская дружба переросла сначала в первую любовь, потом в подростковую увлеченность, а вскоре и в юношескую страсть. Все ждали, когда же мы наконец перерастем наши отношения. Все, даже мы сами. Мы были неглупыми ребятами, особенно Элизабет, – первые ученики в классе и так далее, – поэтому прекрасно сознавали странность ситуации.

Только вот мы здесь, уже двадцатипятилетние, семь месяцев как женатые, на том самом месте, где впервые по-настоящему поцеловались.

Слащаво звучит, я знаю.

Ветви деревьев загораживали узкую сырую тропинку, приходилось все время отводить их в сторону. Воздух был напоен смолистым ароматом сосен, из густой травы позади нас с жужжанием поднимались тучи moskitov и другой ле-

тучей мелочи. Тени деревьев сплетались в невероятные фигуры, которые можно было толковать так же свободно, как плывущие в небе облака или пятна в тесте Роршаха.

Мы свернули в гущу кустарника и начали продираться к заветной цели. Элизабет по-прежнему шла впереди, я в двух шагах за ней. Теперь это кажется почти символичным, а тогда я считал, будто ничто не может нас разлучить, и доказательство тому – долгая история нашей любви. И я виноват в том, что так беззаботно отпустил ее от себя.

Виноват.

Элизабет свернула вправо, к большому продолговатому камню, возле которого и росло ТО САМОЕ дерево. Наши инициалы были глубоко врезаны в кору.

Э. П.

+

Д. Б.

Ну и конечно, сердечко вокруг. Под всем этим недоразумением было процарапано двенадцать линий, по числу лет, прошедших со дня нашего первого поцелуя. Я чуть было не ляпнул что-то о сентиментальных недоумках, однако, посмотрев на лицо Элизабет, потерявшее к тому времени значительную часть веснушек, на линию подбородка, на длин-

ную, грациозную шею, спокойные зеленые глаза, темные, заплетенные в густую косу волосы, промолчал. В тот момент я чуть было не рассказал ей все, но что-то меня остановило.

– Я тебя люблю, – сказал я.

– Уже прослезился?

– А как же!

– Я тоже тебя люблю.

– Ага! – злорадно парировал я. – Сама не лучше!

Элизабет улыбнулась – как мне показалось, не очень уверенно. Я обнял ее. Когда, двенадцать лет назад, мы наконец-то набрались смелости поцеловаться по-настоящему, от нее пахло чисто вымытыми волосами и клубничными конфетами. Тогда я был ошеломлен новизной ощущений. Теперь от моей жены пахло сиренью и корицей, а я почувствовал, как поцелуй, подобно теплему светящемуся облачку, поднимается из самых глубин сердца. Я до сих пор испытывал шок, когда ее язык касался моего. Элизабет отстранилась и перевела дыхание.

– Уступаю тебе почетное право, – сказала она и отдала ножик, чтобы я вырезал на дереве тринадцатую линию. Тринадцать. Теперь это кажется предзнаменованием.

* * *

Когда мы вернулись к озеру, уже стемнело, луна плыла по небу одиноким маячком. Было очень тихо, даже сверч-

ки почему-то молчали. Мы быстро разделись, я взглянул на Элизабет в лунном свете и почувствовал комок в горле. Она нырнула первой, почти беззвучно, я неуклюже прыгнул за ней. Вода оказалась неожиданно теплой. Элизабет плыла, делая четкие, уверенные гребки, волны будто расступались перед ней, я с плеском двигался следом. Звуки разлетались по поверхности озера, как брошенные ловкой рукой камешки. Элизабет повернулась ко мне, мы обнялись. Я всегда любил прикасаться к ее коже. Она прижалась всем телом, я слышал ее дыхание и чувствовал биение сердца. Такие живые звуки. Мы поцеловались. Мои руки скользнули по ее спине...

После – а прошло все просто замечательно – я подтянул к себе плот и рухнул на него, переводя дух. Ноги свободно болтались в воде. Элизабет нахмурилась:

- Ты что, собираешься отвернуться и уснуть?
- И даже захрапеть.
- Ох уж эти мужчины!

Я улегся на спину, закинув руки за голову. Тучи закрыли луну, ночь стала еще черней. Воздух был неподвижен, я отчетливо слышал, как Элизабет выходит из воды на мостки, и даже разглядел ее обнаженный силуэт. Стоит ли говорить, что она была сногшибательна. Я наблюдал, как жена, наклонившись, выжимает волосы и, выпрямившись, откидывает их назад.

На меня опять нахлынули мысли о недавнем происшествии, я все еще не верил в него до конца. Плот сносило те-

чением, он отплывал все дальше и дальше от пристани, я начал терять Элизабет из виду. В тот момент, когда ее силуэт окончательно пропал в темноте, я вдруг решился: расскажу ей все! На меня нахлынуло невероятное облегчение. Волны с тихим шорохом бились о плот.

И тут хлопнула дверца машины.

Я рывком сел.

– Элизабет?

Тишина, слышно лишь мое прерывистое дыхание.

Я попытался разглядеть, что происходит. Тьма стояла непроглядная, но на какое-то мгновение показалось, что я увидел жену. Она стояла, молча рассматривая меня. И вдруг исчезла.

Я поморгал и снова вгляделся в темноту. Тщетно.

Сердце ушло у меня в пятки.

– Элизабет!

Нет ответа.

Я запаниковал. Нырнул с плота и поплыл к берегу. Казалось, что я чересчур громко гребу руками. Так громко, что не слышу происходящего на берегу. Я остановился.

– Элизабет!

Ни звука. Тучи все еще закрывали луну. Может, Элизабет зашла в купальню? Или просто решила достать что-то из машины? Я открыл рот, чтобы позвать еще раз.

И тут услышал ее крик.

Я опустил голову и поплыл. Поплыл так быстро, как толь-

ко мог, руки и ноги лихорадочно колотили воду. К несчастью, до мостков было слишком далеко. Я попытался хоть что-нибудь разглядеть, но луна все не показывалась.

Послышались звуки борьбы, вскрики, будто кого-то тащили силком.

Наконец я увидел причал. До него оставалось шагов двадцать, не больше. Я начал грести еще быстрее. Легкие горели, я наглотался воды, руки рывками двигали тело вперед. Вот она – лестница! Я вцепился в нее и с усилием выдернул себя из воды. После Элизабет мостки еще оставались влажными. Я вгляделся в сторону купальни и ничего не увидел.

– Элизабет!

Что-то вроде бейсбольной биты воткнулось мне в солнечное сплетение. Я разинул рот и согнулся пополам, пытаюсь вздохнуть. И опять удар, теперь по затылку. В череп будто заббили огромный гвоздь. Колени подломились, я упал и, ничего не соображая, схватился руками за голову, пытаюсь унять боль. И тут меня ударили прямо в лицо.

Теряя сознание, я рухнул в озеро. Элизабет закричала снова – на этот раз мое имя, – но все звуки затихли, и я ушел под воду.

Глава 1

Восемь лет спустя

Очередная малолетка разрывает мне сердце.

Карие глаза, курчавые волосы, белозубая улыбка. Ей четырнадцать и...

– Ты беременна?

– Да, доктор Бек.

Я старался не зажмуриться. Это далеко не первая девочка, пришедшая на прием с подобной новостью. Не первая даже за сегодня. Я работаю педиатром в клинике Вашингтон-Хайтс с тех пор, как пять лет назад окончил ординатуру в находящемся поблизости Колумбийском пресвитерианском медицинском центре. Согласно программе «Медикэйд», мы помогаем нуждающемуся (читай: бедному) населению: терапия, гинекология и, конечно, педиатрия. Потому многие и считают меня добреньким благотворителем. Они ошибаются. Я люблю свою работу, и мне скучно быть педиатром в каком-нибудь богатом пригороде, общаться со спортивными мамочками и наманикюренными папочками, в общем, с людьми вроде меня.

– И что ты собираешься делать? – спросил я.

– Не я, а мы с Тереллом. Мы очень счастливы, доктор Бек.

– А сколько Тереллу лет?

– Шестнадцать.

Она взирала на меня, радостно улыбаясь. Мне опять захотелось зажмуриться.

Самое шокирующее, что бóльшая часть подобных беременностей неслучайна. Дети хотят иметь детей, и никто не принимает это в расчет. Да, с ними говорят о контроле рождаемости, предохранении, воздержании и тому подобном. Однако у их крутых друзей уже есть дети, и к ним привлечено всеобщее внимание. «Эй, Терелл, а почему бы и нам не...»

– Он меня любит, – сообщила четырнадцатилетка.

– Ты говорила с мамой?

– Нет еще. – Она сконфузилась и сразу стала выглядеть на свои четырнадцать. – Я думала, вы поможете.

– Разумеется, – кивнул я.

Я уже давно не осуждал их. Я слушал. Впитывал. Несколько лет назад я бы прочел девочке лекцию. Тогда я свысока глядел на своих бестолковых пациентов и обрушивал на их головы горы сведений о саморазрушении и деградации. Но вот однажды, холодным манхэттенским утром, одна из них, изможденная семнадцатилетняя женщина, ожидавшая третьего ребенка от третьего отца, посмотрела мне прямо в глаза и сказала сущую правду: «Вы не знаете, как я живу».

Меня здорово встряхнула эта фраза. Я перестал разыгрывать белого миссионера и стал просто хорошим доктором. Я окружу девочку и ее ребенка всевозможной заботой и не стану объяснять маленькой дурочке, что Терелл скоро исчезнет

из ее жизни, что она уже испортила себе будущее и, вероятно, родит еще парочку детей от других отцов до того, как ей исполнится двадцать.

Если думать об этом слишком много, начнешь сходить с ума.

Мы поговорили еще несколько минут. Вернее, говорила девочка, а я слушал. Моя смотровая, исполняющая также обязанности офиса, была размером с тюремную камеру (только не подумайте, что я знаю это по собственному опыту), со стенами, выкрашенными в веселенький зеленый цвет, каким красят душевые в школах. Таблица зрения (та, где вы должны называть буквы) висела напротив двери, выцветшие картинки из диснеевских мультиков – на левой стене, огромный плакат с пирамидой питания – на правой. Моя четырнадцатилетняя пациентка сидела на смотровом столе с рулоном специальной бумаги, который выдавался в ходе осмотра каждому посетителю. Непонятно почему, бумага напомнила мне обертку сэндвича из «Карнеги дели».

Радиатор жарил на полную мощность, потому что в месте, где постоянно раздеваются дети, это просто необходимо. Я был одет в рабочий «костюм»: джинсы, рубашка и яркий галстук с эмблемой благотворительного фонда «Спасение детей» и датой «1994». Я не ношу белый халат. Мне кажется, он пугает малышей.

Моя четырнадцатилетка – я никак не мог отвлечься от ее возраста – была неплохой девочкой. Смешно, но большин-

ство из них именно такие. Я выписал направление к хорошему гинекологу, потом поговорил с ее матерью. Ничего нового или необычного. Как я уже сказал, приходится заниматься такими вещами почти что каждый день. Мы даже обнялись, перед тем как мать с дочкой вышли. За спиной девочки мы с матерью обменялись взглядами. Ко мне ежедневно приводят своих детей примерно двадцать пять женщин, – правда, к концу недели я могу на пальцах сосчитать тех, кто замужем.

Как я уже говорил, я никого не осуждаю. Я лишь наблюдатель.

Проводив посетителей, я взял медицинскую карту беременной и просмотрел несколько страниц. Я вел девочку с тех пор, как был еще ординатором, а ей исполнилось всего-навсего восемь. Она выросла у меня на глазах. Я попытался вспомнить, как шесть лет назад выглядела моя пациентка, и понял, что девочка мало изменилась. Наконец-то можно зажмуриться и изо всех сил потерять глаза.

И тут истошно заорал Гомер Симпсон: «Почта! Почта пришла! О-о-о-о!»

Пришлось открыть глаза и повернуться к монитору. Гомера Симпсона – одного из героев мультика «Симпсоны» – кто-то встроил в систему оповещения компьютерной почты, а я и не возражал. Мне даже нравилось.

Только собрался проверить входящие, заквакал интерком, и Ванда, секретарь, неуверенно проговорила:

– Вас... кхм... вас... просит... Шона.

Я понял ее смятение, поблагодарил и нажал мигающую кнопку.

– Привет, солнышко.

– Не надо любезностей, – отозвались на том конце трубки. – Я уже иду.

Я поднялся и прошел по коридору к приемной, куда с улицы входила Шона. Она вошла в маленькое помещение так, будто делала нам одолжение. Шона – топ-модель, все знают ее по имени, так же как Шер или, скажем, Наоми. При росте шесть футов один дюйм она весит сто девяносто фунтов и выглядит, как вы и сами догадались, головокружительно. Все в приемной, повернув голову в ее сторону, невольно подтвердили этот эпитет.

Шона даже не подумала остановиться около секретаря, а секретарю и в голову не пришло ее окликнуть. Кивнув в сторону входной двери, она заявила:

– Ланч. Немедленно.

– Я же говорил, что буду занят.

– Надень пальто, там холодно.

– Слушай, у меня все нормально. В конце концов, годовщина только завтра.

– Столик заказан.

Я заколебался, и Шона это почувствовала.

– Пойдем, Бек! Будет весело. Совсем как в старые добрые времена в колледже. Помнишь, когда мы с тобой кадрили цыпочек?..

– Я никогда не кадрил цыпочек.

– Хорошо, я кадрила без тебя. Надевай пальто и идем.

Я сдался и пошел одеваться. Около моего кабинета одна из мамаш хитро улыбнулась мне и шепнула:

– В жизни она даже лучше, чем на экране.

– Точно, – согласился я.

– А вы с ней... – Мамашка сложила ладони вместе.

– Нет, у нее уже есть кое-кто.

– Правда? И кто же?

– Моя сестра.

* * *

Мы сидели в облезлом китайском ресторанчике. Официант-китаец, как оказалось, понимал только по-испански. Шона, одетая в безупречный синий костюм, нахмурилась:

– Это что, мясо Мушу¹ в черепашьем панцире?

– А ты попробуй, – посоветовал я.

Мы познакомились в первый день учебы в колледже. При составлении списков куда-то пропала буква «а», и вместо Шоны появился Шон. В итоге нас поселили в одну комнату в общежитии. Мы сначала хотели сообщить об ошибке в администрацию, но разговорились и неожиданно почувствовали растущую симпатию. Шона поставила мне пиво, и через

¹ *Мушу* – дракончик, герой мультфильма «Мулан», снятого на студии У. Диснея. – *Здесь и далее примеч. перев.*

час мы решили оставить все как есть. А то еще неизвестно, каких придурков могут к нам подселить.

Я поступил в Амхерст, знаменитый частный колледж в Западном Массачусетсе. И если есть на свете место, где собирается больше маменькиных сынков, чем там, то я его не знаю. Элизабет, наша школьная звезда, выбрала Йель. Конечно, мы могли поступить куда-то вместе, однако, обсудив все «за» и «против», решили, что надо вести себя по-взрослому и серьезно проверить наши отношения. Вы спрашиваете, что из этого вышло? Мы дико скучали друг без друга, разлука лишь укрепила чувства, придав им налет романтического страдания.

Слащаво, я знаю.

– Посидишь сегодня с Марком? – спросила Шона с набитым ртом.

Марк был моим пятилетним племянником. Незадолго до окончания института Шона начала встречаться с Линдой. Семь лет назад они поженились, продуктом этой так называемой любви и стал Марк. Ну конечно, не без помощи искусственного осеменения. Линда выносила ребенка, а Шона усыновила. Будучи несколько старомодными, они надеялись, что сын вырастет настоящим мужчиной, и я был призван олицетворять мужское влияние.

Короче, если вспомнить, что творится на работе, моя жизнь явно напоминает шоу «Семейка Осборн».

– Без проблем, – отозвался я. – Как раз хотел посмотреть

новый диснеевский мультик.

– Ой, он замечательный! Не хуже «Покахонтас».

– Вот и отлично. А куда вы собрались, если не секрет?

– Очередное дурацкое мероприятие. Теперь лесбиянки в моде, и наша общественная жизнь стала чересчур бурной. Порой я даже жалею о временах, когда приходилось прятаться по туалетам.

Я заказал себе пиво. Не надо бы... а, ну ладно, одно – не страшно. Шона последовала моему примеру.

– Итак, ты расплевался с этой, как ее там...

– Бренди.

– Точно. Классное имечко! У нее, случайно, нет сестренки по имени Виски?

– Мы всего лишь пару раз встретились.

– Я рада, она мне совсем не нравилась – ни рожи ни кожи. У меня для тебя есть кое-кто получше.

– Нет, спасибо.

– У нее потрясная фигура!

– Перестань сватать мне своих подружек, Шона. Пожалуйста.

– Объясни – почему?

– Помнишь ту, последнюю?

– Кассандру?

– Ее.

– И что с ней не так?

– Все так, кроме одной маленькой проблемы, – она лес-

биянка.

– О господи. Бек, ты просто шовинист какой-то!

Зазвонил мобильник Шоны. Она откинулась в кресле и, разговаривая, изучала мое лицо. Затем, рывкнув что-то резкое, отключилась.

– Мне пора бежать, – вздохнула она.

Я махнул официанту.

– Заходи завтра вечером, – предложила Шона.

– Что, у лесбиянок нет никаких планов? – притворно удивился я.

– У меня нет. Зато твоя сестра приглашена на официальный прием в доме Брэндона Скоупа.

– А ты почему не идешь?

– Мы не хотим бросать Марка две ночи подряд. Линда не может не пойти, она руководит фондом. А я взяла отгул. Приходи, ладно? Закажем чего-нибудь поесть, посмотрим с Марком видео.

Завтра – годовщина. Будь Элизабет жива, мы бы процарапали на нашем дереве двадцать первую линию. Возможно, это прозвучит странно, но «особые дни» – годовщины, праздники, дни рождения Элизабет – пролетали для меня незаметно. Я загружал себя на полную катушку и просто не успевал страдать. Будни – вот что было самым страшным. Когда я щелкал пультом телевизора и натыкался на «Шоу Мэри Тайлер Мур» или «Ваше здоровье!». Когда рылся на полках книжного магазина и замечал новый роман

Элис Хоффман или Энн Тайлер. Когда слушал «Фор топс» или Нину Симон...

– Я обещал зайти к матери Элизабет, – сказал я.

– О, Бек... – Шона была готова возразить и все же сдержалась. – А послезавтра?

– Непременно.

Шона схватила мою руку:

– Ты не пропадешь опять?

Я не ответил.

– Я люблю тебя, сам знаешь! В смысле, если бы мне вообще нравились мужчины, ты был бы первый на очереди.

– Я тронут, – ответил я. – Честно.

– Не убегай, не замыкайся в своей скорлупе! Говори со мной хоть иногда. Будешь?

– Буду, – сказал я. И это была неправда.

* * *

Подумать только, я чуть не стер это сообщение!

Мне приходит столько всякого мусора, ну, вы знаете, того, что называют спамом, что рука почти машинально нажимает клавишу «Удалить». Обычно я читаю адрес, и если сообщение от кого-то из знакомых или из больницы – прекрасно. Нет – до свидания.

Я сел за стол и просмотрел расписание. Не продохнуть. Впрочем, как и всегда. Крутанулся на стуле и занес над кла-

виатурой «удаляющий» палец. Всего лишь одно сообщение, то самое, о котором оповещал Симпсон. Я кинул беглый взгляд на адрес и задержался на первых двух буквах темы.

Что за черт...

Экран был отформатирован таким образом, что я видел только эти две буквы и адрес отправителя. Совершенно незнакомый адрес: какие-то цифры и @comparama.com.

Я прищурился и нажал кнопку, сдвинув окно вправо. Каждое нажатие кнопки выводило на экран всего одну букву, в такт нажатиям бухал мой пульс, сбивалось дыхание. Я ждал, не отрывая пальца.

Когда все буквы появились на экране, я снова прочел тему, и в груди похолодело.

* * *

– Доктор Бек?

Я не мог разлепить губы.

– Доктор Бек?

– Минуточку.

Ванда заколебалась. Несколько секунд я еще слышал в ин-теркомме ее дыхание, потом она отключилась.

Я не мог оторвать глаз от экрана.

От: 13943928@comparama.com

Кому: dbeckmd@nyhosp.com

Двадцать одна линия. Я уже четыре раза сосчитал.

Чья-то дурная, жестокая шутка. Я почувствовал, как пальцы сжимаются в кулаки. Знать бы, что за сволочной сукин сын прислал это идиотское сообщение. В Интернете невероятно легко сохранить анонимность; для подлеца, которому посчастливилось жить в наш технический век, нет лучшего укрытия. Но вот какая штука: не так уж много народу знает о нашем дереве и о годовщине. Журналисты и то не докопались. Знают, конечно, Шона и Линда. Элизабет могла поделиться с родителями и дядей. А кроме них...

Что же все это значит?

Нужно было немедленно прочесть само сообщение, однако что-то меня удерживало. Дело в том, что я думаю о Элизабет гораздо больше, чем кажется со стороны. Я никогда не говорю о ней или о случившемся. Люди, наверное, считают меня очень сдержанным и суровым; они уверены, будто я не желаю принимать соболезнований, переживаю горе, как настоящий мужчина. Ерунда, дело совсем в другом. Разговоры о Элизабет ранят, и очень сильно. Я словно опять слышу ее последний крик, вновь передо мной встают вопросы, на которые никто не знает ответа, вновь одолевают мысли о том, что было бы, если бы не... Мало вещей на свете ранит так же больно, как это «если бы не...». Возвращается и чувство вины, и мысли о том, что кто-то другой – сильнее, смелее, – возможно, смог бы ее спасти.

Говорят, горе осознается не сразу. Первый шок мешает адекватно воспринимать реальность. И это тоже ерунда. По крайней мере, в моем случае. Я понимал все совершенно четко с того момента, как нашлось тело Элизабет. Я знал, что никогда не увижу ее снова, что никогда больше не обниму, что у нас не будет детей и счастливой старости. Знал, что это конец, что возврата к прошлому нет и ничего нельзя исправить или изменить.

Я тогда сразу начал плакать. Я плакал, не замечая этого, почти неделю без остановки. Я никому не давал до себя дотронуться, даже Линде или Шоне. Я спал на нашей с Элизабет кровати, зарывшись с головой в ее подушку, вдыхая ее запах. Я открывал платяной шкаф и прижимался лицом к ее одежде. Это не утешало, даже наоборот. Но запах Элизабет был частью ее самой, и я продолжал терзать себя.

Умудренные опытом друзья – самые противные из всех – произносили затасканные слова о том, что я еще молод, что время лечит. Мне хотелось крикнуть им: «Выразите свое глубокое соболезнование и заткнитесь! Не надо говорить, что она теперь в лучшем мире. Не надо говорить, что так решила судьба. Не надо объяснять мне, что я – счастливец, потому что узнал такую любовь». Все эти банальности только бесили. Я смотрел на произносивших подобные слова идиотов и думал – не очень-то гуманно – о том, почему они все еще ходят по земле, в то время как моя Элизабет гниет в могиле.

Тем не менее приходилось покорно выслушивать бредни про то, что «лучше узнать любовь и потерять ее, чем не любить вообще». Да нисколько не лучше. Мне показали рай, а потом отняли. И это еще не все. Хуже то, что Элизабет продолжала незримо присутствовать в моей обыденной жизни. Сколько раз я видел или делал нечто, что непременно бы ей понравилось, столько раз и возвращалась боль. Меня спрашивали: сожалею ли я о чем-нибудь? Если бы я удосужился им ответить, то сказал бы, что сожалею лишь об одном – что не потратил КАЖДЫЙ миг своей жизни на то, чтобы сделать Элизабет счастливее.

– Доктор Бек?

– Секундочку.

Я положил руку на мышку и кликнул по иконке «Читать». Письмо появилось целиком.

От: 13943928@comparama.com

Кому: dbeckmd@nyhosp.com

Тема: Э. П. + Д. Б. //////////////////////////////////

Кликните по этой ссылке. День годовщины, час поцелуя.

В груди у меня похолодело.

Час поцелуя?

Все-таки розыгрыш, не иначе. Я никогда не любил шарады и не умел долго ждать.

Я снова схватил мышку и подвел стрелку курсора к ссылке. Щелкнул по ней и услышал, как нехотя заверещал ста-

ренький модем. У клиники не было средств на современное оборудование, и, открывая новую страницу, приходилось подолгу ждать. «Час поцелуя»... Как они узнали про «час поцелуя»?

На экране появилась надпись: «Ошибка».

Я нахмурился. Что же это, черт возьми, такое? Я попробовал соединиться еще раз. Опять ошибка. Ссылка не работала.

Кто, дьявол его забери, мог знать о часе поцелуя?

Я никому не говорил. Мы даже с Элизабет это особо не обсуждали. Да и что тут обсуждать? Мы были сентиментальны, как Поллианна², и старались держать такие вещи в секрете. Вы спросите – какие? Дело в том, что, когда мы, двадцать один год назад, впервые поцеловались, я засек время. Просто так, для смеху. Глянул на часы и сказал: «Пятнадцать минут седьмого».

А Элизабет ответила: «Час поцелуя».

Я опять прочел сообщение. Это было совсем не весело, а пожалуй, даже страшновато. Одно дело сыграть жестокую шутку и совсем другое...

«Час поцелуя».

Он наступит завтра, в 18:15. Мне остается только ждать. Больше ничего.

Я сохранил сообщение на дискету, просто на всякий слу-

² *Поллианна* – героиня одноименной детской книги (1913) американской писательницы Э. Портер, неисправимая оптимистка.

чай. Потом полностью распечатал его на принтере. Я мало что понимаю в компьютерах, но говорят, будто по всей этой адресной абракадабре можно вычислить, откуда пришло письмо. Принтер заворчал. Я снова перечитал тему и пересчитал линии. Точно, двадцать одна.

Я вспомнил наше дерево, первый поцелуй, и в моем тесном, душном кабинете вдруг запахло клубничными леденцами.

Глава 2

Дома я обнаружил еще один привет из прошлого.

Я живу вместе с бабушкой на противоположной от Манхэттена стороне моста Джорджа Вашингтона, в типичном американском пригороде. Грин-Ривер, штат Нью-Джерси – райончик, где, несмотря на название, нет и не было никакой реки и почти не наблюдается зелени³. Я переехал к деду и его постоянно меняющемуся штату наемных сиделок три года назад, после смерти бабушки.

Бабушка страдает болезнью Альцгеймера. Его мозг напоминает старый черно-белый телевизор. (Помните, тот, с ушастой антенной?) Он работает то хуже, то лучше. Иногда вдруг так хорошо, что вы пытаетесь зафиксировать антенну в этом положении и больше ее не трогать. Правда, и в этом случае по экрану бегут вертикальные полосы. Во всяком случае, до сих пор было именно так. Но в последние дни – если уж придерживаться сравнений – телевизор сломался окончательно.

Я никогда по-настоящему не любил деда. Он был старомодным человеком, очень жестким и авторитарным, его отношение к вам оказывалось прямо пропорционально вашим успехам. Суровый и принципиальный, дед и любил так же требовательно, как жил. Эмоциональный, впечатлитель-

³ Green River (*англ.*) – зеленая река.

ный, да еще и физически хилый внук не заслуживал особых чувств с его стороны.

Только я все равно переехал к нему. Потому что, если бы этого не сделал я, это бы сделала Линда. Подобные решения в ее стиле. Когда в летнем лагере мы пели псалмы, сестра принимала их содержание чересчур близко к сердцу. Однако у Линды есть сын и «вторая половина», можно сказать, семья. А у меня – никого. Поэтому я взял ответственность на себя и не жалею об этом. Мне даже нравится здесь. По крайней мере, тихо.

Хлоя, моя собака, подскочила, радостно крутя хвостом. Я потрепал ее мягкие висячие уши, она недвусмысленно посмотрела на поводок.

– Подожди минутку, – попросил я.

Мой ответ Хлое явно не понравился. Она укоризненно поглядела на меня – что не так-то легко, когда твои глаза почти полностью закрыты шерстью. Хлоя – бородатый колли, порода, которая выглядит самой «пастушеской» среди всех разновидностей колли, которых я когда-либо видел. Мы с Элизабет купили ее сразу после свадьбы. В те годы Элизабет любила собак, я – нет. Теперь люблю.

Хлоя рухнула около входной двери, настойчиво поглядывая то на нее, то на меня.

Дед сидел перед телевизором. Когда я вошел, он не повернул головы, хотя за происходящим на экране тоже не следил. Лицо его напоминало гипсовую посмертную маску. Един-

ственной процедурой, которая немного оживляла маску, была смена памперса. В эти моменты губы деда разжимались, лицо становилось мягче, даже глаза наполнялись слезами. Похоже, что в этот момент его сознание ненадолго прояснялось.

У Господа своеобразное чувство юмора.

Сиделка оставила на кухонном столе записку: «Позвоните шерифу Лоуэллу». И номер телефона.

Я почувствовал, как в грудной клетке заколотилось сердце. После избиения на озере у меня начались приступы мигрени, череп будто молнии пронзали. Пришлось даже лечь на обследование, и один специалист, мой студенческий приятель, сказал, что боли имеют скорее психологический, чем физиологический характер. Наверное, он прав. Вот и сейчас боль и чувство вины проснулись одновременно. Надо было увернуться от удара. Надо было отбиваться, а не терять сознание и не падать в озеро. И – самое главное – я ведь как-то собрал силы и спасся. Значит, надо было сделать то же самое и для Элизабет.

Глупо рассуждать об этом теперь, я знаю.

Я перечитал записку. Хлоя начала повизгивать. Я поднял палец – она умолкла и все же продолжала перебегать глазами с двери на меня и обратно.

Я не слышал о шерифе Лоуэлле восемь лет, но до сих пор помню его сидящим около моей больничной койки, с лицом, на котором отражаются недоверие и насмешка.

Что ему понадобилось?

Я набрал номер. Трубку сняли после первого же звонка.

– Спасибо, что перезвонили, доктор Бек.

Я не очень люблю беседовать с полицией – в таких разговорах, на мой вкус, слишком много официальщины. Однако пришлось откашляться и любезно произнести:

– Чем могу быть полезен, шериф?

– Я на дежурстве, – ответил тот, – и хотел бы, если нет возражений, заскочить к вам.

– Это какая-то формальность?

– Нет, не совсем.

Лоуэлл подождал ответной реакции. Не дождался.

– Может, прямо сейчас? – спросил он.

– А по какому поводу визит?

– Я бы хотел подождать с объяснениями до...

– А я бы лучше узнал обо всем немедленно.

Я почувствовал, как мои пальцы крепче стиснули телефонную трубку.

– Хорошо, доктор Бек. Понимаю вас.

Он прочистил горло, явно пытаясь выиграть время.

– Может быть, вы уже слышали в новостях, что возле озера Шармейн были обнаружены два тела?

Делать мне больше нечего, новости смотреть.

– И что из этого?

– Они найдены на территории, которая является вашей собственностью.

– Не моей, а моего деда.

– Но вы ведь его официальный наследник, разве нет?

– Ошибаетесь. Наследство получит моя сестра.

– В таком случае не могли бы вы ей позвонить? Я бы поговорил с вами обоими.

– Надеюсь, тела найдены не на самом берегу озера?

– Нет, западнее. Фактически это уже не ваша земля, а округа.

– Тогда чего же вы хотите от нас?

Пауза.

– Слушайте, я буду через час. Попробуйте вызвать Линду, идет?

Шериф повесил трубку.

* * *

Восемь лет не прошли даром для шерифа Лоуэлла, хотя, по чести говоря, он никогда не был похож на Мела Гибсона. Паршивый такой мужичонка, ему бы с президентом Никсоном в красоте состязаться. Шериф имел привычку доставать из кармана потрепанный носовой платок, медленно, с достоинством разворачивать его, вытирать нос, так же не спеша складывать и запихивать обратно в задний карман брюк.

Линда приехала сразу же после моего звонка. Она сидела, напряженно подавшись вперед, готовая защищать меня до конца. Сестра часто сидела в такой позе. Линда принадлежа-

ла к породе людей, которые полностью завладевают вашим вниманием. Она устремляла на вас взгляд больших, блестящих карих глаз так, что вы были просто не в состоянии смотреть куда-то еще. Я, конечно, необъективен, и тем не менее Линда – лучший человек из всех, кто встречался мне в жизни. Возможно, это прозвучит сентиментально, но тот факт, что она есть на земле, дает мне силы для существования, а ее любовь – практически единственное, что у меня осталось в этом мире.

Мы устроились в гостиной деда – в месте, которое я обычно обхожу стороной. Это мрачная, душная комната, где стоит неистребимый запах старой мебели. Мне всегда трудно там дышать. Шериф потратил несколько минут на подготовку к разговору: основательно высморкался, достал из кармана блокнот, натянул на лицо самую приветливую из своих улыбок и обратился к нам с вопросом:

– Не будете ли вы так добры сказать мне, когда в последний раз были на озере?

– В прошлом месяце, – ответила Линда.

Лоуэлл перевел взгляд на меня.

– Восемь лет назад.

Он кивнул, будто ожидал чего-то подобного.

– Как я сказал вам по телефону, мы обнаружили два тела неподалеку от озера Шармейн.

– Их уже опознали? – спросила Линда.

– Нет.

– Странно.

Лоуэлл опять потянулся за платком, давая себе время сформулировать очередную фразу.

– Мы выяснили, что оба покойных мужского пола, взрослые, белые. Сейчас проверяем базы данных по пропавшим. Тела достаточно давние.

– Насколько давние? – спросил я.

Шериф внимательно посмотрел мне в глаза:

– Трудно сказать. Данные экспертизы еще не готовы, но по приблизительным прикидкам им как минимум пять лет. Они были на редкость тщательно спрятаны. Если бы не недавний ливень, который размыл место захоронения, мы бы никогда их не нашли. Нам помог медведь.

Мы с сестрой озадаченно переглянулись.

– Извините, кто? – переспросила Линда.

– Охотник подстрелил медведя и обнаружил во рту у зверя человеческую кость. Руку, если быть точнее. Мы начали розыски, они, конечно, заняли некоторое время и, честно говоря, до сих пор не закончены.

– Думаете найти что-нибудь еще?

– Посмотрим.

Я откинулся назад, Линда сидела все так же напряженно.

– Значит, вы у нас, чтобы получить разрешение на раскопки возле озера?

– Отчасти.

Мы ждали продолжения. Лоуэлл прокашлялся и снова

уоставился на меня.

– Доктор Бек, у вас ведь третья группа крови, резус положительный?

Я уже открыл рот, но Линда предостерегающе положила руку мне на колено.

– А при чем тут это? – осведомилась она.

– Мы нашли еще кое-что. Рядом с телами.

– Что же?

– Извините, это конфиденциальная информация.

– Тогда уходите, – резюмировал я.

Шериф, казалось, не обиделся и не удивился.

– Я лишь пытаюсь выяснить...

– Я сказал – выметайтесь!

Он даже не двинулся.

– Я знаю, что убийца вашей жены сидит в тюрьме. И понимаю, что мои расспросы ужасно травмируют.

– Не надо меня утешать.

– Я и не собирался.

– Восемь лет назад вы считали, что это я ее убил.

– Не совсем так. Вы были ее мужем, и в таких случаях подозреваются все члены семьи.

– Если бы вы не тратили время на этот бред, то, возможно, нашли бы ее до того, как... – Я осекся, задохнувшись. Отвернулся. Черт! Черт побери все! Линда попыталась взять меня за руку, я отодвинулся.

– Это часть моей работы – принимать во внимание любую

версию, – гнул свое шериф. – Начальство было в курсе. Даже ваш тесть и его брат были в курсе. Мы сделали все возможное.

Я больше не мог этого выносить.

– Что вы хотите от нас, Лоуэлл?

Шериф встал, подтянув брюки. Казалось, он старается выглядеть выше, внушительнее.

– Анализ крови, – ответил он. – Ваш.

– Зачем?

– Когда вашу жену похитили, вас избили.

– И что из этого?

– Вас ударили тупым предметом.

– Это всем известно.

– Да.

Лоуэлл опять вытер нос, аккуратно убрал платок и заходил туда-сюда по комнате.

– Непосредственно рядом с трупами мы обнаружили бейсбольную биту.

Я почувствовал, как в голове привычно запульсировало.

– Биту?

Лоуэлл кивнул:

– Захоронена вместе с телами. Деревянная.

– Не понимаю, какое отношение к этому имеет мой брат? – спросила Линда.

– Видите ли, на бите обнаружена засохшая кровь. Третьей группы. – Шериф повернулся ко мне. – Вашей группы.

Мы пережевали все сначала. Годовщину, дерево, вырезанную линию, купание в озере, хлопок дверцы, мой неистовый заплыв обратно к берегу.

– Вы помните, как упали в воду? – спросил шериф.

– Да.

– Вы слышали, как кричала ваша жена?

– Да.

– Затем вы потеряли сознание? В воде?

Я кивнул.

– Вы сказали, что у берега было глубоко? Насколько глубоко?

– А вы не измерили восемь лет назад? – поинтересовался я.

– Ответьте на вопрос, доктор Бек.

– Не знаю. Глубоко, и все.

– Выше головы?

– Да.

– Прекрасно. Что вы помните дальше?

– Больницу.

– И больше ничего? Между падением в воду и больницей?

– Ничего.

– Вы не помните, как вылезли из воды? Как добрались до купальни? Как вызвали «скорую»? Вы ведь проделали все

это, знаете ли. Мы нашли вас на полу с телефонной трубкой в руке.

– Знаю, но не помню.

Тут в разговор вмешалась Линда:

– Вы думаете, что эти два человека тоже жертвы, – она поколебалась, – Киллроя?

Последнее слово сестра произнесла шепотом. Киллрой. Одно его имя леденило.

Лоуэлл кашлянул в кулак:

– Мы не уверены, мадам. Все известные нам жертвы Киллроя были женщинами. И он никогда не прятал тела. Во всяком случае, нам об этом ничего не известно. Кроме того, кожа на телах уже разложилась, и мы не можем сказать, было ли на ней клеймо.

Клеймо. У меня закружилась голова. Я закрыл глаза и перестал слушать.

Глава 3

На следующий день я ворвался в офис рано утром, часа за два до начала работы. Хлопнулся на стул у компьютера, вызвал загадочное сообщение и кликнул по ссылке. Опять ошибка. Впрочем, ничего удивительного. Я уставился на текст, пытаюсь найти в нем какой-нибудь новый, более глубокий смысл. Не нашел.

Вчера вечером мне пришлось сдать кровь на ДНК. Полный тест займет несколько недель, но предварительные результаты будут гораздо раньше. Я пытался разговорить Лоуэлла и не смог, хотя он явно что-то скрывал. Что – не имею ни малейшего понятия.

Сидя в кабинете и дожидаясь первого пациента, я снова и снова прокручивал в голове подробности беседы с шерифом. Думал о найденных телах, об окровавленной бите. Позволил себе даже вспомнить о клейме.

Тело Элизабет нашли на Восьмидесятой автостраде через пять дней после похищения и через два дня после смерти. Во всяком случае, так решил коронер. Это означало, что она провела три дня своей жизни с Элроем Келлертоном, известным под кличкой Киллрой. Три дня. Наедине с монстром. Три рассвета и три заката, перепуганная, истерзанная. Я всегда запрещал себе думать об этом. О некоторых вещах размышлять просто невозможно, подсознание защищается.

Киллроя схватили через три недели. Он сознался в убийствах четырнадцати женщин (начиная с молоденькой студентки и заканчивая проституткой из Бронкса), совершенных им без всякой видимой причины, по чистой прихоти. Все жертвы были найдены брошенными у дороги, как отслужившие свой срок вещи. Все заклеены буквой «К». Этот маньяк клеймил их, как скотину! Элизабет – тоже. Взял железку, сунул в огонь, предварительно надев на руку рукавицу-прихватку, подождал, когда клеймо раскалится докрасна, и с отвратительным шипением прижег нежную кожу моей жены.

Я позволил мыслям забрести в запретную зону, и фантазия услужливо нарисовала мне картины одну страшнее другой. Я крепко зажмурился, прогоняя их. Это не помогло. Кстати, он все еще жив, Киллрой. Наша судебная система дала этому монстру возможность дышать, читать, разговаривать, давать интервью, встречаться с благотворителями, улыбаться, в конце концов. А его жертвы гниют под землей. Как я уже говорил, у Господа оригинальное чувство юмора.

Я плеснул в лицо холодной водой, глянул на себя в зеркало. Видок тот еще. С девяти потянулись пациенты; признаюсь, я слушал их вполуха. Стенные часы как магнитом притягивали мой взгляд, стрелки, казалось, завязли в густом желе. Я ждал «часа поцелуя», четверти седьмого вечера.

В итоге мне удалось взять себя в руки и погрузиться в работу. Я это умею, еще в детстве мог часами просиживать над

уроками. Когда погибла Элизабет, меня только работа и спасала. Кое-кто даже говорил, что за работой я прячусь от жизни. Я не задумываясь отвечал: «Не ваше дело».

В обед я проглотил сэндвич с ветчиной, запил все бутылкой диетической колы и продолжил принимать пациентов. Один из них, восьмилетний мальчик с жалобами на сколиоз, посетил мануального терапевта восемьдесят раз за прошедший год! Причем спина у него в полном порядке, просто местные эскулапы подобным образом подхалтуривают. Они предлагают родителям бесплатный телевизор или видеомагнитофон, если те будут водить к ним детей. Затем выставляют «Медикэйд» счета за визиты. Не поймите меня превратно, программа «Медикэйд» – отличная штука, но народ ею откровенно злоупотребляет. Однажды «скорая» привезла ко мне шестнадцатилетнего парня – с чем бы вы думали? С банальным солнечным ожогом. Когда я спросил мать, почему они не доехали городским транспортом, та объяснила, что за метро ей бы пришлось платить самой, а потом неизвестно сколько ждать возврата денег от государства. А «скорая» и так довезет.

В пять часов я распрощался с последним пациентом. Младший медперсонал потянулся к выходу около половины шестого. Когда офис окончательно опустел, я прочно устроился на стуле и начал пожирать глазами компьютер. В кабинете звонили телефоны. После окончания рабочего дня звонки принимал автоответчик, диктующий номера других

клиник. Правда, по непонятной причине он включался только после десятого звонка, что доводило меня до белого каления.

Я вышел в Сеть, вызвал таинственное сообщение и попытался пойти по ссылке. Бесполезно. Итак, мое сообщение и шерифовы трупы. Между ними должна быть какая-то связь. Какая же?

Версия первая: два убитых человека – тоже жертвы Киллроя. Тот факт, что в остальных случаях он убивал лишь женщин и бросал тела на виду, не дает нам права полностью исключить такую возможность.

Версия вторая: Киллрой нанял этих людей, чтобы они помогли ему похитить Элизабет. Это объясняет многое. Например, удар по голове, если, конечно, кровь на бите действительно моя. Я всегда задавался вопросом: как Киллрой, будучи маньяком-одиночкой, ухитрился втолкнуть Элизабет в машину и одновременно подкараулить меня на берегу с битой в руке? До того как нашли тело, полиция выдвигала версию о нескольких похитителях, но, когда обнаружили заклеенный труп моей жены, от этой идеи отказались. Предположили, что Киллрой обездвигил Элизабет – оглушил или вроде того, – а потом вернулся к пристани, чтобы встретить меня. Да, притянуто за уши, и все же других объяснений не было.

Теперь есть. У него были сообщники. И он их убрал.

Версия третья, самая простая: кровь на бите не моя. Тре-

тъя группа не самая распространенная, однако и не редкая. Тогда эти трупы не имеют ничего общего со мной и Элизабет.

Не знаю, как вы, а я не мог в это поверить.

В углу экрана всегда светится самое точное время, компьютер получает данные через спутник.

18:04:42.

Всего десять минут восемнадцать секунд до...

До чего?

Телефоны надрывались. Я приглушил звонки и побарабанил пальцами по столу. Меньше десяти минут. А вдруг ссылка заработала уже сейчас? Судорожно вздохнув, я положил ладонь на мышь.

И тут запищал пейджер.

Странно, сегодня я не дежурю. Это либо ошибка операторов – что случается не так уж редко, – либо личный звонок. Сигнал повторился – двойной, знак особой важности вызова. Я взглянул на дисплей.

Шериф Лоуэлл. Вызов с пометкой «Срочно».

Восемь минут.

Надо перезвонить. Любая новость будет лучше очередных догадок.

Шериф не сомневался, что это я.

– Извиняюсь за беспокойство, док.

С недавних пор он называл меня «док». Будто кто-то давал ему такое право!

– У меня к вам маленький вопрос.

Я снова взял мышь и щелкнул по ссылке.

– Слушаю.

В этот раз надпись об ошибке не появилась.

– Вам знакомо такое имя: Сара Гудхарт?

Я чуть не уронил телефон.

– Док?

Я отшатнулся от аппарата, уставившись на него в немом изумлении. Затем попытался взять себя в руки, снова прижал трубку к уху и, стараясь, чтобы голос не дрожал, спросил:

– А что, собственно, случилось?

Параллельно я косился на экран. На нем что-то засветилось. Судя по всему, одна из тех уличных камер, которые теперь повсюду. Они снимают определенный участок улицы и передают картинку в Интернет. Я сам иногда ими пользуюсь – перед выходом на работу просматриваю дорогу, чтобы объехать пробки.

– Долго объяснять, – ответил Лоуэлл.

– Тогда я перезвоню, – сказал я и повесил трубку.

Сара Гудхарт. Имя было мне знакомо. Даже слишком.

Что же, черт побери, происходит?

На экране окончательно загрузилось черно-белое изображение какой-то улицы. Верх страницы был пустым – ни названия, ни комментария. Я слышал, что можно настроить сайт таким образом. Теперь вот и увидел.

Взгляд на часы.

18:12:19.

Камера находилась на оживленном углу, в пятнадцати футах от земли. Я понятия не имел, что это за улица, но город, судя по всему, был большой. Толпы уставших после рабочего дня людей – поникшие головы, опущенные плечи, портфели в руках – тянулись слева направо, наверное, на трамвай или автобус. Пешеходы накатывали волнами, – видимо, неподалеку был светофор.

Я нахмурился. Кто и зачем решил мне это показать?

На часах было 18:14:21. Осталось меньше минуты.

Я прилип взглядом к экрану и начал отсчитывать секунды, как перед боем часов в новогоднюю ночь. Пульс участился. Десять, девять, восемь...

Накатила и отхлынула новая волна пешеходов. Я перестал смотреть на часы.

Четыре, три, два... Я затаил дыхание. Когда снова взглянул на время, было уже 18:15:02.

Ничего не произошло... Хотя, с другой стороны, чего я ожидал?

Еще одна толпа пронеслась мимо, на несколько секунд улица опустела. Я откинулся назад, тяжело дыша. Выходит, все-таки шутка. И довольно злая. В любом случае...

Какая-то фигура показалась прямо из-под камеры. Будто человек прятался там все время.

Я рывком нагнулся к экрану.

Что это женщина, я понял сразу: хоть она стояла ко мне спиной и стрижка была короткая, но силуэт не оставлял сомнений. Камера давала общий план, я почти не мог разглядеть лиц, в том числе и ее. Сначала.

Незнакомка остановилась. Я уставился на нее, гадая, повернет ли она голову. Женщина сделала еще шаг и находилась теперь прямо посередине экрана. Кто-то прошел мимо. Незнакомка стояла неподвижно. Затем, наконец-то обернувшись, медленно подняла лицо и взглянула прямо в камеру.

У меня оборвалось сердце.

Я зажал рот рукой, чтобы подавить крик. Я не мог дышать. Я ничего не соображал. Из глаз текли слезы – я не вытирал их.

Я смотрел на нее, а она на меня.

Очередной наплыв пешеходов. Некоторые врезались в неподвижно стоящую женщину, и все-таки ее взгляд не отрывался от камеры. Она протянула руку, будто желая коснуться меня. Я почувствовал, что почти теряю сознание, как если бы все, что связывало мою жизнь с реальностью, неожиданно испарилось.

Я не понимал, на каком свете нахожусь.

Женщина не опускала ладонь. Я поднял свою и потрогал пальцами теплую поверхность экрана, будто здороваясь. Слезы полились ручьем. Я ласково гладил знакомое лицо и чувствовал, как мое сердце поет и разрывается одновременно.

– Элизабет, – простонал я.

Она смотрела в камеру еще пару секунд, а потом что-то сказала. Я не мог ее слышать, но прочел слово по движению губ.

– Прости, – шепнула моя погибшая жена.

И ушла.

Глава 4

Вик Летти внимательно посмотрел по сторонам, прежде чем скользнуть внутрь помещения почты, к ящикам «до востребования». Войдя, он снова воровато огляделся. Его никто не заметил. Чудесно. Вик не смог сдержать улыбки: план превосходен, к нему никто никогда не подкопается, и сейчас он наконец-то получит хорошие деньги.

Вся соль в отличной подготовке, думал Вик. Вот что отличает хороший план от великолепного. Спрячь концы в воду и предусмотрни любую неожиданность.

Первым делом Вик, с помощью своего бестолкового кузена Тони, выправил себе фальшивые документы. Затем, используя их, арендовал ячейку под псевдонимом «ЮИС энтерпрайзес». Улавливаете? И фальшивые документы, и псевдоним. Теперь, даже если какой-нибудь умник подкупит работника почты, чтобы выяснить, кто снял ячейку для фирмы «ЮИС энтерпрайзес», он услышит имя Роско Тейлор, значившееся на одном из фальшивых удостоверений Вика.

И никаких следов самого Вика Летти.

Через всю комнату Вик попытался разглядеть – белеет ли что-нибудь в крохотном окошке ячейки номер 417. Похоже, что-то есть. Прекрасно. Вик принимал только наличность, в крайнем случае – почтовые переводы. Никаких чеков, разумеется. Ничего такого, что могло бы послужить хоть то-

ненькой ниточкой к его персоне. А еще, приходя за деньгами, он маскировался. Вот сейчас, например, натянул бейсболку, приклеил фальшивые усы и хромал, так как прочел где-то, что хромоту люди замечают первым делом. Теперь, если свидетеля спросят, кто использовал четыреста семнадцатую ячейку, тот, недолго думая, опишет хромого усатого парня в бейсболке. И подкупленный клерк подтвердит, что некто Роско Тейлор носит усы и хромает.

А Вик Летти – нет!

И это еще не все предосторожности. Вик не открывал ячейку, если рядом были люди. Никогда. Пока кто-то доставал свою почту или просто находился поблизости, он копался возле первой попавшейся дверцы или делал вид, что заполняет какой-то документ. Когда же на горизонте становилось чисто – тогда (и только тогда!) он открывал заветную ячейку номер 417.

Вик знал, что осторожность никогда не бывает чрезмерной.

Даже путь сюда был продуман до мелочей. Вик оставил свой грузовик – он развозил запчасти для компании «Кэбл ай», крупнейшего кабельного канала Восточного побережья, – в четырех кварталах от почты и добирался до места, петляя по тенистым аллеям. Чтобы скрыть рабочую форму с вышитым на правом кармане именем «Вик», накидывал сверху черную ветровку.

И вот он здесь, всего в десяти шагах от «упитанного тель-

ца», возможно ожидающего в ячейке номер 417. Пальцы Вика нервно зашевелились, он опять оглядел помещение.

Неподалеку две женщины проверяли ячейки. Одна перехватила его взор и вежливо улыбнулась в ответ. Вик двинулся к своей цели по противоположной стороне комнаты, старательно отворачиваясь от женщин и делая вид, будто ищет нужный ключ в связке, свисающей с ремня на специальной цепочке.

Предосторожность.

Две минуты спустя посетительницы забрали почту и вышли. Путь был свободен. Вик торопливо пересек комнату и открыл ячейку.

Вот это да!

Пакет из оберточной бумаги, адресованный «ЮИС энтерпрайзес». Без обратного адреса. И, судя по толщине, внутри – нехилая пачка зелененьких.

Вик истерически ухмыльнулся. Неужели вот так и выглядят пятьдесят штук?

Дрожащими руками он вытащил пакет. Тот лег в ладонь приятной тяжестью. Сердце Вика заколотилось. Господи милосердный, прошло уже четыре месяца с тех пор, как план вступил в действие, с тех пор, как он раскинул сети и наловил немало рыбешки. Но теперь, Бог свидетель, теперь он поймал настоящего кита!

Снова осмотревшись, Вик спрятал пакет в карман ветровки и поспешил наружу. Кружным путем вернулся к грузовику

ку и поехал в контору. Всю дорогу пальцы ласкали спрятанный конверт. Пятьдесят штук. Пятьдесят тысяч долларов. От этой цифры голова шла кругом.

Вернувшись к конторе «Кэбл ай», Вик припарковал грузовик на заднем дворе и пошел на стоянку к машине. Смеркалось. Увидев свою, девяносто первого года, «хонду-цивик», Вик скривился. Ну ничего. Недолго осталось.

Стоянка была пуста. Темнота настораживала: шаги казались слишком громкими, ботинки щелкали по бетонной дорожке, холод забирался под куртку. Пятьдесят штук. У него в кармане пятьдесят штук.

Вик передернул плечами и ускорил шаг.

Надо признаться, в этот раз он боялся. Пора завязывать. Да, план был хорош, без всяких сомнений. Просто великолепен. Только сейчас Вик замахнулся на слишком серьезных людей. Впрочем, взвесив «за» и «против», он решил, что истинно великие – те, кто круто меняет собственную судьбу, – всегда рискуют.

А Вик жаждал быть великим.

При всей своей экстраординарности план его был невероятно прост. Каждому, оплатившему кабельное телевидение, представитель компании подсоединял к телефонной линии маленькую коробочку с переключателем. Когда хозяева заказывали дополнительные программы, вежливый работник появлялся вновь и нажимал только ему известные кнопки. Вот эта-то коробочка и ведала тележизнью семьи. А телеви-

сионная жизнь семьи хранит множество секретов.

Кабельные каналы и отели, в которых стоит внутреннее телевидение, всегда обещают, что не укажут в счете названия заказанных вами фильмов. Однако сие не значит, что работники канала этих названий не знают. Попробуйте-ка оспорить счет, и они швырнут их вам прямо в покрасневшее лицо.

Первым делом Вик выяснил – и это не составило особого труда, – что коды выбранных хозяевами программ передаются через пресловутый переключатель прямо в главный компьютер компании. Вик взлезал на телефонный столб, открывал коробочку и списывал коды. Потом возвращался на работу, вводил украденные цифры в компьютер и узнавал остальное.

Например, в шесть часов пополудни, второго февраля, ваша семья заказывала «Короля Льва». Или, что было гораздо более ценной информацией, в половине одиннадцатого вечера, седьмого февраля, кто-то смотрел «Охоту на мисс октября» и «Золотую блондинку».

Улавливаете?

Сначала Вик бомбил отдельные дома. Он писал главе семьи короткое, но леденящее душу письмо. Перечислялись просмотренные порнофильмы с указанием даты и времени просмотра. Затем делалась приписка о том, что копии письма могут быть отправлены членам семьи, соседям и шефу адресата. За молчание Вик просил скромную сумму в пять-

сот долларов. Немного, и все же Вику казалось, что это наиболее разумная цифра – достаточно высокая, чтобы приносить ему приличный доход, и достаточно низкая, чтобы адресат заплатил не кочевряжась.

Оказалось – и Вик был страшно удивлен, – что только десять процентов корреспондентов шли навстречу его требованиям. Он не понимал почему. Наверное, интерес к порнофильмам перестал быть такой уж зазорной привычкой. Возможно, жены знали об увлечениях мужей или даже смотрели «клубничку» вместе с ними. Но главным недостатком плана оказалась неопределенность цели.

Необходимо было тщательнее выбрать достойную мишень.

Тут-то Вик и решил сконцентрировать усилия на людях, которым было что терять, выплыви его информация наружу. И компьютеры компании опять любезно предоставили ему всю необходимую информацию. Он принялся шантажировать учителей. Нянь и гувернанток. Гинекологов. Представителей профессий, предполагающих высокий моральный облик работников. Больше всех паниковали учителя (жаль, денег у них было немного). Вик сделал письма более личными: называл по имени жену адресата, его работодателя. Учителям обещал предоставить «свидетельства извращений» (словосочетание, выдуманное им лично) в Министерство образования и родителям учеников. Докторам – в Министерство здравоохранения, а также пациентам, соседям и в местные

газеты.

Денежки потекли рекой.

На данный момент план Вика принес ему уже около сорока тысяч долларов. И теперь он закинул сеть на самую крупную рыбу – такую крупную, что Вик подумывал было бросить все, даже не начав. Однако не смог удержаться от соблазна сорвать самый крупный куш в жизни.

Да, он был пойман с поличным – Рэнделл Скоуп: молодой, красивый, богатый, женатый на сексапильной красотке, имеющий двоих детей и политические амбиции, прямой наследник империи Скоупов. И при этом заказал он отнюдь не парочку фильмов.

Нет, в течение месяца наш наследничек просмотрел ровно двадцать три отборных порнографических шедевра.

Вот так.

Вик потратил две ночи, составляя письмо, но в результате остановился на своем старом добром, коротком и леденящем душу варианте. Он потребовал, чтобы Скоуп в назначенный день положил пятьдесят тысяч в определенную ячейку до востребования. И если Вик не ошибался, именно эти пятьдесят тысяч лежали теперь в кармане его ветровки.

Ах, как Вику хотелось это проверить! Ему не терпелось вскрыть пакет прямо сейчас. Только Вик не был бы Виком, если бы поддался слабости. Надо доехать до дома. Сесть на пол. Разорвать пакет и увидеть, как зелененькие дождем разлетаются по коридору.

Этот момент он запомнит на всю жизнь.

Вик припарковал машину у края дороги и пошел вверх по улице к своему жилищу – квартирке над обшарпанным гаражом, один вид которой приводил его в уныние. Ладно, уже совсем скоро. Возьмет он свои пятьдесят штук и те сорок, что хранит дома в потайном месте, да еще десять штук сбережений...

Вик даже споткнулся. Сто тысяч долларов. У него сто тысяч долларов наличными. Черт побери.

Он тут же уедет. Возьмет денежки и махнет в Аризону, к старому другу Сэмми Виоле. Вместе они откроют собственное дельце – ресторан или ночной клуб. Вику порядком надоел Нью-Джерси.

Пришло время начать новую жизнь.

Вик поднимался вверх по лестнице к квартире. Кстати говоря, он никогда не выполнял свои обещания. Не рассылал никаких новых писем. Если корреспондент не платил, игра была окончена. Какой смысл вредить тому, кто все равно не боится? Вик был артистом шантажа, можно сказать, интеллектуалом; он использовал угрозы, но не приводил их в исполнение. Кроме того, разозли шантажист кого-нибудь из адресатов по-настоящему, тот, чего доброго, напал бы на его след.

Поэтому Вик с чистой совестью мог сказать, что никому не принес вреда. Да и зачем?

Он добрался до своего этажа и остановился перед две-

рю квартиры. Темно, хоть глаз выколи, проклятая лампочка опять не горит. Вик вздохнул и начал перебирать ключи на цепочке в поисках нужного. Нашулав, долго скреб им по замку, не попадая в отверстие. Наконец удалось отпереть дверь. Вик ступил внутрь и тут же почувствовал: что-то не так.

Под ногой хрустнуло.

Вик нахмурился. Пластик, подумал он. Он стоит на пластиковой пленке, будто подстеленной каким-то маляром, чтобы защитить полы от краски. Вик потянулся к выключателю и в тот же миг увидел человека с пистолетом.

– Привет, Вик.

Вик вскрикнул и попятился. Мужчина лет сорока, сидевший напротив, был высок и толст, рубашка так туго обтягивала живот, что пуговицы трещали, а одна и вовсе отвалилась. Галстук свободно болтался на жирной шее, на голове красовалась самая отвратительная прическа в мире – три волосины, зачесанные через всю макушку, от уха до уха. Черты лица мягкие, незапоминающиеся, если не считать огромного тройного подбородка. Незванный гость задрал ноги на чемодан, который Вик обычно использовал вместо кофейного столика, и, будь в его руке вместо пистолета пульт от телевизора, он бы запросто сошел за доброго дядюшку, только что пришедшего с работы.

Второй незнакомец оказался полной противоположностью первому – приземистый качок лет двадцати, с азиатски-

ми чертами лица, выбеленными волосами, сережкой в носу и желтыми наушниками от плеера на голове.

Подобных типов можно встретить вместе только в метро: толстого – склонившимся над тщательно сложенной газетой, а качка – бездумно кивающим в такт слишком громкой музыке, доносящейся из наушников.

Мысли Вика запрыгали. Немедленно выяснить, что они хотят. Договориться с ними. Он – артист своего дела, у него получится. Он хитрый. Он найдет выход даже из такой пиковой ситуации. Вик выпрямился.

– Что вам угодно? – спросил он.

Плешивый толстяк нажал на спусковой крючок.

Сперва Вик услышал щелчок и лишь потом почувствовал, как правое колено буквально взорвалось. Глаза полезли на лоб от боли. Вик закричал и упал на пол, сжимая раненую ногу. Из-под пальцев заструилась кровь.

– Двадцать второй калибр, – сообщил толстяк, кивая на пистолет. – Милая штучка. Знаешь, чем она хороша? Я могу превратить тебя в решето, а ты все еще будешь жив.

Так же развалившись и не снимая ног с чемодана, незнакомец выстрелил вновь, на этот раз в плечо. Вик даже услышал, как треснула кость. Рука отлетела в сторону, будто дверь на сорванных петлях. Вик упал на спину, часто дыша. Невероятный коктейль из боли и страха наполнил его тело, глаза расширились и перестали видеть. И тут он понял.

Пленка на полу.

Вик лежал на ней. Более того, именно на нее стекала кровь. Так вот кому она понадобилась! Незнакомцы застелили пол, чтобы избавить себя от лишних хлопот с уборкой.

– Хочешь рассказать мне что-нибудь интересненькое, – спросил толстяк, – или я пальну еще разочек?

Вик заговорил. Он рассказал, где остальные деньги, где собранные им сведения, абсолютно всё. Толстяк спросил, были ли у него сообщники, Вик ответил, что не было. Тогда толстяк прострелил ему второе колено и повторил вопрос. Вик поклялся, что сообщников не было, и получил пулю в правую лодыжку.

Через час Вик умолял толстяка пристрелить его.

Через два толстяк выполнил просьбу.

Глава 5

Я не мигая смотрел на экран компьютера.

Я был оглушен, не мог двигаться, тело казалось чужим.

Этого не может быть. Никогда. Элизабет не упала с борта яхты и не считалась пропавшей без вести. Она не обгорела до неузнаваемости. Ее тело было найдено в канаве у Восьмидесятой автострады. Возможно, обезображенное и тем не менее вполне узнаваемое и опознанное безо всяких проблем.

Правда, не мной...

Не мной, но двумя близкими: отцом и дядей. Хойт Паркер, мой свекор, был первым, кто сообщил мне о смерти Элизабет. Он и его брат Кен навели меня в больницу, едва я пришел в сознание. Оба огромные, неуклюжие, каменнолицые; оба – старые служаки, один – нью-йоркский полисмен, другой – федеральный агент. Сняв шляпы, они попытались сообщить о случившемся с профессиональным состраданием служащих закона. Только я на это не купился, да и они, честно говоря, не больно старались продать.

Тогда кого же, позвольте спросить, я сейчас видел?

Толпы пешеходов по-прежнему мельтешили на экране. Я всматривался в них, надеясь еще раз увидеть знакомое лицо. Тщетно. И все-таки где находится камера? Судя по количеству людей, город большой. Может быть, это даже Нью-Йорк.

Надо искать подсказки, идиот!

Постараемся сосредоточиться. Одежда. Давайте присмотримся к ней. Большинство людей одеты в куртки и пальто. Вывод: мы где-то на севере или, по крайней мере, в городе, где сегодня не очень тепло. Например, не в Майами.

Что еще? Я уставился на людей. Прически? Не поможет. Я внимательно рассмотрел угол кирпичного здания: нет ли там вывесок или чего-то, отличающего этот дом от всех остальных на свете? Ничего. Я скрупулезно исследовал экран в поисках хоть какого-нибудь ключа к загадке.

Пакеты.

Несколько пешеходов несли одинаковые пакеты. Я попытался прочесть надпись, но люди шли слишком быстро. Как жаль, что нельзя попросить их остановиться. Я чуть не сломал глаза, приблизившись к экрану так, что почувствовал исходящее от него тепло. К несчастью, камера висела слишком высоко, а пакеты болтались у самых колен пешеходов.

Заглавная «Р».

Первая буква на одном из пакетов. Разобрать остальные не удалось, они были напечатаны каким-то чересчур уж оригинальным шрифтом. Так, что еще?

Экран побелел.

Черт. Я попытался перезагрузить картинку. Появилась знакомая надпись: «Ошибка». Вернувшись к первоначальному сообщению, я кликнул по ссылке. Опять ошибка.

Вот и все.

Я тупо смотрел на белый экран, в голове билась од-

на-единственная мысль: я только что видел Элизабет.

Я пытался отогнать эту мысль и не мог. Увиденное не казалось сном. Мне снились сны, в которых Элизабет возвращалась. Мне снилось их слишком много. В большинстве из них я просто с благодарностью принимал ее явление с того света, не задавая лишних вопросов. Помню один, особенно жестокий, – мы были вместе, не важно, где и когда, – и я вдруг осознал, что сплю. Что еще несколько секунд, и я снова потеряю Элизабет. Я обнял ее так крепко, как только мог, пытаясь удержать возле себя, вернуть обратно.

Поэтому знаю я такие сны. И сцена перед камерой не походила ни на один из них. И на явление призрака тоже. Не то чтобы я верил в потустороннее, хотя в таких ситуациях начинаешь задумываться и о подобных вещах. Но духи и призраки с годами не меняются, а «компьютерная» Элизабет была старше той, что я помнил, примерно на восемь лет. Привидения не стригутся. Я вспомнил длинную косу, струившуюся по спине Элизабет в лунном свете, и мысленно сравнил ее со стильной прической, увиденной только что. И глаза. Те самые глаза, в которые я смотрел не отрываясь, с тех пор как мне исполнилось семь.

Элизабет жива.

Глотком загнав назад подступившие слезы, я подумал, что в юности был очень чувствителен и даже слезлив, а вот после кончины Элизабет будто окаменел. Не то чтобы я выплакал все глаза или очерствел от горя, как обычно говорят лю-

ди. Нет, просто смерть жены сорвала психологические барьеры, боль была невероятно жестокой, и я прочувствовал ее до конца. После этого кошмара ничто уже не могло расстроить меня слишком сильно.

Я не знаю, как долго просидел перед компьютером, пытаясь успокоиться и мыслить рационально. Полчаса, может, чуть больше. Дыхание медленно приходило в норму. Я попытался представить, как встречу сейчас с родителями Элизабет (я уже должен был быть у них дома!), и не смог.

И тут мне вспомнилось еще одно потрясение.

Сара Гудхарт.

Шериф Лоуэлл спрашивал, знакомо ли мне имя Сары Гудхарт. Да уж, знакомо.

В детстве мы увлекались несложной словесной игрой: берешь свое второе имя и делаешь его первым, а фамилию производишь от названия улицы, на которой живешь. Например, мое полное имя – Дэвид Крэйг Бек, а жил я на Дерби-роуд. Значит, согласно правилам игры, меня будут звать Крэйг Дерби. А Элизабет станет...

Сарой Гудхарт.

Что же, черт возьми, происходит?

Я схватил телефонную трубку. Сперва позвонил родителям Элизабет, на Гудхарт-роуд. Трубку взяла теща, я предупредил, что буду поздно. Одна из выгод профессии врача – люди легко прощают нам подобные вещи.

Затем перезвонил Лоуэллу и нарвался на автоответчик.

Пришлось попросить шерифа отправить сообщение мне на пейджер при первой же возможности. У меня нет мобильника, что порой неудобно, но в большинстве случаев позволяет выбирать: с кем я хочу поговорить, а с кем – нет.

Я снова задумался, пока из размышлений меня не вырвал бодрый голос Гомера Симпсона: «Почта пришла!» Я рванул-ся вперед и схватил мышь. Обратный адрес казался незнакомым, зато тема гласила: «Уличная камера». Сердце опять упало.

Я щелкнул по письму, и оно появилось целиком:

Завтра. В то же время плюс еще два часа на Bigfoot.com.

Сообщение будет оставлено для:

Имя: Бэт Стрит

Пароль: Тинейджер

А под этим, в самом низу экрана, еще пять слов:

Они следят. Не говори никому.

Ларри Гэндл, человек с зачесанными на лысину волосами, смотрел, как Эрик Ву занимается уборкой.

Ву, двадцатилетний кореец, весь испещренный странной смесью татуировок и пирсинга, был самым страшным человеком из тех, кого Ларри встречал в своей жизни. Эрик был сложен как маленький танк, но дело было далеко не в этом. Ларри встречал массу людей, гордящихся своими мускулами, и в большинстве случаев их мускулы оказы-

вались абсолютно бесполезными.

Только не у Эрика Ву.

Гора мышц производила, конечно, впечатление, однако главным оружием Ву были руки – две цементные глыбы ладоней со стальными отвертками пальцев. Он тренировал их часами, приучая к жаре и холоду, давая немислимые нагрузки, разрабатывая каждый палец в отдельности. Когда Ву начинал «работать», он мог разобрать человека по косточкам.

О таких людях, как Ву, всегда распространяют мрачные слухи, большинство из которых остаются лишь слухами. Тем не менее Ларри своими глазами видел, как Ву убил человека, нажав определенные точки на его лице и животе. А другого схватил за уши и с тихим треском оторвал их одним движением пальцев. Еще Гэндлу «посчастливилось» стать свидетелем того, как Эрик убил четырех людей четырьмя разными способами, ни разу не использовав оружия.

Ни одна из смертей не была быстрой.

Никто не знал точно, откуда Ву появился. Поговаривали что-то о трудном детстве в Северной Корее... Гэндл не пытался выяснять. Он инстинктивно чувствовал: в некоторые дальние углы не стоит заглядывать. Одним из таких углов была темная сторона натуры Эрика Ву. Хотя смешно предполагать, что у него могла быть и светлая сторона.

Ву закончил заворачивать то, что осталось от Вика Летти, в виниловую пленку и поднял глаза. «Мертвые глаза, – подумал Гэндл, – глаза ребенка из военной кинохроники. Этот

монстр даже не потрудился снять наушники». Плеер Ву никогда не играл хип-хоп, рэп или рок-н-ролл. Нет, Эрик слушал записи успокаивающей музыки и звуков природы, носящие названия типа «Океанский бриз» или «Журчащий ручей».

– Отвезти его к Бенни? – осведомился Ву. Его голос обладал смешной хрипотцой, напоминая говорок какого-то мультипликационного персонажа.

Гэндл кивнул. Бенни был владельцем крематория.

– А заодно избавься вот от этого. – Ларри протянул Эрику пистолет. В гигантской ручище Ву тот выглядел смешной и бесполезной игрушкой. Силач нахмурился, недовольный тем, что Гэндл предпочел такую безделицу его уникальным пальцам, но молча сунул оружие в карман. Двадцать второй калибр оставлял микроскопические раны, которые почти не кровоточили. Та кровь, которая все же вытекла, осталась на заблаговременно подстеленной виниловой пленке. Вот так, без шума и пыли.

– Потом, – сказал Ву. Он поднял тело одной рукой, словно легонький кейс, и вышел.

Гэндл кивнул в знак прощания. Надо сказать, что от предсмертных мучений Вика Летти он не испытал ни удовольствия, ни дискомфорта. Это просто работа. Ларри должен был удостовериться, что у этого недомерка не осталось ни сообщников, ни припрятанных доказательств, которые мог бы найти кто-то из посторонних. Сделать это можно лишь

одним путем – доведя «клиента» до необходимой кондиции.

В конце концов, выбор был очень прост – семья Скоуп или Вик Летти. Скоупы – хорошие люди, они никогда не трогали Вика. Тот, со своей стороны, попытался задеть их фамильную честь. Так кто больше виноват – честные, добропорядочные граждане или присосавшийся к ним паразит, пытающийся делать денежки на чужих ошибках? Выбор очевиден.

Мобильный телефон Гэндла завибрировал. Он вытащил трубку.

– Да?

– Тела, найденные на озере, опознаны.

– И что?

– Это они. Боже мой, это Боб и Мел.

Гэндл прикрыл глаза.

– Что же это, Ларри? – волновался голос в трубке.

– Не знаю.

– А что нам делать?

Ларри Гэндл понимал, что здесь у него нет выбора. Придется все рассказать Гриффину Скоупу. Неприятный выйдет разговор. Восемь лет. Целых восемь лет прошло. Гэндл потряс головой. Старикан будет страшно расстроен.

– Я возьму это на себя.

Глава 6

Ким Паркер, моя теща, – настоящая красавица. Они с Элизабет были так похожи, что ее лицо для меня – живое воплощение того, что было бы, если бы не... Но смерть Элизабет здорово подкосила Ким. Сейчас она выглядит изможденной, глаза потухли, будто что-то подтачивает ее изнутри.

Дом Паркеров претерпел мало изменений с начала семидесятых – полированная мебель, синий в белую крапинку ковер от стены до стены, камин из фальшивого камня, как в фильмах про семейку Брэди. В одном из углов сложены столики на колесиках с пластиковым верхом и металлическими ножками. Кругом развешаны картинки с клоунами и роквелловские⁴ настенные тарелки. Единственная современная вещь в доме – телевизор. За прошедшие годы маленький черно-белый ящик сменил его цветной потомок с пятидесятидюймовым экраном, гордо занимающий парадный угол гостиной.

Ким сидела на той самой кушетке, где так часто валялись мы с Элизабет. При мысли о том, сколько могла бы порассказать эта вещь, умея она разговаривать, я невольно улыбнулся. Впрочем, потертая лежанка, расписанная слишком яркими, на мой взгляд, цветами, хранила не только эротические воспоминания. Именно сидя здесь, мы вскрыли конверты с

⁴ *Норман Роквелл* (1894–1978) – культовый американский художник.

сообщениями о том, что приняты в колледж. Смотрели в обнимку «Пролетая над гнездом кукушки» и старые фильмы Хичкока. Зубрили уроки, я – сидя, а Элизабет – положив голову мне на колени. Здесь я объявил Элизабет, что решил стать врачом – знаменитым хирургом, как думал тогда. А она в ответ сообщила, что выучится на юриста и будет работать с детьми. Элизабет всегда переживала за обездоленных ребяташек.

Во время первых институтских каникул она устроилась на лето в организацию, занимавшуюся спасением бездомных или сбежавших детей в самых злочных кварталах Нью-Йорка. В одну из вылазок на Сорок вторую улицу я поехал с ней. Машина курсировала туда-обратно по грязной дороге в поисках детей, которым нужна помощь. Элизабет подобрала четырнадцатилетнюю наркоманку, такую грязную, что моя подруга вся испачкалась сама. Я сморщился от отвращения. Поймите правильно, я вовсе не горжусь этим. Разумеется, бродяги тоже люди и все такое прочее, да только – буду с вами честен – грязь мне противна. Правда, жене я тогда помог. Скривившись.

А Элизабет никогда не морщилась. Это был какой-то особый дар. Она брала бездомных детей за руки. И даже носила их на руках! Ту девочку она отмыла и разговаривала с ней всю ночь. Элизабет смотрела детишкам прямо в глаза и верила, что все люди рождены хорошими и заслуживающими человеческого обращения. Желал бы я обладать той же на-

ивностью.

До сих пор гадаю, сохранила ли она этот дар, умирая. Верила ли по-прежнему в гуманность и другую наивную чепуху? Надеюсь, что да. Хотя, боюсь, Киллрой мог выбить из нее остатки веры.

Ким Паркер сидела очень прямо, аккуратно положив руки на колени. Она всегда хорошо ко мне относилась, хотя во времена моей с Элизабет юности обе пары родителей были обеспокоены нашей, на их взгляд, чересчур тесной близостью. Им хотелось, чтобы мы общались с другими сверстниками, заводили больше друзей. По-моему, это нормально.

Хойт Паркер, отец Элизабет, еще не пришел с работы, поэтому мы с Ким болтали ни о чем или, другими словами, обо всем, кроме Элизабет. Я старался не сводить глаз с лица Ким, потому что знал: каминная полка уставлена фотографиями ее улыбающейся дочери. Мне трудно было смотреть на них.

Она жива...

Я никак не мог в это поверить. Человеческий мозг, как я знал со времен учебы в медицинском институте (не говоря уже о нашей семейной истории), может причудливо искажать действительность. Не хотелось думать, будто я тронулся настолько, что сам создал повзрослевший образ Элизабет. Но, с другой стороны, ни один псих не считает себя сумасшедшим. Взять хотя бы мою маму – интересно, понимала ли она, что больна? Ведь мать пыталась даже заниматься са-

моанализом.

Скорее всего, не понимала.

Мы поговорили о погоде. О моих пациентах. О работе Ким. А потом теща поразила меня до глубины души.

– Ты с кем-нибудь встречаешься? – спросила она.

Это был первый личный вопрос, который Ким задала мне за все время нашего знакомства. Он меня просто ошарашил. Я попытался угадать, что именно она хочет услышать в ответ.

– Нет, – сказал я.

Ким кивнула и, казалось, хотела спросить что-то еще. Однако вместо этого поднесла дрожащую руку к губам.

– Ну, иногда, – поправился я.

– Это хорошо, – кивнула она. – Так и надо.

Я опустил взгляд и неожиданно для себя произнес:

– Я все еще безумно скучаю по ней.

Надо же, и не думал этого говорить. Напротив, собирался быть привычно-вежливым и обсуждать нейтральные темы. Подняв глаза, я встретил измученный и благодарный взгляд.

– Я знаю, Бек, – сказала Ким. – Только ты не должен винить себя, если захочешь встречаться с кем-то еще.

– Я не виню. Тут другое.

Она наклонилась ко мне:

– Что же?

Я хотел ответить, ради нее, и не мог. Ким смотрела на меня с ожиданием, ей так хотелось поговорить о дочери, пусть

даже разговор не принесет ничего, кроме боли. Но я не имел права и лишь покачал головой.

В двери повернулся ключ. Мы с тещей вздрогнули, как застигнутые врасплох любовники. Дверь отлетела, открытая мощным плечом Хойта Паркера. Следом ввалился и он сам, звучно выкликая имя жены, – галстук висит кое-как, рубашка помята, рукава закатаны по локоть. Войдя в прихожую, Хойт со вздохом облегчения уронил на пол тяжеленную спортивную сумку. Его мускулам мог позавидовать сам моряк Попай⁵. Когда Паркер увидел нас, сидящих на кушетке, он снова вздохнул, на этот раз более чем недовольно.

– Как дела, Дэвид? – осведомился он.

Мы обменялись рукопожатием. Его ручища, как всегда, была грубовато-мозолистой, а хватка чересчур мощной. Ким с извинениями покинула комнату. Мы с Хойтом с трудом выдавили из себя пару вежливых реплик, и в комнате воцарилась гнетущая тишина. Хойт Паркер никогда не любил меня. Возможно, здесь было что-то от комплекса Электры, только я всегда чувствовал, будто он относится ко мне как к божьему наказанию. Я не обижался. Его любимая девочка проводила со мной все свое свободное время. Долгие годы мы пытались преодолеть взаимную неприязнь и выработать что-то вроде дружбы. Пока Элизабет не погибла.

Тесть винил меня в том, что случилось.

Конечно, он не говорил ничего подобного вслух, но я

⁵ Моряк Попай – герой американских комиксов и мультфильмов.

видел это в его глазах. Хойт Паркер был немногословным, сильным человеком. Просто оживший стереотип американца – суровый и честный. Рядом с ним Элизабет было спокойно, он прямо излучал уверенность. Ничего не может случиться с его девочкой до тех пор, пока Папаша Хойт рядом.

Боюсь, что со мной Элизабет не чувствовала себя в такой же безопасности.

– Как работа? – вновь попытался завязать разговор Хойт.

– Нормально. А ваша?

– Через год на пенсию.

Я кивнул, и мы опять замолчали. По дороге сюда я решил не говорить о сообщениях и обо всем, что с ними связано. Дело даже не в том, что меня могли бы счесть шизофреником. И не в том, что это разбередило бы старые раны. Я просто сам не понимал, что творится. И чем больше времени проходило, тем более нереальным казалось случившееся. Кроме того, я ни на секунду не забывал о странном предупреждении. Не говори никому... Да, я не соображал, что происходит. И мои предположения выглядели одно страшнее другого.

Поэтому, только удостоверившись, что Ким далеко, я подвинулся поближе к Хойту и негромко сказал:

– Могу задать вам один вопрос?

Он не ответил, подарив взамен один из самых своих скептических взглядов.

– Хотелось бы знать... – Я осекся. – Хотелось бы знать,

какой вы увидели ее.

– Увидел ее?

– Я имею в виду, когда вошли в морг.

Что-то случилось с его лицом. Как будто по монолитной стене вдруг побежали трещинки.

– Ради всего святого, зачем тебе знать?

– Просто я часто думаю об этом, – промямлил я. – Особенно сейчас, в годовщину...

Хойт вскочил и вытер ладони о штаны.

– Хочешь выпить?

– Не откажусь.

– Бурбон годится?

– Вполне.

Он прошел к старенькому бару, стоявшему у камина и, таким образом, около фотографий. Я отвел взгляд.

– Хойт, – окликнул я.

– Ты врач, – отозвался он, открывая бутылку. – Ты видел кучу покойников.

– Да.

– Значит, сам знаешь.

Я не знал.

Он принес мне выпить. Я схватил стакан, пожалуй чересчур быстро, и сделал жадный глоток. Хойт внимательно проследил за моими действиями и поднес свой стакан к губам.

– Я никогда не спрашивал о деталях, – попытался объяснить я.

(Более того, я их избегал. Другие «родственники жертв», как называли их журналисты, выплескивали свое горе наружу. Они каждый день приходили на суд, слушали показания Киллроя и рыдали. Я – нет. Возможно, это помогало им пережить боль. Я предпочитал справляться со своей в одиночку.)

– Не нужны тебе эти детали, Бек.

– Келлертон сильно ее избил?

Хойт внимательно изучал напиток.

– Для чего ты спрашиваешь?

– Я должен знать.

Тесть поглядел на меня поверх стакана. Его глаза неторопливо рассматривали мое лицо, словно стремясь пробуравить кожу. Я стойко выдержал этот взгляд.

– Ну, были у нее синяки.

– Где?

– Дэвид!

– На лице?

Хойт сузил глаза, будто пытался рассмотреть что-то вдали.

– Да.

– И на теле?

– Я не разглядывал тело, – раздраженно ответил тесть. –

Скорее всего, да.

– Почему вы не разглядывали тело?

– Я был там как отец, а не как полицейский. Просто опо-

знал ее – и все.

– Это было нетрудно? – не унимался я.

– Что – нетрудно?

– Опознать ее. Вы сами сказали, она была в синяках.

Его лицо окаменело. Он поставил стакан, и я с ужасом понял, что зашел слишком далеко. Надо было придерживаться первоначального плана и держать язык за зубами.

– Ты действительно хочешь это услышать?

«Нет», – подумал я. Но кивнул.

Хойт Паркер скрестил руки на груди, закачался с пятки на носок и завел монотонным голосом:

– Левый глаз Элизабет распух и не открывался. Нос был сломан и расплылся как шлепок цемента. Через весь лоб тянулся порез, сделанный, предположительно, открывалкой. Челюсть вывихнута и болталась на связках. На правой щеке – выжженная буква «К». Запах горелой кожи тогда еще не выветрился...

Мой желудок сжался.

Хойт жестко поглядел мне в глаза:

– Хочешь знать, что было хуже всего, Бек?

Я молча ждал.

– Несмотря на увечья, – сказал он, – я понял, что это Элизабет, в тот же миг, когда ее увидел.

Глава 7

Пузырьки в шампанском лопались в такт сонате Моцарта. Звуки арфы переплетались с приглушенными голосами гостей. Гриффин Скоуп шел по залу, лавируя между черными смокингами и сверкающими вечерними платьями. Предложи людям описать Гриффина одним словом, и большинство скажет: миллиардер. Остальные, возможно, вспомнят, что он влиятельный бизнесмен, статен и высок, муж и дедушка. И еще ему исполнилось семьдесят лет. Конечно, может быть, кто-то расскажет о его привычках, генеалогическом древе и организационных способностях. Однако первым словом – в газетах, на телевидении, в разнообразных опросах – всегда будет «миллиардер».

Миллиардер Гриффин Скоуп.

Он родился уже богатым. Его дед в свое время стал одним из первых в Америке фабрикантов, отец приумножил капитал, сам Гриффин увеличил его многократно. Многие богатые семьи разорились в третьем поколении, но не Скоупы. Одной из причин столь невероятного благополучия были принципы воспитания наследников. К примеру, Гриффин не посещал престижной школы вроде Эксетера или Лоренсвилла, куда посылала своих отпрысков большая часть богатых семей. Его отец настоял на том, чтобы сын не только пошел в обычную, государственную школу, а еще и сделал

это не в родном городе, а в лежащем неподалеку Ньюмарке. Фирма Скоупов имела там филиалы, и для Гриффина был выделен один из домов, который одноклассники наследника миллиардов считали его родным.

В те времена восточная часть Ньюмарка не была значимым местом, в которое сейчас вряд ли сунется нормальный человек. Это был рабочий район, жили там так называемые синие воротнички – возможно, грубоватые, но отнюдь не опасные.

Гриффин любил свой класс.

Его школьные друзья оставались его друзьями и сейчас, пятьдесят лет спустя. Истинная преданность – редкая вещь, и Гриффин ценил ее высоко. Многие из сегодняшних гостей были его старыми товарищами из Ньюмарка. Кое-кто даже работал на Скоупов, хоть и не под непосредственным началом Гриффина – не стоило портить хорошие отношения.

Сегодняшний праздник был посвящен одному из самых дорогих сердцу Гриффина событий: годовщине основания благотворительного фонда имени Брэндона Скоупа, его погибшего сына. Гриффин первым внес туда миллион долларов, друзья добавили остальное. Миллиардер не обольщался и понимал, что добрая половина жертвователей надеялась этим поступком завоевать его доброе расположение. Однако было и кое-что еще. За свою недолгую жизнь Брэндон сумел внушить симпатию огромному количеству людей. У сына было столько обаяния и таланта, он обладал невероятной харизмой. К нему тянулись буквально все.

Второй сын, Рэнделл, – тоже неплохой мальчик, ставший, пожалуй, неплохим мужчиной. Но до Брэндона ему далеко... Брэндон незаменим.

И снова пришла боль. На самом деле она и не уходила. Во время дружеских приветствий и рукопожатий горе стояло рядом, похлопывало Гриффина по плечу, нашептывало в ухо, что теперь они всегда вместе.

– Прекрасная вечеринка.

Гриффин поблагодарил и двинулся дальше. Женщины, все как одна, были в великолепных платьях, обнажавших точеные плечи; они напоминали ледяные скульптуры, которые столь любила жена Гриффина, Эллисон. Статуи изо льда медленно таяли здесь же, на покрытых импортными льняными скатертями столах. Моцарт сменился Шопеном. Официанты в белых перчатках курсировали по залу с серебряными подносами, полными малазийских креветок, нежного, особым образом приготовленного мяса и других, не менее изысканных закусок.

Гриффин поравнялся с Линдой Бек, молодой руководителем фонда Брэндона. Отец Линды тоже был одним из его школьных товарищей, и девочка попала в число служащих гигантской империи Скоупа автоматически. Уже в старших классах школы Линда начала принимать участие в различных мероприятиях компании. И она, и ее брат получили от фирмы деньги на обучение в университете.

– Выглядишь потрясающе, – сказал Гриффин, хотя на са-

мом деле Линда казалась усталой и вымотанной.

Молодая женщина улыбнулась в ответ:

– Спасибо, мистер Скоуп.

– Сколько раз я просил называть меня просто Грифф?

– Тысячи, – засмеялась Линда.

– Как поживает Шона?

– Боюсь, немного приболела.

– Передавай ей привет.

– Спасибо, непременно.

– На той неделе надо бы встретиться, обсудить кое-что.

– Я позвоню вашему секретарю.

– Отлично.

Гриффин чмокнул ее в щеку, собираясь идти дальше, когда внезапно его взгляд выхватил из толпы Ларри Гэндла. Тот выглядел небритым и взъерошенным, впрочем, как и всегда. Надень на этого парня костюм от знаменитого кутюрье, и через час он будет выглядеть как после уличной драки.

Хотя обычно Ларри Гэндл на балы не ходил.

Их глаза встретились, Ларри коротко кивнул и отвернулся. Гриффин переждал минутку и двинулся за своим помощником по коридору.

Отец Ларри, как можно было догадаться, также был одним из школьных друзей Скоупа. Эдуард Гэндл умер от внезапного сердечного приступа двенадцать лет назад. Не повезло человеку. С тех пор его сын стал одним из ближайших «адъютантов» Скоупа.

Они вошли в библиотеку. Долгие годы библиотека была великолепным помещением, отделанным дубом и красным деревом, с книжными полками от пола до потолка и старинными глобусами. Однако два года назад Эллисон решила, что комната безнадежно устарела и требует срочной переделки.

Старое дерево немилосердно содрали, и ныне комната казалась белой, холодной и чересчур функциональной, потеряв былую теплоту и привлекательность. Эллисон так гордилась отремонтированной библиотекой, что Гриффин изо всех сил скрывал свою неприязнь.

– Ты насчет сегодняшнего дела? – спросил он.

– Нет, – ответил Гэндл.

Скоуп предложил ему сесть, но подчиненный жестом отказался.

– Как все прошло?

– Пришлось удостовериться, что парень ничего не скрывает.

– А как же иначе.

Кто-то задел сына Гриффина, Рэнделла, и миллиардеру пришлось нанести ответный удар. Это было одним из его неписаных правил. Нельзя сидеть и ждать неизвестно чего, когда твои близкие в опасности. И никаких там юридических заморочек вроде «пределов необходимой самообороны»! Когда тебя атакуют, не до жалости и тому подобных штук. Раздавить паразита. Втоптать его в землю. Тот,

кто осуждает подобную философию, кто считает ее излишне маккиавелиевской, на самом деле творит гораздо больше зла своими «гуманными методами».

Чем быстрее решаешь проблему, тем меньше льется крови.

– Так что случилось? – спросил Гриффин.

Ларри неуверенно почесывал лысину. Нельзя сказать, будто эта картина доставляла Гриффину удовольствие. При блестящих деловых качествах Гэндл являл собой далеко не аппетитное зрелище.

– Я никогда не врал вам, Грифф, – начал Ларри.

– Знаю.

– Хотя и во все подробности тоже не посвящал...

– Какие подробности?

– Ну, например, кого я нанимаю для работы. Никогда не называл конкретных имен. Им, кстати, тоже.

– Это всего лишь детали.

– Да.

– Тогда в чем дело?

Гэндл наконец решился:

– Восемь лет назад вы распорядились нанять двух человек для выполнения... одного задания.

Скоуп побелел. Сглотнул.

– Насколько я помню, они сработали превосходно.

– Да. То есть, наверное.

– Не понимаю.

– Само задание они выполнили. По крайней мере, бóльшую часть. Устранили главную виновницу.

Несмотря на то что раз в неделю дом тщательно проверялся на наличие подслушивающих устройств, ни глава, ни подчиненный никогда не называли имен. Очередное правило Скоупов. Гэндл часто гадал, в чем его истинный смысл: Скоупы хотели обеспечить себе еще большую безопасность или просто старались обезличить те дела, которыми время от времени вынуждены были заниматься? Он подозревал последнее.

Гриффин упал в кресло, так резко, будто его толкнули, и тихо спросил:

– Почему ты говоришь об этом именно сегодня?

– Я знаю, как вам тяжело вспоминать ту историю... Только ко выяснилось кое-что новенькое.

Гриффин молча ждал.

– Я хорошо заплатил нанятым людям.

– Не сомневаюсь.

– После работы, – Ларри откашлялся, – они должны были на время исчезнуть. Отсидеться где-то ради предосторожности.

– Ну и?..

– Больше мы никогда о них не слышали.

– А они забрали свои деньги?

– Да.

– И что же тут странного? Свалили куда-нибудь с круг-

ленькой суммой в карманах – уехали подальше, сменили документы...

– Так мы и считали тогда.

– А теперь?

– Полиция нашла их тела на прошлой неделе. Они погибли.

– Все равно не вижу проблемы. У таких бандитов и смерть бандитская.

– Трупы старые.

– Старые?

– Как минимум пять лет. И еще: их нашли возле озера, где... где произошел инцидент.

Гриффин открыл рот, закрыл, открыл еще раз:

– Ничего не понимаю!

– Если честно, я тоже.

Это было уже слишком. Прямо-таки чересчур. Весь вечер Гриффин старался сдерживать слезы, отвлекая гостей на балу в честь Брэндона. А теперь история смерти сына, похороненная, казалось, навсегда, снова явилась на свет. Как тут не сломаться...

Гриффин взглянул на «адьютанта» снизу вверх:

– Ничто не должно всплыть на поверхность.

– Я знаю, Грифф.

– Надо срочно выяснить, что случилось. Досконально.

– Все эти годы я присматривал за ее родными. Особенно за мужем. Просто на всякий случай. Теперь мы бросим на

него все наши силы.

– Прекрасно. Эту историю необходимо окончательно похоронить. И меня не интересует, кого мы похороним вместе с ней.

– Понимаю.

– И, Ларри...

Гэндл ждал.

– Я знаю одного из ребят, которых ты нанимаешь.

Он имел в виду Эрика Ву.

Гриффин Скоуп вытер глаза и встал, чтобы вернуться к гостям.

– Используй его.

Глава 8

Шона и Линда снимали трехкомнатную квартиру на углу Риверсайд-драйв и Сто шестнадцатой улицы, недалеко от Колумбийского университета. Я удачно нашел место для парковки – редкое везение.

Мне открыла Шона. Линда все еще не вернулась со своего мероприятия, Марк спал. Я на цыпочках пробрался в детскую и поцеловал племянника в лоб. Похоже, мальчишка еще не переболел покемономанией. Спит на постельном белье с изображением Пикачу и с мягким Сквиртлом в руках. Вопреки традиции осуждать слишком тесную привязанность ребенка к мультипликационным героям, я с удовольствием вспоминал, как сам был в восторге от Бэтмена и Капитана Америки. Я постоял около кровати еще несколько секунд. Затасканное сравнение, но во сне Марк действительно напоминает маленького ангела.

Шона ждала меня в дверях. Когда мы вернулись в гостиную, я сказал:

– Не возражаешь, если я выпью?

Она пожала плечами:

– Наливай что хочешь.

Я нацедил себе на два пальца бурбона.

– Выпьешь со мной?

Шона покачала головой.

Мы уселись на диван.

– Когда Линда вернется?

– Если б я знала, – сказала Шона, и мне не понравилось, как она это произнесла.

– Черт, – пробормотал я.

– Это всего лишь временная размолвка, Бек. Ты же знаешь, я люблю Линду.

– Черт, – повторил я.

В прошлом году Линда и Шона расстались на два месяца. Плохо было всем. Особенно Марку.

– Я не собираюсь уходить или разводиться.

– А что тогда?

– Да все то же самое. У меня слишком светская работа. Я постоянно окружена очаровательными, интересными людьми. Ничего нового, верно? Я давно работаю моделью. Линда же вбила себе в голову, будто я верчу хвостом.

– А ты и вертишь, – подтвердил я.

– Пусть так. Но ведь в этом тоже нет ничего нового?

Я не ответил.

– После работы я всегда возвращаюсь к Линде.

– И никогда не задерживаешься с кем-нибудь по пути?

– Если и да, то это лишь эпизод, ты же знаешь. Я как птица – «не могу петь в клетке, только на воле, на ветке».

– Сплошные метафоры, – заметил я.

– Зато в рифму.

Мы помолчали. Я попивал бурбон.

– Бек?

– Что?

– Что-то случилось?

– Почему ты так решила?

Шона молча смотрела мне в глаза и ждала ответа.

Я подумал о приписке «Не говори никому» в конце сообщения. Если его действительно прислала Элизабет, во что я еще не верил, она должна была предположить – я могу все рассказать Шоне. Линде, возможно, нет. А Шоне? Я говорил ей все. Элизабет бы наверняка разрешила.

– У меня есть подозрение, – с трудом выговорил я, – что Элизабет жива.

Шона не отвела взгляда.

– И сбежала с Элвисом Пресли, да? – хмыкнула она, однако, увидев мое лицо, потребовала: – Объясни.

Я объяснил. Рассказал все: о сообщении, об Интернете и уличной камере, о появлении Элизабет на экране моего монитора. Шона не сводила с меня глаз и ни разу не перебила мой монолог. Даже головой не кивала. Когда я закончил, она аккуратно достала из пачки сигарету и сунула в рот. Шона бросила курить много лет назад, но до сих пор держала сигареты под рукой. Покрутила «канцерогенную палочку» в руке, глядя на нее так, будто никогда не видела ничего подобного прежде. Я прямо почувствовал, как бешено крутятся ее мозги. Наконец Шона произнесла:

– Итак, завтра в половине девятого вечера ты должен по-

лучить следующее сообщение.

Я кивнул.

– Значит, будем ждать.

– Ты даже не скажешь, что я свихнулся?

Шона пожала плечами:

– Пока нет.

– Почему?

– Можно найти несколько объяснений твоей истории.

– Одним из которых будет шизофрения.

– Не спорю, оснований для такого предположения достаточно. Только зачем же первым делом подозревать худшее? Предположим, что все случившееся – правда. Предположим, что ты действительно видел то, что видел, и Элизабет на самом деле жива. Если мы не правы, то это скоро выяснится. Если же правы... – Она нахмурилась и потрясла головой. – Господи, хоть бы мы были правы.

Я улыбнулся.

– Ты знаешь, как я тебя люблю?

– Знаю, – сказала Шона. – Меня все любят.

* * *

Вернувшись домой, я налил себе последний на сегодня стаканчик. Сделал большой глоток и с наслаждением почувствовал, как согревающая жидкость потекла к месту своего назначения. Да, я пью. Только я не пьяница. Это не одно и

то же. Как врач, я понимаю, что игры с алкоголем так же небезопасны, как флирт с дочкой гангстера-мордоворота. Но флирт не всегда приводит к свадьбе, это знают все.

Хлоя подскочила ко мне с обычным своим выражением на морде, которое можно было перевести как «поесть-погулять, поесть-погулять!». Собаки удивительно постоянны в своих требованиях. Я покормил ее и вывел на улицу. Свежий воздух приятно охлаждал, хотя голова по-прежнему оставалась затуманенной. Честно говоря, не люблю гулять, это, по-моему, на редкость скучное занятие. Однако мне нравилось наблюдать за Хлоей. Смешно – сколько собаки получают удовольствия от такой простой процедуры. Приятно было доставить ей радость.

Дома я тихонько прошел в свою спальню. Хлоя следовала за мной. Дед спал, дрыхла и его новая сиделка. Она храпела с присвистом, как мультяшные герои. Я включил компьютер и задумался: почему шериф Лоуэлл не перезвонил? Позвонить ему, что ли? Вообще-то, время близится к двенадцати... Ничего, не помрет.

Я поднял трубку и набрал номер. У Лоуэлла сотовый телефон – если он хочет спать по ночам, то может просто отключить сигнал, не так ли?

Шериф снял трубку после третьего звонка:

– Доктор Бек?

Голос напряженный. Кроме того, я уже больше не «док».

– Почему вы не перезвонили?

– Уже поздно, – ответил он. – Я собирался перехватить вас утром.

– В чем там дело, с Сарой Гудхарт?

– Завтра.

– Что, простите?

– Уже поздно, доктор Бек. Мой рабочий день окончен. И я не хочу говорить об этом по телефону.

– А вы можете хотя бы объяснить...

– Вы будете в клинике утром?

– Да.

– Я позвоню.

Лоуэлл вежливо, но сухо пожелал мне спокойной ночи и отключился. Я уставился на телефонную трубку, гадая: что бы это могло значить?

Заснуть, разумеется, не удалось. Я провел большую часть ночи в Сети, просматривая уличные камеры и надеясь наткнуться на нужную. Искал, так сказать, виртуальную иголку в стоге высокотехнологичного сена.

Бросил наконец это бесполезное занятие и нырнул под одеяло. Профессия врача приучила меня быть терпеливым. Иногда я назначаю своим маленьким пациентам исследования, которые длятся почти всю жизнь, если не дольше, и прошу родителей подождать результатов. И ведь ждут, выбора у них нет. Теперь я сам попал в подобную ситуацию. В данный момент у меня слишком много догадок. Завтра я подключусь к сайту Bigfoot под именем Бэт Стрит и с паролем

«Тинейджер» и, возможно, узнаю что-то новое.

Какое-то время я лежал, уставившись в потолок. Потом глянул вправо, туда, где раньше спала Элизабет. Я всегда засыпал первым и перед сном любил смотреть, как она читает. Ее лицо в профиль, полностью сосредоточенное на книге, было последним, что я видел перед тем, как провалиться в сон.

Я перевернулся на другой бок.

* * *

В четыре часа утра Ларри Гэндл взглянул на экран поверх головы Эрика Ву. Эрик, будучи на редкость дисциплинированным служащим, сидел перед компьютером, хотя его лицо от усталости уже сравнялось цветом с выбеленными волосами.

– Итак? – вопросительно произнес Гэндл.

Ву стянул с головы неизменные наушники и сложил похожие на глыбы мрамора руки на груди.

– Странная штука.

– Объясни.

– Доктор Бек почти никогда не сохранял сообщений. Разве только что-то, касавшееся пациентов. И ничего личного. А за последние два дня он получил и запомнил два загадочных послания.

Не оборачиваясь, Эрик протянул через громадное плечо

пару распечаток. Ларри проглядел их и нахмурился:

– Что это значит?

– Понятия не имею.

Гэндл прочел сообщение, гласившее, что надо кликнуть по какой-то ссылке в «час поцелуя». В компьютерах он ничего не понимал и, честно говоря, не собирался понимать и дальше. Глаза Гэндла переметнулись на верх страницы, где была напечатана тема.

«Э. П. + Д. Б.» и куча каких-то линий.

Так, Д. Б. – это, наверное, Дэвид Бек. А Э. П....

Ларри как пыльным мешком стукнуло. Он медленно протянул листок Ву.

– Кто это прислал?

– Не знаю.

– Выясни.

– Нереально.

– Почему?

– Отправитель использовал анонимный почтовый ящик.

Ву говорил размеренным, безжизненным тоном. Тем же тоном он обсуждал и прогноз погоды, и способы пыток очередной жертвы.

– Не стану вдаваться в компьютерный жаргон, просто поверьте – отследить адрес невозможно.

Гэндл перевел взгляд на вторую распечатку. «Бэт Стрит» и «Тинейджер». Бред какой-то.

– А вот это? Это можно отследить?

– Тоже нет.

– Послал-то их один и тот же человек?

– Нам остается только гадать.

– А содержание? Ты понял хоть что-нибудь из их содержания?

Ву нажал несколько клавиш и вызвал на экран первое сообщение.

– Видите голубые символы? Так называемая ссылка. Все, что должен был сделать наш доктор, – это щелкнуть по ней мышкой и посмотреть, что появится на экране. Видимо, какой-то сайт.

– Какой именно?

– Ссылка не работает. Я не смог ее открыть.

– Бек должен был проделать это в «час поцелуя»?

– По крайней мере, так здесь говорится.

– А что такое «час поцелуя»? Какой-то компьютерный термин?

– Нет, – ухмыльнулся Ву.

– Значит, мы не знаем точное время, о котором говорится в сообщении?

– Совершенно верно.

– И даже не можем вычислить, прошло оно или нет?

– Прошло.

– Почему ты так уверен?

– Браузер Бека настроен таким образом, что мы можем видеть последние двадцать сайтов, которые он посещал. Бек

щелкал по ссылке. Даже несколько раз.

– А нельзя как-то... хм... проследить за ним?

– Нет. Ссылка-то не работает.

– А другое сообщение?

Ву опять пробежался пальцами по клавишам. Первое сообщение на экране сменилось вторым.

– Это полегче. Основное понятно.

– Что же?

– Анонимный отправитель создал почтовый ящик для доктора Бека, сообщил ему необходимые имя, пароль и снова упомянул о «часе поцелуя».

– Давай проверим, правильно ли я понял, – сказал Гэндл. – Бек откроет какой-то сайт, набьет переданные ему имя пользователя с паролем и увидит новое сообщение?

– Теоретически да.

– А мы можем сделать то же самое?

– Войти туда, используя те же координаты?

– Да. И прочесть сообщение.

– Я попробовал. Ящик пока не открывается.

– Почему?

Эрик пожал плечами:

– Аноним может создать его позже. Непосредственно перед назначенным временем.

– Тогда что же мы в результате имеем?

Отсвет монитора плясал в пустых глазах Эрика Ву.

– Пока только то, что кто-то изо всех сил старается сохра-

нить анонимность.

– И никак нельзя выяснить, кто именно?

Ву показал Гэндлу какой-то приборчик, который человеку непосвященному напомнил бы часть транзисторного приемника.

– Мы поставили такие штучки на домашний и рабочий компьютеры Бека.

– И что это?

– Специальное устройство, которое посылает сигналы с его компьютера на мой. Если доктор Бек получит какое-то сообщение, навестит какой-либо сайт или даже просто напечатает письмо, мы тут же это увидим.

– Значит, сидим и ждем.

– Да.

Гэндл вспомнил предположение Ву, что кто-то из всех сил пытается сохранить анонимность, и страшное подозрение закралось в его душу.

Глава 9

Я припарковался аж в двух кварталах от клиники. Раньше я никогда не делал ничего подобного.

Шериф Лоуэлл уже материализовался здесь вместе с двумя короткостриженными мужчинами в серых костюмах, которые лениво прислонились к большому коричневому «бьюику». Смешная парочка. Один – длинный, тощий и белый, другой – толстый, короткий и абсолютно черный. Они напоминали кеглю и шар. Оба ласково улыбнулись мне. Шериф сохранил угрюмость.

– Доктор Бек? – уточнил белый. Он выглядел до отвращения аккуратно – напомаженные волосы, уголок тщательно сложенного платка выглядывает из нагрудного кармана, галстук заколот стильной булавкой, очки в черепаховой оправе, какие любят надевать актеры, когда желают выглядеть модно.

Я посмотрел на Лоуэлла. Тот молчал.

– Да, – ответил я.

– Специальный агент Ник Карлсон из Федерального бюро расследований, – представился аккуратно. – А это специальный агент Том Стоун.

Оба сверкнули значками. Коротышка Стоун поддернул брюки и кивнул на «бьюик»:

– Не сможете ли вы проехать с нами?

– У меня пациенты через пятнадцать минут!

– Об этом мы уже позаботились. – Карлсон выбросил длинную руку в сторону открытой двери машины, как ведущий телешоу, предлагающий приз. – Прошу.

Пришлось сесть назад. Карлсон устроился за рулем, Стоун – рядом. Лоуэлл в машину садиться не стал. Мы останавливались на Манхэттене, и все же дорога заняла не больше сорока пяти минут. Карлсон припарковался в центре, на Бродвее, недалеко от Дуан-стрит, напротив административного здания номер 26 на Федерал-плаза.

Внутри здание выглядело как обычный офис. По коридорам с чашками кофе в руках передвигались мужчины в деловых, на удивление неплохого качества костюмах. Попадались и женщины, но в явном меньшинстве. Мы зашли в конференц-зал, мне предложили сесть, что я и сделал. Хотел еще положить ногу на ногу, да постеснялся.

– Кто-нибудь объяснит наконец, что тут происходит? – спросил я.

– Чем вас угостить? – вместо ответа поинтересовался Карлсон Белая Кегля. – У нас тут худший кофе в мире.

Карлсон нежно улыбнулся. Я улыбнулся в ответ:

– Нет, спасибо, хотя предложение заманчивое.

– А может, что-нибудь прохладительное? Том, у нас есть прохладительные напитки?

– Конечно, Ник. Кока-кола, диетическая кола, спрайт. Все, что угодно, для нашего доктора.

Мы опять поулыбались.

– Спасибо, ничего не нужно.

– А лимонаду? – попробовал еще раз соблазнить меня Стоун, снова подтянув штаны. Его живот походил на надутый мяч, намек на талию отсутствовал, и брюкам приходилось нелегко. – У нас здесь всего полно.

Я чуть не согласился, чтобы они отстали, но покачал головой. На столе между нами сиротливо лежал одинокий конверт. Я не знал, куда деть руки, и положил их перед собой. Карлсон сел на угол стола, Стоун остался на ногах.

– Что вы можете сообщить нам по поводу Сары Гудхарт? – спросил Карлсон.

Я заколебался, стоит ли отвечать правду.

– Док?

– А что вы хотите услышать?

Карлсон и Стоун переглянулись.

– Имя Сары Гудхарт интересует нас в связи с текущим расследованием.

– Каким расследованием?

– Нам бы не хотелось этого разглашать.

– Не понимаю, при чем тут я.

Карлсон тяжело вздохнул, как бы обдумывая мое заявление. Затем повернулся к коротышке-напарнику и уже безо всякой улыбки спросил:

– Я задаю непонятные вопросы, Том?

– Нет, Ник. Мне кажется, все ясно.

– Мне тоже так кажется.

Карлсон снова повернулся ко мне:

– Может быть, вы протестуете против формы вопроса, док?

– Так всегда говорят на практических занятиях, – встрял Стоун. – «Протестую против формы вопроса!»

– Говорят-говорят. А потом добавляют: «Переформулируйте». Что-то вроде этого, да, Том?

– Да, типа того.

Карлсон пригвоздил меня взглядом к креслу.

– Прекрасно, сформулируем иначе. Имя Сара Гудхарт что-нибудь значит для вас?

Ох, не нравилось мне все это. Не нравилось их внимание к моей персоне, и то, что вместо шерифа Лоуэлла допрос ведут федералы, и то, что они вроде бы планируют сделать из меня отбивную. Им хотелось понять, что это за Сара такая. А чего тут трудного: взгляни на полное имя Элизабет да на адрес. Я решил сказать полуправду.

– Второе имя моей жены – Сара, – осторожно начал я.

– А второе имя моей жены – Гертруда, – мгновенно отозвался Карлсон.

– Господи, Ник, это ужасно.

– А у твоей жены есть второе имя, Том?

– Мак-Дауд. Семейное имя.

– Мне нравится, когда у семьи есть семейное имя. Заставляет помнить о своих корнях.

– Мне тоже нравится.

Оба агента опять посмотрели на меня.

– Как ваше второе имя, док?

– Крэйг, – ответил я.

– Крэйг, – повторил Карлсон. – Значит, если я спрошу вас, знакомо ли вам имя, – он помахал рукой, – скажем, Крэйг Дипвуд, вы воскликнете: «Да, потому что мое второе имя – Крэйг»?

Карлсон сурово уставился мне в глаза.

– Думаю, нет, – промямлил я.

– «Думаю, нет». Что ж, начнем сначала: вы слышали такое имя: Сара Гудхарт? Да или нет?

– Вы имеете в виду – когда-нибудь?

– Господи! – с чувством сказал Стоун.

Карлсон побагровел:

– Мы с вами в слова играем, док?

Он угадал. Я не знал, что делать. Я почти ослеп, и перед моим мысленным взором горела неоновым светом последняя строчка письма: «Не говори никому». Я почти ничего не соображал. Они хотели знать про Сару Гудхарт. Возможно, это только проверка, призванная показать, буду ли я с ними сотрудничать. А в чем?

– Моя жена выросла на Гудхарт-роуд, – объяснил я. Сыщики подались назад, скрестив руки на груди. Они пытались завести меня в ловушку, и я покорно шел за ними. – Потому я и сказал, что Сара – ее второе имя. Название улицы на-

толкнуло меня на эту мысль, понимаете?

– Она выросла на Гудхарт-роуд? – переспросил Карлсон.

– Да.

– И название улицы стало для вас чем-то вроде катализатора?

– Да.

– Начинаю улавливать смысл. – Карлсон посмотрел на партнера. – Ты улавливаешь смысл, Том?

– Конечно, – сказал Том, поглаживая себя по животу. – Он вовсе не хотел заморочить нам голову. Слово «Гудхарт» послужило катализатором.

– Да. Именно потому он подумал о своей жене.

Оба уставились на меня. В этот раз я сумел сохранить молчание.

– Ваша жена когда-нибудь называлась Сарой Гудхарт? – спросил Карлсон.

– Как это – называлась?

– Ну, она когда-нибудь говорила: «Привет! Я – Сара Гудхарт!»? Или, может, имела документы на это имя. Или регистрировалась в Сети под таким ником.

– Нет.

– Вы уверены?

– Да.

– Вы говорите правду?

– Да.

– Не нужен никакой катализатор?

Я выпрямился в кресле, решив продемонстрировать характер.

– Мне не нравится, как вы разговариваете со мной, агент Карлсон.

Его рекламная белозубая улыбка тут же вернулась, но теперь показалась жестокой пародией на ту, предыдущую. Агент поднял руку и примирительно бросил:

– Ладно, простите, это действительно было грубо.

Он оглянулся кругом, как бы выискивая следующий вопрос.

– Вы били свою жену, доктор Бек?

Меня как хлыстом стегнули.

– Что?!

– Это вас возбуждало? Отлупить женщину?

– Что... Вы что, свихнулись?

– Сколько вы получили по страховке после смерти жены?

Не в силах поверить своим ушам, я растерянно переводил взгляд с Карлсона на Стоуна, однако их лица были бесстрастны.

– Да что вы такое говорите?

– Пожалуйста, ответьте на вопрос, доктор Бек. Если, конечно, вам нечего скрывать.

– Да нет, это не секрет, – сказал я. – Полис был на двести тысяч долларов.

– Двести кусков за погибшую жену, – присвистнул Стоун. – Эй, Ник, я встаю в очередь!

– Не великовата ли сумма для двадцатипятилетней девушки?

– В то время ее двоюродный брат устроился на работу в страховую фирму, – стал коряво оправдываться я. Странная вещь: хоть я и не сделал ничего дурного – во всяком случае, того, что имели в виду они, – все равно почувствовал себя виноватым. Неприятное ощущение. Из-под мышек заструился пот. – Элизабет хотела помочь ему и застраховалась на большую сумму.

– Мило с ее стороны, – сказал Карлсон.

– Очень мило, – подхватил Стоун. – Семья превыше всего, вы согласны?

Я молчал. Улыбки вновь исчезли.

– Посмотрите на меня, док, – приказал Карлсон.

Я повиновался. Его глаза буравили мои. Я выдержал поединок, хотя это оказалось нелегко.

– На этот раз ответьте, пожалуйста, на мой вопрос, – медленно произнес агент. – И не злите меня больше. Вы когда-нибудь били свою жену?

– Никогда, – ответил я.

– Ни разу?

– Ни разу.

– И не толкали?

– И не толкал.

– А со злости ни разу не треснули? Слушайте, док, мы все люди – пощечина, то да се. Не преступление, нет, просто

время от времени у каждого могут сдать нервы.

– Я никогда не бил свою жену, – повторил я. – Не толкал, не трескал со злости, не отвешивал пощечин. Никогда.

Карлсон поглядел на Стоуна:

– Тебе все ясно, Том?

– Конечно, Ник. Он сказал, что никогда не бил жену, чего тут непонятного.

Карлсон поскреб подбородок:

– Если только...

– Если только что, Ник?

– Если только ему снова не нужен катализатор.

Глаза сыщиков опять сфокусировались на мне. Собственное дыхание засвистело у меня в ушах, голова стала пустой и звенящей. Карлсон подождал еще несколько секунд, прежде чем завиться с большим коричневым конвертом. Он тянул время, аккуратно развязывая и расклеивая его. Потом поднял высоко в воздух, и содержимое высыпалось на стол.

– Годится катализатор, док?

Это оказались фотографии. Карлсон подвинул их ко мне. Я взглянул на снимки и похолодел.

– Доктор Бек?

Я не отозвался. Мои пальцы тихонько коснулись фотографий.

Элизабет.

Это, несомненно, она. На первом фото жена была снята крупным планом – только голова, в профиль. Рукой Элиза-

бет придерживала волосы, открывая ухо. Ухо было красным и распухшим, шея под ним – в синяках и царапинах.

Похоже, перед съемкой она плакала.

Следующее фото запечатлело Элизабет раздетой до пояса и демонстрировавшей огромный синяк на боку. И вновь глаза у нее заплаканы. Снимок был очень контрастным, кровоподтек казался огромным и черным.

И еще три фотографии – Элизабет в разных позах, представляющая различные части тела, покрытые ушибами и царапинами.

– Доктор Бек?

Голос вернул меня к действительности. Я почти забыл о наблюдающих за мной агентах. Встрепенувшись, я переводил глаза с Карлсона на Стоуна и обратно.

– Вы что, думаете, это сделал я?

Карлсон пожал плечами:

– Мы ждем, что вы нам скажете.

– Конечно же нет!

– Вы в курсе, где ваша жена получила травмы?

– В автомобильной катастрофе.

Они переглянулись с таким видом, будто я сообщил, что мою домашнюю работу съела собака.

– Элизабет попала в небольшую аварию, – объяснил я.

– Когда?

– Точно не помню. За три-четыре месяца до... – я сглотнул, – до смерти.

– Она обращалась к врачу?

– Нет. Не думаю.

– Нет или не думаете?

– Дело в том, что меня в тот момент не было дома.

– И где же вы находились?

– Делал доклад на симпозиуме педиатров в Чикаго. Жена рассказала о случившемся, лишь когда я вернулся домой.

– Сколько же дней прошло к тому времени?

– С момента аварии?

– Да.

– Не знаю. Два или три.

– Вы уже были женаты?

– Да, несколько месяцев.

– А почему она не рассказала вам о происшествии сразу?

Как вы думаете?

– Она рассказала, как только я вернулся. А раньше, наверное, не хотела меня волновать.

– Понятно, – протянул Карлсон и посмотрел на Стоуна. Оба даже не пытались скрыть скептицизм. – Значит, это не вы сделали фотографии, док?

– Нет, – сказал я, радуясь, что говорю правду, так как взгляды фэбээровцев не предвещали ничего хорошего.

Наклонившись ко мне, Карлсон спросил:

– А раньше вы их видели?

Я не ответил. Они ждали. Я не спешил, размышляя над вопросом. Ответом было «нет», но... откуда взялись сним-

ки? Почему я не знал об их существовании? Кто сфотографировал Элизабет? Я пытался понять хоть что-нибудь по лицам агентов, однако те оставались непроницаемы.

Смешно, тем не менее бóльшую часть наших знаний об окружающем мире мы черпаем с телевизионных экранов. Сведения о расследованиях, правах подозреваемого, допросах и перекрестных допросах, протоколах и юридической системе в целом льются на нас из сериалов типа «Закон и порядок». Дайте кому-нибудь в руки пистолет, попросите выстрелить, и он повторит то, что неоднократно видел по телевизору. Скажите человеку, что за ним хвост, и он поймет вас, потому что так выражаются герои его любимых фильмов.

Я поднял глаза и задал классический вопрос:

– Вы меня подозреваете?

– В чем?

– В чем-то. Вы подозреваете, что я совершил какое-то преступление?

– Туманный вопрос, док.

Да и твой ответ не точнее. Мне он, во всяком случае, не понравился. Пришлось вспомнить еще кое-что из кино.

– Я хочу позвонить моему адвокату.

Глава 10

Естественно, знакомого адвоката, специализирующегося на уголовном праве, у меня не было. Да и у кого он есть? Поэтому я позвонил Шоне из автомата в коридоре и объяснил ситуацию. Шона зря времени не тратила.

– У меня есть то, что нужно, – сказала она. – Сиди и жди.

Я вернулся в конференц-зал. Карлсон и Стоун были так любезны, что остались ждать со мной. Они коротали время, перешептываясь друг с другом. Прошло около получаса. Тишина нервировала, и я знал, что сыщики на это и рассчитывают, но не мог с собой справиться. В конце концов, я невиновен! Чем может навредить пара-другая слов?

– Мою жену нашли заклеянной, с буквой «К» на щеке.

– Простите? – вскинулся Карлсон и вытянул ко мне длинную шею. – Вы к нам обращаетесь?

– Мою жену заклеили буквой «К», – повторил я. – После нападения на нас я попал в больницу с сотрясением мозга. Вы не можете думать... – Я замолчал.

– Думать что?

Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Что я имею какое-либо отношение к смерти жены.

И в этот момент распахнулась дверь. В зал ворвалась женщина, которую я прекрасно знал по многочисленным телевизионным шоу. При виде ее Карлсон подпрыгнул, а Стоун

прошипел: «Черт побери!»

– Мой клиент потребовал консультации? – без всякого вступления начала Эстер Кримштейн.

Положись на Шону – и все будет в порядке. Я никогда не встречал своего нового адвоката, зато частенько видел ее в роли «независимого эксперта» на всевозможных ток-шоу, а также ведущей собственную программу «Кримштейн против криминала». На экране Эстер Кримштейн выглядела стремительной и зубастой, как акула, и частенько разносила своих гостей в пух и прах. В жизни она оказалась еще более эксцентричной и напоминала тигрицу, которая в каждом собеседнике видит трепетную лань.

– Совершенно верно, – отозвался Карлсон.

– И что я вижу? Вы как ни в чем не бывало продолжаете его допрашивать!

– Он сам заговорил.

– Ну да, ну да.

Кримштейн рывком открыла кейс, выхватила блокнот и ручку, а затем швырнула их на стол:

– Напишите ваши имена.

– Что, простите?

– Ваши имена, красавчики. Забыли, как они пишутся?

Вопрос был вроде бы риторический, но Эстер явно ждала ответа.

– Нет, – пробормотал Карлсон.

– Помним, – добавил Стоун.

– Прекрасно. Напишите их вот здесь. Печатными буквами, пожалуйста. Когда в своем шоу я буду рассказывать, как вы попирали гражданские права моего клиента, то не хочу ошибиться.

Она наконец посмотрела на меня:

– Идемте.

– Подождите-подождите, – заторопился Карлсон. – Мы бы хотели задать вашему клиенту несколько вопросов.

– Нет.

– Нет? Прямо вот так?

– Прямо вот так. Вы не говорите с ним. Он не говорит с вами. Никогда. Все понятно?

– Все, – проворчал Карлсон.

Эстер повернулась к Стоуну.

– Да, – подтвердил тот.

– Умные мальчики. Вы не арестовали доктора Бека?

– Нет.

Она повернулась ко мне:

– Тогда чего мы ждем? Пойдем отсюда.

* * *

Эстер Кримштейн не произнесла ни слова, пока мы не уселись в ее лимузин.

– Куда вас подкинуть? – спросила она.

Я продиктовал шоферу адрес клиники.

– Расскажите мне о допросе, – сказала Кримштейн. – Подробно.

Я постарался как можно более четко передать ей содержание беседы с Карлсоном и Стоуном. Эстер слушала, не глядя в мою сторону. Она вытащила ежедневник толщиной с руку и сделала какие-то пометки.

– А что с этими фотографиями? – спросила она. – Вы действительно их не снимали?

– Нет.

– И сказали об этом нашим Тру-ля-ля и Тра-ля-ля?

Я молча кивнул.

Эстер потрясла головой.

– Нет клиентов хуже, чем врачи, – скорбно произнесла она и поправила волосы. – Ладно, это было глупо, но не смертельно. Говорите, раньше не видели снимков?

– Никогда.

– А когда они спросили вас об этом, вы наконец-то решили замолчать.

– Да.

– Уже лучше. История с автомобильной аварией – правда?

– Простите?

Кримштейн закрыла ежедневник.

– Послушайте... Бек, да? Шона сказала, что все зовут вас Бек. Вы не будете возражать, если я сделаю то же самое?

– Нет.

– Замечательно. Так вот, Бек, вы – доктор, верно?

– Верно.

– Умеете вежливо общаться со своими клиентами?

– Стараюсь.

– А я нет. И не собираюсь. Если вам нужны сюси-пуси – нанимайте добренького адвоката, и дело с концом. Поэтому давайте-ка отбросим все эти «простите-извините» и перейдем к делу. История с аварией – правда?

– Разумеется.

– Сыщики ведь проверят все ваши слова...

– Знаю.

– Рада, что здесь все чисто. Возможно, фотографии были сделаны кем-то из друзей вашей жены. Например, в качестве доказательства. На случай, если бы она захотела получить страховку или подать в суд на виновника происшествия.

Я в это не верил и все же промолчал.

– Далее, uno⁶: где были эти снимки раньше, Бек?

– Не знаю.

– Dos и tres⁷. Как они попали к фэбээровцам? Почему всплыли только сейчас?

Я помотал головой.

– И самое важное: что они пытаются на вас повесить? Ваша жена погибла восемь лет назад, странновато заводить дело об избиении в браке.

Эстер откинулась на спинку сиденья и минуту или две

⁶ Первое (*исп.*).

⁷ Второе (*и*) третье (*исп.*).

молчала. Потом подняла глаза к потолку и пожала плечами.

– Бессмыслица. В любом случае я позвоню куда надо и узнаю, в чем дело. Вы же пока сидите тихо и не валяйте дурака – никому ничего не рассказывайте. Все ясно?

– Да.

Кримштейн вновь откинулась назад и размышляла еще несколько минут.

– Мне это не нравится, – произнесла она в результате. – Совсем не нравится.

Глава 11

12 мая 1970 года Джереми Ренуэй и три его товарища-радикала организовали взрыв в химлаборатории своего университета. Среди учащихся пошли слухи, что военные пытаются произвести в лаборатории новый, особенно смертоносный вид напалма. Четверо студентов, в припадке гениальности обозвавших собственную группу «Плачем свободы», решили привлечь к этому факту всеобщее внимание.

Ни тогда, ни сейчас Джереми не знал, насколько правдивы слухи об исследованиях. Да это, собственно, и не было важно: все равно взрыв не повредил лаборатории. На входе странный пакет заметили два охранника, один начал разворачивать его, и начинка взорвалась, убив обоих.

У охранников остались дети.

Одного из «плакальщиков свободы» схватили через два дня. Он до сих пор в тюрьме. Второй умер от рака в 1989-м. Третью, Эвелин Косми, арестовали в 1996 году и дали семь лет.

Джереми же испарился в окрестных лесах сразу после взрыва и не выходил из них по сей день. Он редко видел людей, почти не слушал радио и не смотрел телевизор. Правда, один раз поговорил по телефону – слишком уж дело было срочное. Новости он узнавал в основном из газет, которые, кстати, безбожно переврали все, что случилось здесь восемь

лет назад.

Рожденный и выросший на холмах Северной Джорджии, отец Джереми научил сына способам выживания, главным из которых был следующий: «природе верь, людям – никогда». В свое время Джереми забыл о нем. Теперь пришлось вспомнить.

Опасаясь, что в родных лесах его могут схватить, Джереми двинулся в сторону Пенсильвании. Он брел все дальше и дальше, ночуя в пустующих детских лагерях, пока не наткнулся на отдаленное и безопасное озеро Шармейн. Заброшенные домики дали путнику надежный приют, кругом водились олени, а люди почти не появлялись – разве что летом, в выходные. В такие дни Джереми просто уходил поглубже в лес.

Или оставался и подглядывал.

Дети, игравшие в полуразрушенном лагере, звали его Лешим.

Сейчас Джереми наблюдал за наводнившими окрестности офицерами в серой форме ФБР. Три буквы на больших желтых эмблемах по-прежнему внушали ледяной ужас.

Район поисков оцеплять не стали. Может быть, потому, что сюда и так почти никто никогда не ходил. Когда тела нашли, Ренуэй несколько не удивился. Да, они были похоронены глубоко и тщательно. Однако Джереми знал, что тайное рано или поздно становится явным. Эвелин Косми, подруга-террористка, могла бы это подтвердить: она преврати-

лась в образцовую мамашу-наседку, но ее все равно взяли. Смешно.

Джеремии не опасался, что его обнаружат; он умел оставаться незаметным в лесу. Ренуэй тихо стоял в кустах и вспоминал, как восемь лет назад, ночью, услышал выстрелы, а потом шорох лопат, взрывающих землю, и тяжелое дыхание копавших. Джереми даже подумывал о том, чтобы сообщить полиции – анонимно, разумеется, – все обстоятельства дела.

Правда, в конце концов решил не рисковать. Никто не создан для того, чтобы жить в клетке, хотя некоторые стойко переносят это испытание. Джереми бы не выдержал. Его двоюродный брат Перри получил восемь лет заключения в федеральной тюрьме. Он сидел взаперти в крошечной клетушке двадцать три часа в день. Однажды утром Перри попытался убить себя, с размаху ударившись головой о цементный пол.

То же самое сделал бы и Джереми.

Поэтому он закрыл рот на замок и не вмешивался. Целых восемь лет.

Только не думать о той ночи Джереми не мог. Он вспоминал обнаженную женщину и притаившихся мужчин, драку возле машины и противный чавкающий звук, с которым дерево крушило живую плоть. Вспоминал молодого мужа женщины, брошенного тут умирать.

И ужасную ложь, с которой он так и не смог смириться.

Глава 12

Когда я вернулся в клинику, приемная до отказа была набита негодующими пациентами. По телевизору крутили диснеевскую «Русалочку». Когда мультик заканчивался, кассета автоматически перематывалась назад и начиналась сначала. Копия был старая, заезженная, краски выцвели, звук хрипел. Моя голова после разговора с фэбээровцами вела себя примерно так же. Слова Карлсона прокручивались в ней снова и снова. Заморочил он меня, надо сказать, профессионально. Я все пытался понять, что агент хотел узнать, и каждое предположение оказывалось мрачнее предыдущего, не вызывая ничего, кроме головной боли.

– Салют, док!

Ко мне подскочил Тайриз Бартон, одетый в мешковатые штаны и невероятных размеров спортивную куртку, ужасающее творение какого-то новомодного дизайнера.

– Привет, Тайриз.

Мы обменялись рукопожатием, похожим на танцевальное па, в котором он вел, а я подчинялся. Ти Джей, шестилетний сын Тайриза и его подружки Латиши, страдал гемофилией. Кроме того, мальчик был слеп. Впервые мы встретились, когда ребенка доставили сюда на «скорой», а отца чуть не арестовали, Тайриз до сих пор уверен, что в тот день я спас жизнь его сыну. Некоторое преувеличение, на мой взгляд.

Хотя кто знает...

С тех пор парню казалось, будто это сделало нас друзьями, как льва и мышь из притчи. Причем Тайриз был львом, а я – мышью, вытащившей занозу из его лапы. Заблуждение с его стороны.

Парочка никогда не была жената, тем не менее Тайриз был одним из немногих иногда появлявшихся здесь отцов. Бросив наконец мою руку, он сунул мне две стодолларовые купюры с изображением Бена Франклина.

– Хорошо следите за моим сыночком, а? – подмигнул он.

– Конечно.

– Вы – самый лучший доктор!

Любящий папаша протянул визитку, на которой не было ни имени, ни адреса, ни места работы. Только номер сотового телефона.

– Если что-то понадобится, звоните.

– Обязательно.

– Что угодно, док, – снова подмигнул Тайриз.

– Спасибо.

Я спрятал деньги. Этому ритуалу было уже шесть лет. За это время я видел здесь немало наркоторговцев, но ни один не прожил так долго, как Тайриз.

Конечно, я не оставляю себе деньги, а отдаю их Линде для ее фонда. Согласен, подарок сомнительный. Только пусть уж лучше деньги уйдут на благотворительность, чем на наркотики. Понятия не имею, насколько богат Тайриз. Однако ви-

дел, что он постоянно меняет машины, предпочитая покупать «БМВ» с тонированными стеклами, а гардероб его сына составляют вещи, каждая из которых стоит больше, чем все содержимое моего шкафа. Увы, мать мальчика попадает под программу «Медикэйд», и он наблюдается у нас бесплатно.

Идиотство, согласен.

Мобильник Тайриза заиграл бодрый хип-хоп.

– Простите, док. Дела-делишки.

– Понимаю, – вновь согласился я.

Иногда все это страшно бесит, да только вот дети... Они болеют. Не стану восклицать, что любой малыш чудесен. Порой приходится лечить ребятишек, при одном взгляде на которых делается понятно: ничего хорошего из них не выйдет. И все-таки даже они слабы и беззащитны...

Поверьте, я видел такое, что перевернуло бы ваше представление о человеческом роде. И поэтому стараюсь сосредоточиться на детях.

* * *

Вообще-то, я должен был работать до двух, но из-за проклятого допроса пришлось задержаться. Фотографии не давали покоя, избитое лицо Элизабет маячило перед внутренним взором.

Кто же ее сфотографировал?

Ответ пришел сам собой, как только я немного успокоил-

ся; он был настолько очевиден, что я удивился, как же не сообразил раньше. Сняв трубку, я позвонил по номеру, который не набирал долгие годы, хотя еще помнил наизусть.

– «Шейес фото», – отозвался в трубке женский голос.

– Привет, Ребекка.

– Бек, сукин ты сын! Откуда ты? Как дела?

– Нормально. А у тебя?

– Тоже неплохо. Работы невпроворот.

– Нельзя так, себя надо жалеть.

– А я жалею. В прошлом году, например, вышла замуж.

– Слышал. Не поздравил, извини.

– Поросенок.

– Не спорю. Ну хоть сейчас прими мои поздравления.

– Говори честно, что стряслось?

– Хочу задать тебе один вопрос.

– Какой?

– По поводу автокатастрофы.

Молчание.

– Ты помнишь ту аварию? Незадолго до смерти Элизабет?

Ребекка Шейес, лучшая подруга моей жены, не отвечала.

Я кашлянул:

– Кто был за рулем?

– Что? – сказала она кому-то рядом с собой. – Погоди минутку. – Потом снова мне: – Слушай, Бек, я сейчас занята, давай созвонимся попозже?

– Ребекка...

Она бросила трубку.

* * *

Горе и впрямь облагораживает человека.

Серьезно, сейчас я гораздо лучше, чем был когда-то. Не зря говорят – нет худа без добра, и в моем случае добро очевидно. Не то чтобы оно стоило того, чем пришлось за него заплатить, но я, несомненно, стал гораздо терпимее к пациентам, к их жалобам и проблемам. А кроме того, научился отличать второстепенные в этой жизни вещи от действительно важных.

Забавно вспоминать, как здорово меня волновало, какой марки машину я вожу, в каком состою клубе, диплом какого университета будет висеть на стене моего офиса и тому подобная чепуха. Я и хирургом-то решил стать, потому что считал эту профессию престижной и хотел поразить так называемых друзей. Показать, что выбился в люди.

Правда, забавно.

Кое-кто мог бы возразить, что я просто-напросто повзрослел, достиг определенной зрелости. Что ж, в чем-то они правы. Однако главным рычагом изменений стало осознание того, что я теперь одинок и сам за себя отвечаю. Понимаете, мы с Элизабет были не просто парой, а каким-то единым существом. И та часть этого существа, которая звалась Элизабет, была такой хорошей, что я мог позволить себе немножечко

побыть плохим. Как будто ее правильности с лихвой хватало на нас обоих.

Смерть близких – лучший наставник, что ни говори.

Не стану врать, будто горе научило меня таким вещам, которыми стоило бы поделиться со всеми. Это не так. Я могу до посинения повторять, что главная ценность в нашем мире – люди, что жизнь сама по себе богатство, что нужно научиться дорожить каждой мелочью и тому подобные избитые фразы – они не вызовут у вас ничего, кроме скуки и раздражения. Вы поймете, но не прочувствуете. Трагедия же вбивает эти понятия прямо в сердце. Горе не делает вас счастливее, горе делает вас лучше.

Мне до смешного часто хочется, чтобы Элизабет увидела меня такого, каким я стал. К сожалению, я не верю, что умершие действительно смотрят на нас с небес. Это лишь сказка, которой мы успокаиваем друг друга. Мертвые уходят навсегда. И все-таки меня преследует одна мысль – теперь я был бы достоин своей жены.

Более религиозный человек решил бы, что поэтому она и вернулась.

Ребекка Шейес была одним из лучших независимых фотографов Америки и печаталась в самых модных журналах. Особенно ей удавались фотографии мужчин. Ее часто нанимали профессиональные атлеты, желавшие, чтобы их мускулистые тела появились на обложках еженедельников в лучшем виде. Ребекка шутила, что добилась таких успехов пу-

тем «непрерывного и тщательного изучения предмета».

Фотостудию я нашел на Западной Тридцать второй улице, недалеко от вокзала Пенн-стейшн. Размещалась студия на втором этаже огромного, отвратительного вида склада. Внизу здание смирдело лошадьми из Центрального парка, которые вместе с прогулочными колясками оккупировали весь первый этаж. Я вышел из грузового лифта, двинулся вдоль по коридору и почти сразу же увидел Ребекку.

Она торопливо шла мне навстречу; тощий, одетый в черное ассистент тащил за ней в ручках-палочках два алюминиевых чемодана. На голове у моей старой знакомой развевались буйные локоны; ее огненная шевелюра никогда не подавалась ни стрижкам, ни укладкам. Огромные зеленые глаза горели, и вообще: если Ребекка и изменилась за прошедшие восемь лет, то я этого не заметил.

Увидев меня, она почти не замедлила шага.

– Не сейчас, Бек.

– Сейчас.

– У меня съемка. Давай попозже?

– Не давай.

Ребекка затормозила, шепнула что-то своему похоронного вида помощнику и повернулась ко мне:

– Хорошо, пойдем.

Мы прошли в студию с высокими потолками и белыми цементными стенами, битком набитую светлыми зонтиками и черными ширмами. По полу, куда ни глянь, змеились про-

вода. Ребекка тут же завертела в руках коробку с пленками, притворяясь занятой.

– Расскажи мне об автокатастрофе.

– В честь чего, Бек? – Она открыла коробку, поставила ее на стол, закрыла, открыла опять. – Мы почти не общались... сколько, восемь лет? И вдруг ты являешься и говоришь: вынь да положь то, что уже давно быльем поросло!

Я скрестил руки на груди и ждал.

– В чем дело? Столько времени прошло – и вдруг?..

– Расскажи.

Ребекка старательно отводила глаза. Волосы ее совсем растрепались, закрыв пол-лица.

– Мне не хватает Элизабет, – неожиданно грустно сказала она. – И тебя тоже.

Я не ответил.

– Я звонила.

– Знаю.

– Хотела утешить тебя. Чем-то помочь.

– Прости.

Мне в самом деле стало стыдно. Ребекка так дружила с Элизабет! Пока мы не поженились, они вместе снимали квартиру. Я мог бы перезвонить ей тогда, поговорить или даже пригласить в гости, но...

Горе эгоистично.

– Элизабет говорила, что вы угодили в небольшую аварию, – начал я. – Она сидела за рулем и нечаянно отвлеклась.

Это правда?

– Какая теперь разница?

– Есть разница.

– Какая?

– Чего ты боишься, Ребекка?

Теперь молчала она.

– Так была авария или нет?

Ее плечи внезапно ослабли, с них будто сняли какой-то невидимый и все же очень тяжелый груз. Глубоко вздохнув, Ребекка опустила голову:

– Не знаю.

– Как это не знаешь? Тебя что, там не было?

– Вот именно. Ты тогда уехал, Бек, а она пришла ко мне однажды вечером, вся в синяках. Я спросила, что случилось, Элизабет рассказала про аварию и умоляла соврать, будто мы были вместе, если кто начнет интересоваться.

– А кто-нибудь интересовался?

Ребекка наконец-то подняла глаза:

– Я думаю, она имела в виду тебя.

Я попытался переварить услышанное.

– Так что же случилось на самом деле?

– Я не спрашивала. Да она бы и не рассказала.

– Вы не пошли к врачу?

– Элизабет не захотела. – Ребекка испытующе посмотрела на меня. – И все-таки я не понимаю. Почему ты заинтересовался этим именно сейчас?

«Не говори никому».

– Просто пытаюсь разобраться.

Она кивнула, хотя видно было, что не поверила. Да уж, лжецы из нас никудышные...

– Ты ее фотографировала?

– Фотографировала?

– Ее увечья. После аварии.

– О господи, нет. Зачем?

Хороший вопрос. Я сидел и обдумывал его. Не торопясь.

– Бек?

– Да?

– Ты выглядишь ужасно.

– А ты нет.

– Я влюблена.

– Тебе идет.

– Спасибо.

– Он хороший человек?

– Самый лучший.

– Тогда он тебя заслужил.

– А как же!

Ребекка наклонилась и ласково поцеловала меня в щеку.

На душе сразу потеплело.

– Все-таки что-то случилось, правда?

Наконец-то я мог ответить честно.

– Не знаю.

Глава 13

Шона сидела в шикарном офисе Эстер Кримштейн. Закончив говорить по телефону, Эстер положила трубку и сказала:

– Немногое удалось узнать.

– Его не арестовали? – спросила Шона.

– Нет. Пока нет.

– Чего они хотят?

– Насколько я могу предположить, Бека подозревают в убийстве жены.

– Бред какой-то! Он попал тогда в больницу и рыдал там не переставая. Элизабет убил этот придурок Киллрой!

– Не доказано, – ответила Эстер.

– Что не доказано?

– Келлертон подозревался как минимум в восемнадцати убийствах. Сознался он в четырнадцати, доказать удалось двенадцать. Вполне достаточно. Я имею в виду, для пожизненного срока.

– Все уверены, что именно он убил Элизабет!

– Поправка: все *были* уверены.

– Все равно не понимаю. Как им только могло прийти в голову, что Бек...

– Не знаю. – Эстер закинула ноги на стол и потянулась. – Пока не знаю. Придется держать руку на пульсе.

– Это как?

– Во-первых, предположить, что твой друг под колпаком у ФБР. Они записывают его телефонные разговоры и так далее.

– Ну и что?

– Ничего себе «ну и что»!

– Он невиновен, Эстер. Пусть следят.

Эстер возвела глаза к потолку и покачала головой:

– Святая наивность!

– Почему, черт возьми?

– Да потому что они, если захотят, способны состряпать обвинение даже на основании того, что он ест яйца на завтрак! Передай ему, чтоб был осторожней. И это не все. Фэб-ээровцы готовы землю рыть, чтобы посадить твоего Бека.

– Зачем?

– Не знаю, но у них явно зуб на него. И зубу этому восемь лет. Поэтому, выходит, они уперлись, а упертые ищейки – это самые мерзкие, беспринципные и попирающие все законы ищейки.

Шона выпрямилась в кресле, вспомнив о странных сообщениях от «Элизабет».

– Что? – спросила Эстер.

– Ничего.

– Не морочь мне голову, Шона.

– Я не твой клиент.

– Ты имеешь в виду, Бек что-то недоговаривает?

Шона застыла, пораженная новой идеей. Она покрутила ее в голове и так и эдак, пытаясь сообразить, есть ли в ней смысл.

Смысл вроде бы был, хотя Шоне страшно хотелось, чтобы она оказалась не права.

– Мне надо идти, – вскочив, пробормотала она.

– Что за пожар?

– Бегу к твоему клиенту.

* * *

Специальные агенты Ник Карлсон и Том Стоун устроились на той самой кушетке, которая так много значила для Дэвида Бека. Ким Паркер, мать Элизабет, сидела напротив, неестественно выпрямившись и сложив руки на коленях. Лицо – застывшая восковая маска. Хойт Паркер расхаживал по комнате.

– Что случилось и почему нельзя было просто позвонить? – спросил он.

– Нам необходимо задать вам несколько вопросов, – ответил Карлсон.

– О чем?

– О вашей дочери.

Родители Элизабет заледенели.

– Если точнее, о ее отношениях с мужем, доктором Дэвидом Бексом.

Супруги обменялись взглядами.

– А в чем дело? – снова спросил Хойт.

– Это касается текущего расследования.

– Какого еще расследования? Нашей дочери нет в живых уже восемь лет. Ее убийца давно сидит в тюрьме.

– Пожалуйста, детектив Паркер, давайте сотрудничать.

Мы ведь все в одной лодке.

В комнате наступила мертвая тишина. Тонкие губы Ким задрожали. Хойт посмотрел на жену и кивнул.

Карлсон сфокусировал взгляд на Ким:

– Миссис Паркер, как бы вы описали отношения между вашей дочерью и ее мужем?

– Дети были очень близки, очень любили друг друга.

– И никаких проблем?

– Никаких.

– Вы можете назвать вашего зятя агрессивным человеком?

Ким пораженно взглянула на Карлсона:

– Нет.

Сыщики посмотрели на Хойта. Тот кивком выразил согласие со словами жены.

– Не было случая, чтобы он ударил вашу дочь?

– Что?!

Карлсон попробовал мило улыбнуться.

– Вы не могли бы просто отвечать на вопросы?

– Никто, – сказал Хойт, – никогда не бил мою дочь.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Карлсон снова поглядел на Ким:

– Миссис Паркер?

– Они обожали друг друга.

– Я понимаю, мадам, да только многие любители помахать кулаками клянутся, что обожают своих жен.

– Дэвид никогда не трогал Элизабет.

Хойт перестал расхаживать по комнате, остановился перед детективами и спросил:

– Чего вы, собственно, добиваетесь?

Карлсон взглянул на Стоуна:

– С вашего позволения, я продемонстрирую вам несколько снимков. Они не слишком новые, но крайне важные.

Стоун передал Карлсону конверт. Карлсон открыл его и одну за другой разложил на кофейном столике фотографии избитой Элизабет, внимательно наблюдая за реакцией. Ким, как и следовало ожидать, залилась слезами, Хойт побледнел.

– Что это за снимки? – вполголоса поинтересовался он.

– Вы видели их ранее?

– Нет.

Хойт посмотрел на жену. Та неожиданно кивнула:

– Я видела синяки.

– Когда?

– Точно не помню, незадолго до смерти Элизабет. Впрочем, тогда они уже были менее, – она замялась, подбирая слово, – менее выражены.

– Ваша дочь рассказала, где поранилась?

– Да, сказала, что попала в автомобильную аварию.

– Миссис Паркер, мы связались со страховой компанией.

Элизабет никогда не обращалась туда по поводу дорожной аварии. Мы также проверили полицейские архивы. Никто в тот день не заявлял о происшествии, наши люди не нашли никаких протоколов.

– К чему вы ведете? – осведомился Хойт.

– Да к тому, что ваша дочь не попадала в автокатастрофу.

От кого она, спрашивается, заработала синяки?

– Вы считаете, от своего мужа?

– Мы работаем над этой версией.

– У вас есть для нее основания?

Сыщики заколебались. Хойт догадался, что они не ответят в присутствии Ким по двум причинам: она – лицо гражданское и вдобавок женщина.

– Дорогая, ты не возражаешь, если я поговорю с агентами сам?

– Нисколько. Я буду в спальне.

На дрожащих ногах Ким двинулась к лестнице. Когда она исчезла из виду, Хойт сказал:

– Итак, я вас слушаю.

– Мы считаем, что доктор Бек не просто избивал вашу дочь, – сказал Карлсон, – мы считаем, что он ее убил.

Хойт переводил взгляд с Карлсона на Стоуна и обратно, словно пытаясь понять, не шутят ли они. Потом уселся в

кресло и попросил:

– С этого места поподробнее.

Глава 14

Что же скрыла от меня Элизабет?

Шагая вниз по Десятой авеню по направлению к парковке, я пробовал заставить себя думать об этих фотографиях как о свидетельствах автомобильной аварии. Не вышло. Вспомнилось, насколько беззаботно жена отзывалась о том происшествии. Ну стукнулись, ну разъехались. С кем не бывает? Когда я пытался вытянуть из нее хоть какие-нибудь подробности, Элизабет просто переводила разговор на другое.

А теперь все оказалось выдумкой.

Я мог бы заявить, что Элизабет никогда меня не обманывала, но в свете последних открытий это прозвучало бы глупо. Скажем так: это была первая ложь, о которой я узнал. Видимо, мы оба имели свои секреты.

Недалеко от парковки мне встретилось нечто странное. Или, вернее сказать, некто странный. Там на углу переминаясь с ноги на ногу человек в дубленке.

Он смотрел прямо на меня.

Человек казался ужасно знакомым. Нет, не моим личным знакомым, а кем-то, кто уже попадался на глаза, причем не далее как сегодня утром. Где я мог его видеть? Дежавю?

Перебрав в памяти утренние события, вспомнил, что тип в дубленке встретился мне часов около восьми на заправке, куда я заскочил выпить чашечку кофе.

Или это был не он?

Нет, конечно не он! Я отвел глаза и поспешил на стоянку. Служитель по имени Карло – во всяком случае, так гласил его значок – смотрел телевизор, поглощая сэндвич, и прошло не менее полуминуты, прежде чем он соизволил обратиться на меня внимание. Нехотя отряхнув крошки с рукава, Карло пробил парковочный талон, взял деньги и выдал мне ключ от машины.

Когда я вышел из будки служителя, незнакомец все еще торчал на своем месте.

Идя к машине, я изо всех сил старался не коситься на него, но, выехав на Десятую авеню, подозрительно уставился в зеркало заднего вида.

Тип в дубленке даже не глядел в мою сторону. Я следил за ним, пока не свернул за угол. Он ни разу не обернулся. Паранойя. Я становлюсь параноиком.

Почему же Элизабет лгала мне?

Ничего не идет на ум.

До прихода нового сообщения оставалось еще три часа. Целых три часа. Нужно было как-то отвлечься. Мысль о том, что сейчас происходит на другом конце Всемирной паутины, там, где сидит мой анонимный отправитель, сводила с ума.

Вообще-то, я знал, что следует делать. Просто оттягивал неизбежное.

Вернувшись домой, я обнаружил деда в инвалидном кресле совершенно одного. Телевизор был выключен, сиделка о чем-то по-русски трещала по телефону. Она явно не собиралась перерабатывать. Придется позвонить в агентство и попросить о замене.

Рот деда был в яичных крошках, я достал платок и аккуратно вытер ему губы. Наши глаза встретились, но его взгляд блуждал где-то очень далеко, за моей спиной. И вновь мне вспомнилось лето на озере. Дедушка часто развлекал нас, изображая похудевшего человека, номер назывался «До и после». Он вставал в профиль, надувал живот до невероятных размеров и выкрикивал: «До!» Потом втягивал живот, так что тот прилипал к ребрам и вопил: «После!» Это было очень смешно, отец хохотал до слез. У него был самый заразительный смех из всех когда-либо слышанных мною, как будто смеялось все тело. Раньше я тоже так хохотал. А после папиной смерти разучился. Мой смех умер вместе с ним, словно неприлично было смеяться отцовским смехом, когда его самого уже нет в живых.

Видимо услышав мои шаги, сиделка бросила телефонную трубку и влетела в гостиную с угодливой улыбкой, которую я, однако, предпочел не заметить.

Дверь в подвал. Я все еще оттягивал неизбежное.

Пора.

– Оставайтесь с ним, – приказал я сиделке.

Она кивнула и уселась рядом с дедом.

Во времена, когда возводился дом, никому и в голову не приходило обустраивать подвалы, и он являл собой жалкое зрелище. Ковер, некогда коричневый, отсырел и полинял. Фальшивые белые кирпичи, сделанные из какого-то синтетического сплава, были грубо прилеплены к битумным стенам. Некоторые отвалились совсем, другие свисали тут и там, напоминая полуразрушенные колонны Акрополя.

Посреди помещения возвышались останки стола для пинг-понга: зеленое сукно выцвело до салатного цвета, порванная сетка напоминала обломки баррикад после штурма, струйки воды стекали по разломанным ножкам.

На столе виселась груда покрытых плесенью картонных коробок, другие громоздились в углу. Там же, в ящиках от гардероба, хранилась старая одежда всех членов семьи. Всех, кроме Элизабет. Шона и Линда освободили меня от этой проблемы, за что я был им очень благодарен. Но в коробках остались принадлежащие жене мелочи. Я не смог ни выбросить их, ни раздать другим людям. Почему? Некоторые вещи – как мечты, мы прячем их подальше и все-таки никогда не расстаемся с ними до конца.

Я не знал точно, где хранится то, что ищу. Роясь в фотографиях, я снова отводил взгляд. С годами это вошло в привычку, хотя чем больше проходило лет, тем меньше ранили

старые снимки. Глядя на позеленевшие кусочки бумаги, где мы с Элизабет стояли вдвоем, я не мог отделаться от мысли, будто вижу каких-то незнакомцев.

На редкость неприятное чувство.

Пальцы наткнулись на что-то мягкое, фланелевое и выдернули из коробки номер университетской теннисной команды. Когда-то он красовался на форме Элизабет. С грустной улыбкой я припомнил загорелые ноги и длинную косу, скакавшую на спине в такт прыжкам ее обладательницы. На корте Элизабет была сама сосредоточенность. Именно так она добивалась успеха. У нее был хороший удар и неплохие подачи, но побеждала она благодаря своей невероятной концентрации.

Я вернул номер на место и продолжил поиски. То, что я искал, оказалось на самом дне коробки.

Ежедневник.

Полицейские забирали его после похищения. Во всяком случае, так мне сказала Ребекка, которая помогала им в осмотре дома. Сыщики пытались найти хоть какую-то подсказку – собственно, как и я сейчас, – но, обнаружив тело, заклеенное буквой «К», успокоились и вернули ежедневник на место.

Я подумал, как все же четко указывают на Киллроя улики, и внезапно в мозгу сверкнула новая идея. Я взлетел наверх, в свою комнату, бросился к компьютеру и вышел в Сеть. Нашел сайт Нью-Йоркского департамента исправительных

учреждений. Тонны информации, и среди них необходимые мне адрес и телефон.

Телефон тюрьмы Бриггс, где сидит Киллрой.

Дозвонившись, я отстучал добавочный номер, переждал еще три гудка и услышал наконец голос:

– Комендант Браун слушает.

Я сказал, что хочу получить свидание с Киллроем.

– А кто вы? – спросил комендант.

– Доктор Дэвид Бек. Моя жена, Элизабет Бек, была одной из жертв вашего заключенного.

– Понятно. – Браун заколебался. – Могу узнать цель визита?

– Нет.

Тишина на линии.

– Я имею право на свидание при условии, что Келлертон согласен.

– Разумеется. Только, видите ли, ваша просьба очень необычна.

– И тем не менее.

– Обычно это делают адвокаты...

– Мне не нужен адвокат, – прервал я коменданта. На сайте по правам жертв я вычитал, что могу сделать запрос лично. Если преступник согласен на встречу, мне не имеют права отказать. – Я желаю поговорить с Келлертоном. У вас ведь разрешены посещения?

– Да.

– Тогда, если Киллрой не откажет, я приеду завтра. Не возражаете?

– Нет, сэр. Если он согласится, с нашей стороны препятствий не будет.

Я поблагодарил собеседника и повесил трубку. Черт возьми, я действовал! Это оказалось ужасно приятно.

Ежедневник ожидал на столе. И снова я оттягивал неизбежный момент. Как ни больно было просматривать фотографии или видеозаписи, летящий почерк Элизабет был гораздо хуже. Он казался чем-то еще более личным. Знакомо перечеркнутое «т», лишние петельки между буквами, слишком сильный наклон вправо...

Я разбирал записи около часа. Элизабет вела их скрупулезно, почти без сокращений. Меня поразило, как хорошо я знал свою жену. Никаких секретов, никаких неожиданностей. Единственная непонятная мне запись – за три недели до смерти. Заглавные буквы «ПФ».

И телефонный номер без кода.

По сравнению с остальными, четкими и подробными записями эта казалась какой-то шифровкой. Я не имел ни малейшего понятия, каким должен быть код, ведь номер записали восемь лет назад. С тех пор телефонные коды менялись не единожды.

Набрал 201. Ничего не вышло. А если 973? Ответила пожилая леди. Я наврал, что она выиграла подписку на «Нью-Йорк пост» и попросил назвать имя. Инициалы не совпада-

ли. Что еще? 212 – код центра города. И вот тут мне повезло.

– Юридическая контора Питера Флэннери.

– Могу я поговорить с мистером Флэннери?

– Сожалею, он сейчас в суде, – привычной скороговоркой отбарабанила секретарша. На заднем плане слышались голоса.

– В таком случае запишите меня на консультацию.

– Вы по объявлению?

– Какому объявлению?

– У вас претензия к медицинскому учреждению?

– Да, – начал выкручиваться я. – Правда, я не видел объявления, обратиться к мистеру Флэннери мне посоветовал знакомый. Хочу подать в суд на больницу. Я поступил к ним всего-навсего со сломанной рукой. После лечения рука не двигается, меня мучают непрекращающиеся боли. В результате я потерял работу.

Девушка записала меня на завтра.

Я положил трубку и нахмурился. Что общего могла иметь Элизабет с юристом, специализирующимся по медицинским случаям?

Телефонный звонок заставил меня подпрыгнуть. Я тут же схватил трубку.

– Алло?

– Где ты? – спросила Шона.

– Дома.

– Немедленно приезжай.

Глава 15

Агент Карлсон посмотрел Хойту Паркеру прямо в глаза:

– Вы в курсе, что недавно на озере Шармейн обнаружили два трупа?

Хойт кивнул.

Заверещал мобильный. Стоун извинился и вышел из комнаты.

– Официальная версия гибели вашей дочери, – продолжал Карлсон, – такова: со своим мужем Дэвидом Бекем она посетила упомянутое озеро для совершения ежегодного ритуала. Супруги пошли купаться. Киллрой спрятался на берегу. Он оглушил доктора Бека, сбросил его в воду и похитил вашу дочь. Конец.

– И вы в нее не верите?

– Нет, Хойт. Могу я называть вас просто Хойт?

– Да.

– Нет, Хойт, мы в нее не верим.

– У вас есть другая версия?

– Да. Я считаю, что Дэвид Бек убил вашу дочь и свалил убийство на серийного маньяка.

Хойт, двадцать восемь лет отслуживший в нью-йоркской полиции, сумел «удержать лицо», но дальнейшие слова произнес сквозь зубы.

– Почему вы так думаете?

– Давайте с самого начала. Бек повез вашу дочь на упомянутое озеро, так?

– Так.

– Вы когда-нибудь там бывали?

– Неоднократно.

– Неужели?

– Да. Дело в том, что мы с Ким и родители Дэвида дружили семьями, и они частенько приглашали нас на озеро.

– Тогда вы знаете, какое это уединенное место.

– Припоминаю.

– Заброшенное шоссе, дорожный знак, который можно разглядеть, только если искать его специально. Вряд ли кто-то чужой забредет туда по ошибке.

– К чему вы клоните?

– Не странно ли, что Киллрой свернул к озеру?

Хойт воздел руки к потолку:

– А вам не кажется, что серийные убийцы вообще ведут себя несколько необычно?

– Совершенно верно. Однако вы не сможете отрицать, что до этого случая в поступках Киллроя прослеживалась определенная логика. Он похищал людей с оживленной улицы. Из машины. Один раз даже вломился в дом. А теперь подумайте сами: вот Келлертон увидел заброшенную дорогу. Откуда ему было знать, что за поворотом его поджидает готовая жертва? Я не говорю, будто это невозможно; я говорю – это странно.

– Продолжайте.

– Так вы не отрицаете, что в официальной версии полным-полно нестыковок?

– Нестыковки встречаются в любом расследовании.

– Разумеется. И все же давайте рассмотрим альтернативный вариант. Просто предположим, что доктор Бек хотел убить свою жену.

– Зачем?

– Причина проста: страховой полис на двести тысяч долларов.

– Дэвид не нуждался в деньгах.

– В деньгах нуждаются все, Хойт, и вы это знаете.

– Не нравится мне ваша теория.

– Помилуйте, мы пока ни на чем не настаиваем. Просто пытаемся разобраться. Дослушайте до конца, идет?

Хойт пожал плечами.

– Имеются доказательства, что доктор Бек бил свою жену.

– Какие доказательства? Несколько фотографий? Ким уже говорила вам, это была дорожная авария.

– Бросьте, Хойт. Посмотрите на выражение лица дочери. После автомобильной аварии выглядят не так.

«Не так», – мысленно согласился Хойт. Вслух он произнес:

– Откуда у вас эти снимки?

– Закончим с моей версией, и я отвечу, ладно? Итак, предположим, что ваш зять избивал свою жену и что ему необ-

ходимы были деньги.

– Только предположим.

– Следите за моей мыслью. Помните об официальной версии и всех перечисленных нестыковках? Сравните ее с таким сценарием: Бек привозит вашу дочь на уединенное озеро. Перед этим он нанимает двух головорезов, которые должны будут ее похитить. Доктор знает о Киллрое, информация есть в газетах, кроме того, по данному делу работает ваш брат. Кстати, Кен рассказывал об этом Беку?

– Продолжайте, – ушел от ответа Хойт.

– Головорезы увозят Элизабет и убивают ее. Конечно, первое подозрение, как всегда в таких случаях, падает на мужа. Но убийцы метят щеку своей жертвы буквой «К», указывая тем самым на Киллроя.

– Хочу напомнить, что Бека жестоко избили. И раны, поверьте, были настоящими.

– Конечно, а то как бы он вышел сухим из воды? «Всем привет, кто-то украл мою жену, а я жив и здоров»? Ему бы никто не поверил. А вот удар по голове – то, что нужно в таком случае.

– Дэвиду здорово досталось.

– Не забывайте, ваш зять имел дело с настоящими бандитами, они могли просто-напросто не рассчитать силу удара. Кстати, о его увечьях. Он утверждает, что чудесным образом выбрался из воды и набрал девять-один-один. Я дал нескольким врачам посмотреть медицинскую карту Бека, и все в

один голос заявили: в его состоянии это было невозможно. Случай выходит за пределы медицинской логики.

Паркер не мог не согласиться. Он сам всегда удивлялся, как Дэвид смог вылезти из озера и даже вызвать помощь.

– Что дальше? – спросил он.

– Имеются серьезные доказательства, что вашу дочь убил не Киллрой, а два преступника, найденных на озере.

– Какие именно?

– Рядом с телами обнаружена бейсбольная бита со следами крови. Полный анализ ДНК займет некоторое время, но предварительный результат позволяет говорить о том, что это кровь доктора Бека.

Агент Стоун вернулся в комнату и плюхнулся на стул. Хойт в очередной раз проворчал:

– Продолжайте.

– Остальное очевидно. Бандиты выполнили свою работу: убили вашу дочь и свалили убийство на Киллроя. Потом захотели получить остаток обещанной платы, а может быть, решили слупить с Бека побольше. В любом случае ваш зять решил избавиться от своих «друзей» и назначил им встречу в глухом лесу неподалеку от озера. Убийцы, видимо, считали, что имеют дело с хлипким интеллигентом, а, возможно, доктор застал их врасплох. Как бы то ни было, он застрелил сообщников и закопал тела вместе с бейсбольной битой и другими указывающими на него уликами. Идеальное убийство! Ничто не связывает доктора Бека с преступлением. Взгляни-

те правде в глаза: мы бы никогда не обнаружили трупы, если бы не редкостное везение.

Хойт помотал головой:

– Всего лишь теория.

– Больше чем теория.

– Почему?

Карлсон посмотрел на Стоуна. Тот кивнул на свой мобильник:

– Только что я получил странное сообщение из тюрьмы Бриггс. Ваш зять звонил туда сегодня и требовал свидания с Киллроем.

Хойт не смог скрыть изумления.

– Черт побери, зачем?

– Догадайтесь сами, – ответил Стоун. – Картина такова: Бек узнает, что мы висим у него на хвосте, и тут же чувствует неодолимое желание увидеться с человеком, который якобы убил его жену.

– Странное совпадение, не так ли? – добавил Карлсон.

– Думаете, он хочет замести следы?

– Вы можете объяснить это по-другому?

Хойт откинулся назад и попытался привести мысли в порядок.

– Вы кое-что недоговариваете.

– Что же?

Отец Элизабет кивнул в сторону разложенных на столе фотографий:

– Откуда они у вас?

– Можно сказать, от самой Элизабет.

Лицо Хойта посерело.

– Точнее, от ее псевдонима, некой Сары Гудхарт. Второе имя вашей дочери плюс название улицы.

– Ничего не понимаю!

– На месте преступления, – объяснил Карлсон, – мы обнаружили небольшой ключ. Он лежал в ботинке одного из найденных преступников, Мелвина Бартолы.

Карлсон передал Паркеру ключ. Тот уставился на него так, будто микроскопическая вещица хранила страшную тайну.

– Видите буквы ОЦБ?

Хойт кивнул.

– Объединенный Центральный банк. Нам удалось вычислить, что этот ключик подходит к сто семьдесят четвертой ячейке отделения номер тысяча семьсот семьдесят два на Бродвее, зарегистрированной на имя Сары Гудхарт. Мы получили ордер на обыск и...

– Фотографии были там?

Карлсон и Стоун переглянулись. Они не собирались говорить Паркеру правду. Во всяком случае, до того, как будут сделаны тесты, и все же сейчас дружно кивнули.

– Подумайте об этом, Хойт. Наверное, не зря ваша дочь держала фотографии в банковской ячейке. Более того, мы допросили доктора Бека, и он подтвердил, что никогда не видел снимков. Почему Элизабет скрывала их от своего соб-

ственного мужа? По-моему, причина очевидна.

– Вы говорили с Беком?

– Да.

– И что он сказал?

– Немного. Почти сразу же потребовал адвоката.

Карлсон подождал, а потом наклонился к Хойту:

– И не просто адвоката. Саму Эстер Кримштейн! Как вам кажется, сделает невиновный человек что-то подобное?

Хойт вцепился в стул, чтобы не сорваться.

– Вы не сможете ничего доказать!

– Пока нет. Только мы уверены в своей версии, а значит, половина битвы уже выиграна.

– Что вы собираетесь делать?

– Лишь одно, – улыбнулся Карлсон. – Давить на него, пока он не сломается.

* * *

Ларри Гэндл перебрал в уме события дня. «Невесело», – пробормотал он себе под нос.

Во-первых, Бека допросило ФБР.

Во-вторых, доктор звонил фотографу по имени Ребекка Шейес и расспрашивал ее о давней автомобильной катастрофе. А потом даже навестил в студии.

В-третьих, связался с тюрьмой и потребовал свидания с Элроем Келлертоном.

В-четвертых, записался на консультацию к адвокату Питеру Флэннери.

Все это было совершенно непонятно и не сулило ничего хорошего.

Сидевший рядом Эрик Ву повесил трубку и сказал:

– Вам это не понравится.

– Что именно?

– Наш источник в ФБР сообщил, что Бек подозревается в убийстве жены.

Гэндл чуть не упал.

– Объясни толком.

– Пока это все, что знает наш источник. Ищейки каким-то образом связали находку на озере с Бекком.

Полная несуразица.

– Дай-ка мне те сообщения, – сказал Гэндл.

Ву протянул ему листки. Когда Ларри размышлял над тем, кто послал эти шифровки, холодок в душе разрастался и креп. Факты складывались вместе, словно кусочки мозаики. Гэндл всегда удивлялся, как Бек смог выжить в ту ночь. Теперь у него зародилось новое подозрение.

Не выжил ли там и кое-кто еще?

– Сколько времени? – спросил Гэндл.

– Половина седьмого.

– Бек еще не подключался к этому... как его там... адресу?

– Бэт Стрит. Нет, не подключался.

– А о Ребекке Шейес есть что-нибудь новенькое?

– Ничего. Близкая подруга Элизабет Паркер, снимали вместе квартиру, пока Паркер не вышла замуж за Бека. Я проверил старые телефонные счета. Бек не звонил ей много лет.

– Тогда почему позвонил сейчас?

Эрик пожал плечами:

– Может быть, мисс Шейес что-то знает?

Гриффин Скоуп был предельно категоричен: узнай все, что возможно, и похорони то, что узнаешь. А также используй Ву.

– Давай-ка поболтаем с ней, – сказал Гэндл.

Глава 16

Шона встретила меня на первом этаже небоскреба под номером 462 по Парк-авеню на Манхэттене и потащила за собой, даже не поздоровавшись.

– Пойдем скорей, я тебе кое-что покажу.

Два часа до сообщения. Шона буквально втокнула меня в лифт и нажала кнопку двадцать третьего этажа. Замигали лампочки, пискнул сигнал отправления.

– Эстер навела меня на мысль, – сообщила Шона.

– На какую мысль?

– Она сказала, что сыщики уперлись и сделают все возможное, чтобы прижать тебя.

– И что из этого?

Лифт остановился.

– Сейчас увидишь.

Дверь скользнула в сторону, открыв выход в разделенный бесчисленными перегородками зал. Сейчас в таких помещениях располагается большинство офисов. Сними крышу, посмотри сверху – и ты не найдешь никакого отличия между этажом высотного здания и крысиной норой с ее многочисленными лабиринтами. Да и изнутри то же впечатление.

Шона уверенно лавировала между перегородками, я болтался у нее в кильватере. Мы повернули налево, затем направо и опять налево.

– Может, пора бросать хлебные крошки? – поинтересовался я.

– Неплохо бы, – серьезно ответила Шона.

– Тогда я к твоим услугам.

Она даже не улыбнулась.

– Ты хоть скажешь, где мы?

– Фирма называется «Диджиком». Наше модельное агентство сотрудничает с ними время от времени.

– И чем они занимаются?

– Сейчас увидишь, – повторила Шона.

Мы свернули в последний раз и очутились в захламленном помещении, где хозяйничал молодой человек с длинными волосами и гибкими пальцами пианиста.

– Это Фаррелл Линч. Фаррелл, это Дэвид Бек.

Я пожал гибкую кисть «пианиста». Фаррелл промямлил:

– Привет.

– Ну-ка, – сказала Шона, – покажи ему.

Линч крутнулся на стуле и застучал по клавиатуре компьютера. Мы с Шоной встали у него за плечом.

– Готово.

– Включай.

Линч нажал какую-то кнопку. Экран почернел, затем на нем появился Хамфри Богарт, в плаще и шляпе. Я сразу узнал сцену из фильма «Касабланка». Туман, самолет на заднем плане. Финал.

Я вопросительно поглядел на Шону.

– Погоди, – сказала она.

Камера сфокусировалась на Богарте; он как раз говорил Ингрид Бергман, что она летит на этом самолете с Ласло и что проблемы трех маленьких людей не имеют никакой ценности в нашем мире. Затем камера переехала на Ингрид Бергман и...

...Ингрид Бергман там не было.

Я моргнул. На экране, в шляпе с вуалью, глядя на Богарта сквозь туман, стояла Шона.

– Я не могу поехать с тобой, Рик, – драматически произнесла она. – Потому что я безумно люблю Аву Гарднер.

Я повернулся к настоящей Шоне. Видимо, вопрос был написан у меня на лице, потому что она молча кивнула. Но все же я решился произнести его вслух.

– Ты думаешь... – Я замялся. – Думаешь, меня пытаются одурачить с помощью фальшивой фотографии? Подделки?

– Цифровой фотографии, – поправил Фаррелл. – Это гораздо легче. Компьютерные снимки – это не пленки. Это просто файлы, которые работают почти как обычный текстовый документ. Вы же знаете, насколько легко заменить в документе какое-нибудь слово.

Я кивнул.

– А для того, кто хоть чуть-чуть умеет работать с цифровыми фото, так же легко изменить внешность. Строго говоря, видеопоток – это даже и не фото. Это определенное количество пикселей, с которыми можно манипулировать как

твоей душе угодно. Вырезал, прилепил, отретушировал – готово.

– Однако Элизабет стала выглядеть гораздо старше, – упорствовал я. – Не так, как раньше.

– Фаррелл! – сказала Шона.

Линч нажал какую-то кнопку. Богарт вернулся. Когда он снова обратился к Шоне – Ингрид Бергман, та выглядела лет на семьдесят.

– Программа постепенного взросления, – объяснил Фаррелл. – Обычно используется при розыске пропавших детей, продается в любом магазине. И точно так же можно изменить любую часть облика Шоны – прическу, цвет глаз, форму носа. Сделать губы тоньше или пухлее, нанести куда угодно татуировку.

– Спасибо, Фаррелл, – произнесла Шона, поглядев на него так выразительно, что понял бы даже слепой.

Линч слепым не был. Поэтому, извинившись, он встал и отошел на достаточное расстояние.

– Я вспомнила свою недавнюю фотосессию, – объяснила Шона. – Один из снимков вышел прекрасно, заказчику страшно понравилось, да вот беда – я потеряла сережку. Мы принесли отснятые материалы сюда, Фаррелл нажал пару кнопок, и – вуаля! – сережка на месте!

Я потряс головой.

– Понимаешь, Бек, ФБР считает, что ты убил Элизабет, хотя и не может этого доказать. Эстер говорит, что они пой-

дут на все, лишь бы упечь тебя за решетку. Вот я и подумала: а что, если это они посылают сообщения, чтобы вывести тебя из равновесия?

– А «час поцелуя»...

– Ну и что?

– Как они могли о нем узнать?

– Я знаю о нем. Линда знает о нем. Держу пари, знает Ребекка и, вероятно, родители Элизабет. Кто угодно мог проболтаться.

У меня в глазах закипели слезы. Стараясь говорить так, чтобы голос не дрожал, я спросил:

– Итак, ты считаешь, что все это – розыгрыш?

– Не знаю, Бек. Правда не знаю. Давай рассуждать здраво. Если Элизабет жива, то где она пропадала все эти восемь лет? Почему восстала из могилы именно сейчас, когда ФБР обвиняет тебя в ее гибели? И в конце концов, неужели ты и вправду веришь в возвращение с того света? Да, ты хотел бы, чтобы она ожила. Черт, я сама бы этого хотела! Но если мыслить объективно: чья версия более правдоподобна – твоя или моя?

Я шагнул назад и упал в кресло. Сердце колотилось, надежда таяла так же стремительно, как и появилась.

Розыгрыш. Неужели все случившееся лишь злой розыгрыш?

Глава 17

Обосновавшись в студии Ребекки Шейес, Ларри Гэндл достал мобильный телефон и позвонил жене.

– Буду поздно.

– Не забудь принять лекарство, – напомнила Пэтти.

Гэндл страдал легкой формой диабета, заставлявшей его соблюдать диету и пить таблетки. Разумеется, никакого инсулина.

– Приму.

Эрик Ву, нацепив свои неизменные наушники, аккуратно расстилал около двери виниловую пленку.

Гэндл попрощался с женой и натянул пару латексных перчаток. Обыск обещал быть долгим и тщательным. Как и большинство фотографов, Шейес хранила тонны негативов. Четыре металлических шкафа, полные пленок. Успев изучить расписание Ребекки, взломщики знали, что она заканчивает съемку в другом месте и вернется в студию примерно через час. Времени в обрез.

– Знаете, чего нам не хватает? – хмыкнул Ву.

– Чего?

– Хотя бы намек на то, что мы ищем.

– Бек получает зашифрованное сообщение. Его реакция? Впервые за восемь лет он мчится навестить подружку жены. Мы просто обязаны выяснить, в чем тут дело.

Ву посмотрел сквозь Гэндла и спросил:

– А почему бы просто не дождаться ее и не спросить?

– Мы и это успеем, Эрик.

Ву кивнул и отвернулся.

Гэндл заметил в фотолаборатории длинный металлический стол. Подошел, пощупал. Крепкий, и размер подходящий, как раз чтобы положить кого-нибудь в полный рост и привязать к ножкам руки и ноги.

– Много у нас скотча?

– Хватает, – ответил Ву.

– Сделай мне одолжение, перестели пленку вот сюда, под стол.

* * *

Полтора часа до сообщения.

Возможности компьютера, продемонстрированные Линчем, буквально оглушили меня. Словно я рухнул в нокауте и не встал даже при счете «десять». Но, странное дело, прошло не так уж много времени, как я оторвал задницу от пола и снова запрыгал по рингу.

Мы ехали ко мне в моей машине. На этом настояла Шона, лимузин должен был забрать ее через несколько часов. Похоже, она не столько переживала за меня, сколько не хотела возвращаться домой.

– Что-то не стыкуется, – сказал я.

Шона повернулась в мою сторону.

– ФБР считает, что я убил Элизабет, так?

– Так.

– Тогда зачем они шлют сообщения якобы от ее имени?

Шона медлила с ответом.

– Подумай сама, допустим, перед нами хитрый трюк, чтобы заставить меня признаться. Ведь если бы я убил Элизабет, то тут же сообразил бы – это липа!

– Психологическая атака, – предположила Шона.

– Бессмысленно. Если хочешь потрепать мне нервы, лучше пришли письмо от имени... я не знаю... скажем, свидетеля моего преступления.

Шона задумалась.

– Я полагаю, они просто пытаются сбить тебя с толку, Бек.

– И все-таки это нелогично.

– Возможно. Сколько осталось до следующего сообщения?

Я взглянул на часы:

– Двадцать минут.

Шона откинулась на спинку сиденья:

– Поглядим, что там.

* * *

Эрик Ву подключил ноутбук в углу фотостудии.

Сперва он проверил рабочий компьютер Бека. Выключен.

И неудивительно: на часах начало девятого, клиника давно закрыта. Ву подсоединился к домашнему компьютеру. Несколько секунд все было спокойно. Затем...

– Бек только что подключился к Сети.

Гэндл подскочил к Эрику:

– А мы не сможем увидеть сообщение раньше его?

– Было бы неплохо, но...

– Что?

– Если мы войдем по его паролю, а он потом попытается сделать то же самое, его предупредят, что кто-то с этим именем уже находится на сайте.

– И доктор поймет, что за ним слежка?

– Да. С другой стороны, зачем торопиться? Мы и так увидим то же, что и Бек.

– Прекрасно, позови меня, когда будет что-нибудь.

Ву кивнул на экран:

– Он на сайте «Бигфут». Сообщение может появиться в любую секунду.

* * *

Я ввел в компьютер адрес сайта Bigfoot.com и почувствовал, как затряслась правая нога. Всегда так происходит, когда я нервничаю. На колено мне тут же легла ладонь Шоны. Дрожь прекратилась. Ладонь соскользнула. Колено замерло на несколько секунд и задрожало опять. Ладонь вернулась.

Это повторилось еще несколько раз.

Шона делала вид, будто все в порядке, хотя изредка я ловил ее настороженные взгляды. Моя лучшая подруга. Она будет за меня до конца, каким бы он ни был. Правда, в таких обстоятельствах только идиот не заподозрил бы, что моя крыша медленно сползает вниз. Еще в клинике, увидев на экране Элизабет, я вспомнил, что безумие, как уровень интеллекта или склонность к сердечным болезням, переходит из поколения в поколение. Воспоминание не сказать чтобы приятное.

Мой отец погиб в автокатастрофе, когда мне исполнилось двадцать. Перевернулся в машине на насыпи. Согласно показаниям очевидца – водителя грузовика из Вайоминга, – отцовский «бьюик» просто-напросто сполз с шоссе. В ту ночь подморозило, и очищенная от снега дорога была скользкой.

Кое-кто подозревал – неофициально, разумеется, – что отец совершил самоубийство. Я в это не верил. Да, в последние месяцы жизни он был задумчив и чем-то озабочен. Возможно, подобная рассеянность даже сыграла свою роль в аварии. Но самоубийство? Ни за что не поверю.

Мама, и ранее склонная к неврозам, после катастрофы окончательно сошла с ума. Она в буквальном смысле погрузилась в себя. Линда ухаживала за ней в течение трех лет, пока в конце концов не сдалась и не признала, что матери необходима профессиональная помощь. Сестра часто навещала ее в больнице. Я – нет.

Наконец на экране появилась главная страница сайта. Я нашел нужное поле и напечатал: «Бэт Стрит». Передвинул курсор и набил в другом окошке пароль: «Тинейджер».

Ничего не изменилось.

– Ты забыл нажать клавишу «Вход», – подсказала Шона.

Хорошо, нажму.

Экран побелел, затем на нем появилась реклама компакт-дисков. Внизу медленно поползла, увеличиваясь, полоска загрузки. Когда загрузилось около восьмидесяти процентов, реклама исчезла, сменившись надписью: «Ошибка. Использованные вами имя пользователя и пароль не значатся в нашей базе данных».

– Попробуй еще, – посоветовала Шона.

Я послушался. Ответом мне была все та же надпись.

Что же это такое?

Я проверил время: 20:13:34.

«Час поцелуя».

А вдруг это и есть ответ? Вдруг ящик еще не существует, как не существовала до поры до времени вчерашняя ссылка? Нет, что-то не верится.

– Может быть, стоит подождать до пятнадцати минут девятого? – будто читая мои мысли, спросила Шона.

Что ж, я подождал и повторил попытку в восемь пятнадцать. И в восемь семнадцать. И в восемь двадцать.

Ошибка.

– А если фэбээровцы выдернули вилку из розетки? – ска-

зала Шона.

Я мотнул головой, не желая сдаваться.

Нога опять затряслась. Одной рукой Шона прижала мое колено, а другой схватила запищавший вдруг мобильный и зарычала на собеседника. Я проверил время. Попробовал войти еще раз. Не вышло. И еще. Снова не вышло.

Уже половина девятого.

– Она могла опоздать, – неуверенно предположила Шона.

Я нахмурился.

– Ты же вчера не понял, где находится Элизабет, так?

– Так.

– А вдруг она в другом часовом поясе и перепутала время?

– В другом часовом поясе?

Я еще сильнее нахмурился, Шона пожала плечами.

Мы просидели у компьютера больше часа, и, к чести Шоны, она ни разу не произнесла ничего вроде: «Я же говорила!» Даже наоборот – неожиданно хлопнув меня по спине, воскликнула:

– Идея!

Я повернулся.

– Подожду-ка я в другой комнате, вдруг поможет?

– В смысле?

– Знаешь, как в кино: только я окончательно уверюсь в твоей ненормальности и вылечу на улицу – бац! – приходит сообщение, ты читаешь его в одиночестве, и никто тебе не

верит. Есть такой мультфильм про Скуби-Ду – там только он и Шэгги видят привидение, а остальные считают их чокнутыми.

Я взвесил ее слова и согласился попробовать.

– Чудесно. Я пошла на кухню. Как только выскочит сообщение, кричи.

Она поднялась.

– Ты просто пытаешься меня развеселить, – мрачно сказал я.

– Наверное, – подумав, согласилась Шона и вышла.

Я повернулся и вновь уставился на экран.

Глава 18

– Пока ничего, – сообщил Эрик Ву. – Бек пытается войти и получает предупреждение об ошибке.

Гэндл открыл было рот, но, услышав шум подъезжающего лифта, захлопнул его и взглянул на часы.

Ребекка Шейес вернулась точно по расписанию.

Ву отвернулся от компьютера и посмотрел на Гэндла своими змеиными глазами. Гэндл достал пистолет, на этот раз девятимиллиметрового калибра. Ву метнулся к двери и выключил свет.

Оба замерли в темноте.

Секунд через двадцать лифт остановился.

* * *

Ребекка почти не вспоминала Элизабет и Дэвида, как-никак восемь лет прошло. И все же утренний разговор всколыхнул забытые подозрения. Неприятные, надо сказать, подозрения.

Бек наконец-то спросил про «автокатастрофу».

Восемь лет назад она не смогла рассказать ему правду, ведь он не отвечал на звонки. А потом арестовали Киллроя, и ее рассказ уже не казался столь необходимым – зачем ворошить прошлое и лишний раз травмировать Бека? Ведь пре-

ступник уже в тюрьме.

Однако неприятное чувство – чувство, что синяки Элизабет каким-то образом стали прелюдией к ее гибели, – крепло, несмотря на отсутствие доказательств. Более того, Ребекке начало казаться, что, если бы она тогда настояла на выяснении истинных обстоятельств «автомобильной аварии», ей бы удалось спасти подругу.

Впрочем, годы шли, прошлое отступало, душевные раны затягивались. Да, Элизабет была ее лучшим другом, но даже смерть друга можно пережить. А три года назад в жизнь Ребекки ворвался Гэри Лэмонт и изменил абсолютно все. Да-да, Ребекка Шейес, богемный фотограф из Гринвич-Виллидж влюбилась в биржевую акулу с Уолл-стрит, они поженились и переехали в фешенебельную квартиру в Вест-Сайде.

Странные шутки играет жизнь.

Ребекка вошла в грузовой лифт и закрыла дверь. Лампочка не горела, что, впрочем, случалось довольно часто. Лифт тяжело, с рычанием, поехал наверх. Пахло сеном и лошадьми. Иногда, в ночи, до Ребекки доносилось ржание, однако сегодня было тихо.

Ей нравилось бывать здесь вечерами, смесь одиночества и ночных звуков большого города приносила Ребекке вдохновение.

Мысли скользнули в сторону, вспомнился вчерашний разговор с Гэри. Он хотел оставить Нью-Йорк и перебраться в

просторный особняк на Лонг-Айленде, где родился и вырос. Сама идея переезда в пригород пугала Ребекку: ей не хотелось окончательно терять богемную свободу и превращаться в копию своей мамы и бабушки.

Лифт остановился, Ребекка открыла дверь и вышла. И здесь темно. Она откинула волосы, собрала их в хвост на затылке и взглянула на часы. Почти девять. В это время здание окончательно пустеет, остаются лишь она и лошади.

Каблуки процокали по цементному полу. На самом деле – Ребекка боялась признаться в этом даже себе самой: она ведь богемная дама и всякое такое – чем больше она думала о переезде, тем яснее понимала, что хочет детей, а растить их в городе нехорошо. Детям нужен двор, чтобы играть, и качели, и свежий воздух, и...

К тому моменту, как Ребекка вставила ключ в замочную скважину, она приняла решение, которое, несомненно, заставит содрогнуться ее делового мужа Гэри. Войдя, она включила свет...

...и увидела неизвестно откуда взявшегося человека с восточной внешностью и странной, квадратной фигурой.

Ребекка застыла под леденящим взглядом азиата. А он подошел поближе и врезал кулаком ей по спине.

Будто кувалдой по почкам.

Ребекка упала на колени, человек взял ее шею двумя пальцами и сжал, казалось, совсем чуть-чуть. Перед глазами вспыхнули яркие искры. Пальцы второй руки азиат запустил

глубоко под ребра. Какая боль! Глаза полезли на лоб, Ребекка попыталась закричать, да только с губ слетел лишь придушенный стон.

– Где Элизабет? – донесся голос с другого конца комнаты.

В первый раз.

Но далеко не в последний.

Глава 19

Я жадно отхлебнул из стакана и со злостью уставился на экран. В течение последнего часа я пытался войти на сайт десятком различных способов. Перезагружал страницы, чистил память, даже менял провайдера.

Ответом мне была все та же надпись об ошибке.

В десять часов в комнату вернулась Шона. Она явно не тратила времени даром: щеки покраснелись от выпитого, впрочем, как и мои.

– Ну что?

– Поезжай-ка домой.

– Поеду, пожалуй, – кивнула Шона.

Лимузин прибыл через пять минут. Мы вышли из дома и побрели по тротуару, спотыкаясь и пошатываясь.

Открыв дверцу машины, Шона вдруг повернулась ко мне и спросила:

– Ты когда-нибудь гулял налево? Я имею в виду, уже после свадьбы?

– Нет, – ответил я.

Шона укоризненно покачала головой:

– Ничего ты не понимаешь в семейной жизни.

Я чмокнул ее на прощание и вернулся домой: пялиться в экран, где не появлялось ничего нового.

Подошла Хлоя, ткнула мне в руку прохладным носом.

Сквозь спутанную шерсть собака понимающе смотрела на меня. Я далек от того, чтобы приписывать животным человеческие чувства (тем более что такое очеловечивание – награда сомнительная), и все же уверен: домашние питомцы очень точно угадывают настроение «братьев своих больших». Говорят, собаки чувствуют страх. Почему бы им в таком случае не чувствовать радость, злобу или горе?

Я улыбнулся Хлое и потрепал ее мохнатые уши. Она тут же положила лапу мне на колено.

– Гулять хочешь?

Хлоя лохматым ураганом заметалась по комнате. Славные создания эти собаки.

Ночной воздух обжег легкие. Я пытался думать только о Хлое – как она бежит впереди, помахивая хвостом, – и не мог. Меня словно растерзали, распяли. Я не часто употребляю высокие слова, но на этот раз другие просто не шли в голову.

Я не то чтобы не поверил в версию Шоны с цифровыми фокусами. Наверное, это действительно возможно: изменить фотографии, состряпать из них нечто вроде коротенького видеофильма. И даже заставить губы двигаться. Про «час поцелуя» тоже могли узнать посторонние. А тоска по Элизабет помогла мне поверить в реальность записи.

А главное, в этой версии гораздо больше здравого смысла, чем в явлении с того света.

И все же что-то мешало уверовать в нее до конца. Во-

первых, меня не так-то просто надуть, я не мечтатель и не романтик, я на редкость скучный и приземленный доктор. А во-вторых, тоска, конечно, могла сыграть свою роль, да и компьютерная фотография творит чудеса, но глаза...

Ее глаза. Глаза Элизабет. Не может быть, чтобы их просто перенесли на компьютер со старых фотографий. Это глаза моей жены. Конечно, я не был уверен на все сто, я не дурак, однако идея Шоны тоже объясняла далеко не все. Видимо, сообщения были все-таки от Элизабет. Правда, теперь я все равно не знаю, что делать... Может, еще выпить?

Хлоя усердно что-то вынюхивала. Я терпеливо ждал, стоя под фонарем и глядя на свою удлинившуюся тень.

Час поцелуя.

Невдалеке кто-то зашуршал. Хлоя залаяла, из кустов выскочила и помчалась через дорогу белка, собака рванулась за ней. Внезапно зверек развернулся и бросился нам навстречу. Хлоя тут же сделала вид, что, если б не короткий поводок, она бы белке показала! На самом деле не стала бы, конечно. Она добропорядочная леди, наша Хлоя.

Час поцелуя.

Я наклонил голову прямо как Хлоя, когда она чего-нибудь не понимает. Кто-то приложил немало усилий, чтобы при- сланные мне сообщения остались тайной для других. В первом упоминался «час поцелуя», во втором – имя и пароль.

Они следят.

Кто-то явно опасался чужих глаз.

Час поцелуя.

Если кто-то... Хорошо, если Элизабет хотела дать о себе знать, почему не прислала обычное сообщение? Зачем заставляя меня распутывать головоломки? Я казался себе цирковой собачкой, которая никак не может проскочить через обруч.

Ответ очевиден: секретность. Кто-то – не могу я говорить «Элизабет» – хочет сохранить все в строжайшей тайне.

Теперь: если мой «кто-то» что-то прячет, значит есть от кого прятать. От кого-то, кто пытается все разузнать, разнюхать, разведать. Или же мой отправитель просто параноик...

Они следят...

Кто следит? За кем следит? ФБР? Тогда они никак не могут быть авторами этих писем. Зачем им предупреждать меня о своей собственной слежке?

Час поцелуя...

Я похолодел. Хлоя насторожилась.

Господи, как же я мог быть таким тупым?

* * *

Скотч не понадобился.

Ребекка Шейес лежала на столе и вздрагивала, будто издыхающая собака на обочине дороги. Время от времени с ее губ слетали бессвязные слова. Она уже не плакала и не молила о пощаде. Рассудок помутился, зрачки расширились и

ничего больше не видели.

Удивительно, как это Ву не оставил на теле женщины ни одного следа. Ни единого. Только выглядела она теперь лет на двадцать старше.

Ребекка ничего не знала. Бек спрашивал ее о давней аварии, которая вовсе не была аварией. Еще говорил о каких-то фотографиях, которые она якобы сделала. А она и не делала.

Холодок, возникший в душе Ларри Гэндла после находки на озере, продолжал расти. Что-то они прохлопали в ту ночь. Гэндл с ужасом спрашивал себя, что именно.

Да, надо выяснить как можно скорее.

Он связался со своими людьми и узнал, что Бек вывел собаку на прогулку. Один. Прекрасно. Если верить последней информации Эрика, ФБР ухватится за отсутствие алиби и Бек ничего не сможет доказать.

Ларри подошел к столу. Ребекка взглянула на него и издала нечто среднее между поскуливанием и истерическим смехом, звук абсолютно нечеловеческий.

Гэндл прижал пистолет к ее лбу, звук повторился. Он выстрелил дважды, и мир погрузился в тишину.

* * *

Я бросился к дому и остановился, вспомнив предупреждение.

Они следят.

Почему бы не пойти в «Кинко»?⁸ Эта контора открыта двадцать четыре часа в сутки, и, добравшись туда, я понял почему. Полночь, а народу битком. В основном усталые бизнесмены с бумагами и пленками.

Я встал в причудливо изогнутую очередь, похожую на те, что собирались в банках до появления банкоматов. Передо мной стояла женщина в деловом костюме – это в полночь-то! – и с такими усталыми глазами, будто она не спала по крайней мере неделю. За мной – кудрявый мужчина в спортивной куртке. Не теряя времени даром, он терзал содовый телефон.

– Сэр?

Рядом вырос работник «Кинко».

– Мы не можем пустить вас с собакой.

Я чуть не ответил, что они нас уже пустили, но сдержался. Дама в костюме даже не обернулась. Кудрявый сочувственно пожал плечами. Я выскочил наружу, привязал Хлою к одному из парковочных столбиков и вернулся. Кудрявый безропотно пустил меня на прежнее место. Вежливый.

Через десять минут подошла моя очередь. Молодой и чересчур восторженный менеджер проводил меня к терминалу и долго объяснял все тонкости поминутного тарифа.

Я кивал, делая вид, что слушаю, и не мог дождаться, когда же он отойдет.

Час поцелуя.

⁸ «Кинко» – глобальная сеть копировальных центров.

Вот где ключ к загадке. В первом сообщении говорилось о «часе поцелуя», не о шести пятнадцати вечера. Почему? А потому, что это был шифр на тот случай, если неведомые мне соглядатаи перехватят письмо. Кто бы ни послал его, он знал, что такая угроза существует. Кто бы это ни был, он знал, что о «часе поцелуя» известно только мне.

И здесь то же самое.

Во-первых, имя пользователя: Бэт Стрит. В детстве по дороге на бейсбольное поле мы часто проносились на велосипедах по Мовуд-стрит. Там, в облезлом желтом доме, жила одна вредная старуха. Она любила тишину и одиночество, а потому страшно ругалась, когда мы со звоном летели мимо. Наверное, в каждом городе есть такие мымры, и везде дети придумывают им клички. Нашу, к примеру, мы прозвали Бэтледи.

Я снова зашел на Bigfoot.com и набил в окошке: «Мовуд».

Справа молодой восторженный менеджер повторял привычную скороговорку моему кудрявому соседу. Я переместил курсор в окошко пароля.

С этим было легче. Как-то, в старших классах школы, Джордан Голдман шепнул нам по секрету, что нашел отцовские кассеты с порнушкой. Мы всей гурьбой завалились к Джордану в пятницу вечером. Никто из нас не видел ничего подобного раньше. Неловко хихикая, мы комментировали происходящее и казались себе жутко крутыми. Позже, когда нам надо было придумать имя нашей футбольной ко-

манде, Джордан предложил взять название одного из дурацких фильмов.

«Тинейджеры-секспудели».

Я напечатал пароль: «Секспудели».

Нажал на клавишу «Вход» и опасливо оглянулся на соседа, но тот, казалось, целиком погрузился в работу с поисковиком «Yahoo!». Напротив меня дама в костюме нетерпеливо слушала слишком бодрого для глубокой ночи работника «Кинко».

Я ждал предупреждения об ошибке. Вместо этого экран поприветствовал меня надписью:

Привет, Мовуд!

А пониже:

В вашем почтовом ящике одно сообщение.

Сердце забилось, как пойманная птица.

Я нажал клавишу «Показать сообщение» и почувствовал, как нога опять заплясала. И нет Шоны, чтоб ее остановить. За окном тосковала Хлоя; поймав мой взгляд, она залаяла. Я прижал палец к губам, приказывая псине замолчать.

Наконец-то сообщение!

Вашингтон-сквер-парк, юго-восточная часть.

Завтра в пять часов.

Остерегайся слезки.

А внизу:

Что бы ни случилось, я люблю тебя.

Надежда, которая, как известно, умирает последней, яростно вырвалась на свободу. Я откинулся на спинку стула. Глаза наполнились слезами, но я улыбался, впервые за много дней.

Моя Элизабет! Она по-прежнему умнее всех.

Глава 20

В два часа ночи я упал наконец в постель и растянулся на спине. Потолок надо мной заходил ходуном, намекая на излишек выпитого. Пришлось схватиться руками за края кровати, чтобы справиться с качкой.

Шона спросила, не погуливал ли я. И добавила: «После свадьбы», потому что мою «досвадебную» жизнь знала назубок. Включая тот случай.

Тот самый, когда я однажды изменил Элизабет, хотя не уверен, подходит ли сюда это слово. Такое понятие, как измена, предполагает, что твоя половина обижена, а в моем случае, я уверен, Элизабет не пострадала. Вышло так, что в первые дни учебы в колледже я принял участие в своего рода посвящении в студенты, известном как «оргия первокурсников». Из чистого любопытства, разумеется, – просто захотелось попробовать. Не понравилось. Обойдусь без банальностей типа «секс без любви неприятен». Приятен. Но чем легче переспать с тем, кого ты по-настоящему не любишь, тем тяжелее остаться с ним потом. Страсть неразборчива, а вот когда... как бы сказать... когда разрядка позади, очень хочется сбежать куда подальше. Секс может быть с любой, наслаждение – только с любимой.

Неплохо завернул, правда?

Кстати, Элизабет тоже могла выкинуть что-нибудь в этом

роде. Отправляясь в колледж, мы договорились, что имеем право встречаться с другими, не уточнив, что именно значит глагол «встречаться», и оставив себе таким образом лазейку для маленьких экспериментов. Позже, в разговорах, она клялась, что ничего подобного не было. Так ведь и я утверждал то же самое...

Кровать все штормило, а я лежал и размышлял, что делать дальше.

С одной стороны, можно просто дождаться пяти часов завтрашнего дня. Хотя снова сидеть и ждать... Я был сыт по горло ничегонеделанием. На самом деле, пусть мне трудно было признаться в этом даже себе самому, там, на озере, я растерялся. Струсил. Вылез из воды и встал как столб, позволив похитителям оглушить себя. И даже после первого удара можно было ответить; на худой конец, уклониться от второго. Броситься на обидчика или просто замахать кулаками. А я упал. Сдался и не сумел отбить у захватчика свою женщину.

Больше это не повторится.

Что, если снова поговорить с Хойтом? Боюсь, он был не слишком откровенен во время нашей последней беседы. С другой стороны, что это даст? Хойт или врет, или... или не знаю что. Однако в сообщении было четко сказано: «Не говори никому». Единственный шанс вызвать тестя на откровенность – рассказать, кого я увидел на экране. А к этому я еще не готов.

Я встал с кровати, снова включил компьютер и бродил в Сети до самого утра. К рассвету у меня созрело что-то вроде плана.

* * *

Гэри Лэмонт, муж Ребекки, заволновался не сразу. Жена часто работала допоздна и иногда проводила остаток ночи на кушетке в углу студии. Поэтому в четыре часа утра он был озабочен, но не напуган.

Или пытался себя в этом убедить.

Гэри позвонил в студию и нарвался на автоответчик. И такое случалось. Ребекка ненавидела, когда ей мешали работать. В фотолаборатории даже не было телефона. Гэри оставил сообщение и вернулся в постель.

Он то задремывал, то просыпался. Пытался отвлечься, хотя все мысли были только о Ребекке. Жена была вольной птицей, и если что и омрачало их нежные отношения, так это его склонность к «мещанскому образу жизни, подрезающему ей крылья». Ее слова.

Гэри сдался и дал Ребекке свободу. Не трогал крылья, или что там у нее.

К семи часам озабоченность сменилась паникой. Гэри поднял с постели Артуро Рамиреса, тощего черноволосого ассистента Ребекки.

– Я только лег, – заныл Артуро, но Гэри объяснил ситуа-

цию, и ассистент, который спал не раздеваясь, вскочил и ринулся к двери. Они договорились встретиться в студии.

Артуро добрался туда первым и нашел студию незапертой.

– Ребекка?

Никто не ответил. Артуро позвал еще раз. Безрезультатно. Он вошел и принялся осматривать помещение. Никого. Он отворил дверь в лабораторию. Привычный острый запах проявителя мешался с чем-то новым, незнакомым и почему-то пугающим. Чем-то очень человеческим. Артуро почувствовал, как волосы поднимаются дыбом.

Выходящий из лифта Гэри услышал его дикий крик.

Глава 21

Утром я наскоро сжевал бейгл и выехал в западном направлении по Восьмидесятой автостраде. Путь занял три четверти часа. Восьмидесятая автострада в Нью-Джерси ничем особым не радует. Стоит миновать Сэддл-Брук, и дома как будто испаряются. Ты едешь между двумя рядами деревьев, пейзаж оживляют лишь дорожные знаки.

Повернув в сторону городка под названием Гарденсвилл, я сбросил скорость и с замиранием сердца взгляделся в высокую траву на обочинах. Я никогда здесь не был – последние восемь лет избегал даже упоминания об этом пятачке земли, – но знал: именно тут, недалеко от шоссе, нашли когда-то тело Элизабет.

Проехав по маршруту, намеченному ночью, я отыскал офис коронера округа Сассекс. Здание оказалось мрачным кирпичным кубом без какой-либо вывески (хотя, с другой стороны, чего еще можно ожидать от морга?). Было около половины девятого, рабочий день пока не начался. Прекрасно.

Ярко-желтый «кадиллак-севилья» припарковался у надписи «Тимоти Харпер, медэксперт округа». Сперва из машины вылетел окурок – удивительно, сколько медэкспертов курит, – а потом вылез сам Тимоти Харпер, примерно моего роста (чуть ниже ста восьмидесяти), с оливковой кожей

и курчавой седой шевелюрой. Увидев меня у дверей, он тут же принял скорбный вид. И верно, не за хорошими вестями приходят люди к моргу ранним утром.

– Чем могу быть полезен? – спросил, подходя, Харпер.

– Доктор Харпер?

– Совершенно верно.

– Я доктор Дэвид Бек. – Намек на то, что мы коллеги. –

Разрешите отвлечь вас ненадолго?

Намек не сработал. Харпер молча вытащил ключ и отпер дверь.

– Пройдемте в кабинет.

Мы двинулись по коридору. Харпер нажал на выключатель, и флуоресцентные лампы осветили стены и потертый линолеум на полу до самого конца коридора. Как в обычном медицинском учреждении, а отнюдь не в доме скорби. Может, это и к лучшему. Шаги щелкали по коридору в такт жужжанию лампочек. Харпер перебирал на ходу пачку писем.

В кабинете тоже не оказалось ничего страшного. Обычный письменный стол, как у преподавателя начальной школы, два старых полированных стула. На одной из стен висело несколько дипломов. Смотрите-ка, Харпер, как и я, окончил Колумбийский университет, только двадцатью годами раньше. Никаких семейных фотографий, спортивных наград, ничего личного. Здесьним посетителям не до приятных бесед и портретов смеющихся внучат.

Харпер сел и положил руки перед собой на стол.

– Слушаю вас, доктор Бек.

– Восемь лет назад, – начал я, – к вам привезли тело моей жены. Она оказалась очередной жертвой серийного маньяка по кличке Киллрой.

Я плохо читаю по лицам. Глаза для меня отнюдь не зеркало души, а жесты не выдают собеседника. Да только реакция Харпера насторожила бы любого: что могло заставить медицинского эксперта, патологоанатома с огромным стажем, так побледнеть?

– Я помню, – тихо ответил он.

– Вскрытие проводили вы?

– Да. Во всяком случае, частично.

– Как это понять – частично?

– ФБР подключило своих людей. Мы работали в связке, хотя у них не было медэкспертов, и руководил все-таки я.

– А при первом осмотре тела ничего не бросилось вам в глаза?

Харпер заерзал на стуле.

– Могу я спросить, для чего вам эти сведения?

– Я – безутешный супруг.

– Восемь лет прошло!

– Каждый страдает по-своему, доктор.

– Возможно, вы правы, но...

– Что «но»?

– Хотелось бы знать, что именно вас интересует.

Я решил сыграть в открытую.

– Вы фотографируете все попавшие к вам тела?

Харпер не смог скрыть замешательства и понял, что я это заметил.

– Да. Сейчас мы используем цифровые фотоаппараты. Удобно хранить данные в компьютере – и для диагностики, и для поиска.

Я равнодушно кивнул. Харпер явно пытался увести разговор в сторону. Видя, что он не собирается продолжать, я задал следующий вопрос:

– Вы сфотографировали и мою жену?

– Да, конечно. Сколько лет назад, вы говорите, это было?

– Восемь.

– Тогда у нас был «поляроид».

– И где теперь эти снимки, доктор?

– В архиве.

Я взглянул на высокий шкаф, стоящий у стенки, как часовый на посту.

– Не здесь, – быстро сказал Харпер. – Дело вашей жены закрыто, убийца пойман и осужден. Кроме того, это случилось более пяти лет назад.

– Тогда где они?

– В архиве, в Лейтоне.

– Можно мне их увидеть?

Что-то упало со стола, Харпер проводил листок бумаги задумчивым взглядом.

– Я узнаю, что можно сделать.

– Доктор, – позвал я.

Он поднял глаза.

– Вы помните мою жену?

– Более или менее. В наших краях не так уж много случается убийств. А уж такого уровня...

– В каком состоянии было тело, сказать можете?

– Боюсь, что нет. Детали быстро забываются.

– А кто ее опознал?

– Разве не вы?

– Нет.

Харпер поскреб макушку:

– Тогда, по-моему, отец убитой.

– Не припомните, ему это быстро удалось?

– В смысле?

– Он сразу ее опознал или сомневался? И сколько сомневался? Пять минут? Десять?

– Не могу сказать. Честно.

– То есть забыли.

– Да, прошу прощения.

– А ведь вы сказали, что это было громкое дело...

– Да.

– Может быть, самое громкое в вашей практике?

– Несколько лет назад еще убили разносчика пиццы, – сказал, подумав, Харпер. – Хотя с убийством вашей жены его, конечно, не сравнить.

– И вы даже не помните, как прошло опознание?

– Доктор Бек, при всем моем уважении, я не могу понять, куда вы клоните, – ошетинился Харпер.

– Что ж, повторю: я – безутешный супруг. И задаю очень простые вопросы.

– Очень неприятным тоном.

– Имею право.

– Да чего вы от меня хотите?

– Почему вы решили, что Элизабет – жертва Киллроя?

– Это не я решил.

– Хорошо, почему так решили фэбээровцы?

– Из-за клейма.

– Буква «К»?

– Она самая.

Я почувствовал себя на верном пути.

– Итак, полицейские доставили тело сюда. Вы начали его осматривать. Увидели клеймо «К» и...

– Нет, они осмотрели ее первыми. ФБР, я имею в виду.

– Они появились до того, как привезли тело?

Харпер уставился в потолок, то ли вспоминая, то ли придумывая ответ.

– Да. Или сразу после этого, я точно не помню.

– Как же они узнали о находке так быстро?

– Понятия не имею.

– Не имеете?

Харпер сложил руки на груди:

– Могу предположить, что полицейские, вызванные на место происшествия, заметили клеймо и вызвали ФБР. Повторю: это всего лишь моя догадка.

В боковом кармане завибрировал пейджер. Я достал его: срочный вызов из клиники.

– Сочувствую вашей потере, – деловым тоном заявил Харпер, – и разделяю вашу боль, но сегодня у меня на редкость плотное расписание. Возможно, через несколько дней...

– Когда вы сможете достать из архива дело моей жены? – прервал его я.

– Я не уверен, что вообще смогу это сделать. Я собираюсь только узнать...

– Закон о свободе информации.

– Простите?

– Я просмотрел его сегодня утром. Дело Элизабет закрыто, и я имею право его увидеть.

Харпер наверняка знал об этом – скорее всего, не я первый запрашивал дело из архива – и поэтому закивал с энтузиазмом:

– Конечно, конечно. Вы должны будете собрать необходимые документы, заполнить некоторые бумаги.

– Вы издеваетесь? – спросил я.

– Извините?

– Моя жена стала жертвой ужасного преступления.

– Знаю.

– И у меня есть право увидеть все документы. Если нач-

нете тянуть резину, я сочту это подозрительным. Я никогда не говорил с журналистами о Элизабет и ее убийце. Может быть, мне начать? Я попрошу их объяснить, почему окружной медэксперт отказывает в элементарной просьбе.

– Звучит как угроза.

Я поднялся на ноги:

– Буду здесь завтра утром. Приготовьте, пожалуйста, документы по делу моей жены.

Наконец-то я действовал. Да, это оказалось чертовски приятно.

Глава 22

Детективы Роланд Димонте и Кевин Крински из отдела по расследованию убийств Управления полиции Нью-Йорка прибыли на место преступления даже раньше рядовых копов. Лидировал в этой паре Димонте – человек с давно не мытыми волосами, в ботинках из змеиной кожи и вечно недожеванной зубочисткой во рту. Он рявкнул несколько слов, и студию немедленно оцепили. Через пару минут за оцепление нырнул эксперт.

– Где свидетели? – спросил Димонте.

Свидетелей было всего двое: муж убитой и доходяга в черном. Детектив отметил, что муж с ума сходит от горя (хотя, может, и комедию ломает...). Ну, с этим потом разберемся.

Пожевывая зубочистку, Димонте отвел доходягу – его звали Артуро – в сторону. Парень был невероятно бледен. Возможно, наркотики. Правда, именно он и обнаружил труп, там же его и вывернуло...

– Вы можете отвечать? – спросил Димонте, демонстрируя притворную заботу.

Артуро кивнул.

Димонте осведомился, не заметил ли он в последнее время чего-либо необычного в поведении жертвы. Артуро ответил, что да, было. «Что было?» Станный телефонный звонок, который явно смутил Ребекку. «А кто звонил?» Артуро

не знает, но где-то через час к Ребекке приехал мужик. Когда он ушел, Ребекка была вся на взводе. «А как звали мужика?»
– Бек, – ответил Артуро. – Она называла его Бек.

* * *

Шона засунула в сушку простыни Марка. Линда подошла и встала рядом.

– Марк опять намочил постель, – констатировала она.

– Ах, как ты наблюдательна!

– Перестань.

Линда отвернулась. Шона хотела извиниться, но передумала и промолчала. Когда они с Линдой расстались в первый и пока единственный раз, Марк начал писаться в постель. Позже семья воссоединилась, и мальчик, казалось, выздоровел. А теперь вот снова.

– Он чувствует, что происходит, – сказала Линда. – Напряжение висит в воздухе.

– И что ты хочешь от меня, Линда?

– Все, что ты можешь.

– Я больше не уйду, я обещала.

– Как видишь, этого недостаточно.

Шона скривила лицо и молча швырнула простыни в сушку. На что ей сдалась такая жизнь? Она преуспевающая топ-модель и просто не имеет права демонстрировать на людях мешки под глазами и потускневшие волосы. Надоело все.

Надоел семейный быт, к которому она оказалась совершенно не готова, надоели дурацкие советы доброжелателей. Мало того что они с Линдой не совсем обычная пара. Так их угораздило еще и завести ребенка. Все это, вместе взятое, вызывало повышенный интерес и совершенно ненужную, навязчивую поддержку, которая лишь запутывала ситуацию. Раскол их семьи станет ударом по лесбийскому движению. Как будто разнополюсы пары никогда не разводятся! Шона не считала себя подвижницей и не собиралась жертвовать собственным счастьем ради достижения каких-то «высших целей». И пусть ее считают эгоисткой!

Интересно, а что думает по этому поводу Линда?

– Я люблю тебя, – сказала Линда.

– И я.

Они посмотрели друг на друга. Марк опять намочил постель. Шона не пожертвовала бы счастьем ради «высших целей». А вот ради Марка...

– И что мы будем делать? – спросила Линда.

– Что-нибудь придумаем.

– Думаешь, получится?

– Ты меня еще любишь?

– Знаешь ведь, что да.

– И веришь, что я самое яркое и восхитительное существо на этой Земле?

– Конечно, – сказала Линда.

– Я тоже верю, – улыбнулась Шона. – А еще я – шило в

заднице.

– Не спорю.

– Но я – твое шило.

– Верно подмечено.

Шона шагнула к подруге:

– Я не создана для спокойной жизни, вокруг меня все бурлит.

– Ты на редкость сексуальна, когда бурлишь.

– И когда не бурлю – тоже.

– Заткнись и поцелуй меня.

И тут зазвонил домофон. Линда и Шона переглянулись.

Шона пожала плечами, Линда нажала кнопку ответа:

– Да?

– Это Линда Бек?

– А вы кто?

– Специальные агенты Кимберли Грин и Рик Пек из Федерального бюро расследований. Разрешите войти и задать вам несколько вопросов?

Шона перегнулась через плечо Линды, прежде чем та успела ответить, и прокричала:

– Нашего адвоката зовут Эстер Кримштейн! Вы можете задать ей любые вопросы.

– Вы ни в чем не подозреваетесь. Просто...

– Эстер Кримштейн, – повторила Шона. – У вас наверняка есть ее телефон. Приятного вечера.

Шона выключила домофон. Линда с удивлением смотрела

на нее.

– Что, черт подери, происходит?

– У твоего брата неприятности.

– Какие?!

– Сядь, я сейчас все объясню.

* * *

Раиса Маркова, сиделка деда доктора Бека, открыла на стук. Специальные агенты Карлсон и Стоун, теперь работавшие вместе с сотрудниками убойного отдела Димонте и Крински, предъявили документы.

– Ордер на обыск, – пояснил Карлсон.

Сиделка безропотно пропустила агентов в квартиру. Она выросла в Советском Союзе, и появление в доме людей в штатском не возмутило ее.

Восемь человек рассыпались по помещениям и прилегающей территории.

– Фиксируем обыск на видео, – приказал Карлсон. – Я хочу, чтобы все было законно.

Они действовали в спешке, пытаясь хоть на полшага опередить Эстер Кримштейн. Карлсон знал, что Кримштейн, как и большинство искусных адвокатов, вдохновленных делом О. Дж. Симпсона⁹, цепляется к любому недочету поли-

⁹ Дело О. Дж. Симпсона – громкое судебное разбирательство в США 1990-х. Суд оправдал обвиняемого в двойном убийстве Симпсона, несмотря на веские

ции, как назойливый поклонник к поп-звезде. Карлсон, будучи не менее искусным сыщиком, пытался лишить ее этой возможности, документируя каждый шаг, каждое движение, чуть ли не каждый вздох.

Когда Карлсон и Стоун появились в студии Ребекки Шейес, Димонте им совершенно не обрадовался. Играло свою роль привычное противостояние между нью-йоркской полицией и ФБР, и мало что могло его прекратить.

Разве что наступающая на пятки Эстер Кримштейн.

И те и другие прекрасно знали: Эстер – не только ловкий адвокат, но и въедливый журналист, обожающий выносить сомнительные дела на суд публики. И те и другие не желали там оказаться. Это подгоняло их и заставило заключить своего рода альянс, отличающийся той же теплотой и дружелюбностью, что и арабо-израильские перемирия. Кримштейн дышала в спину, и старые счеты пришлось на время отложить.

ФБР получило ордер на обыск – им это было удобнее: всего лишь пересечь Федерал-плаза и войти в здание федерального окружного суда. Если бы то же самое захотели сделать полицейские, пришлось бы направлять запрос в суд округа¹⁰, в Нью-Джерси, и Кримштейн точно бы их обскакала.

– Агент Карлсон! – крикнул кто-то с улицы.

улики.

¹⁰ Судебная система США является двухуровневой: федеральные суды существуют параллельно с самостоятельными судебными системами штатов, федеральных территорий и округа Колумбия.

Карлсон вылетел наружу, Стоун за ним. К ним присоединились Димонте и Крински. На углу возле урны стоял юный фэбээровец.

– Что там у вас? – спросил Карлсон.

– Может, и ничего, сэр, но...

Юнец указал на пару перчаток из тонкого латекса.

– Упакуйте их, – приказал Карлсон, – и направьте в лабораторию, пусть проверят, не ими ли сжимали пистолет.

Карлсон смерил взглядом Димонте. Перемирие перемирием, но надо периодически указывать копам их место.

– Сколько займет такое исследование в вашей лаборатории?

– День. – Димонте как раз сунул в рот новую зубочистку и яростно зажевал ее. – Может, два.

– Долго. Придется сделать это у нас.

– Придется, а то как же, – проворчал Димонте.

– Мы ведь договорились действовать так, как будет быстрее.

– То-то мы здесь и стоим уже полчаса.

Карлсон кивнул. Он-то хорошо знал: если хочешь, чтобы нью-йоркский полицейский всерьез занялся каким-то делом, пригрози это дело у него отобрать. Хорошая штука соревнование.

Следующий крик раздался из гаража. Все рванулись туда.

Стоун присвистнул, Димонте вытаращил глаза, Карлсон нагнулся, чтобы рассмотреть находку.

В корзине для бумаг, под обрывками старых газет, лежал пистолет. Калибра девять миллиметров. Судя по запаху, из пистолета недавно стреляли.

Стоун повернулся так, чтобы его улыбка не попала в объектив камеры, и сказал:

– Берем его.

Карлсон не ответил. Хмуρο оглядев пистолет, он о чем-то надолго задумался.

Глава 23

Срочный вызов касался Ти Джея, мальчик поцарапался о дверную ручку. Для большинства детей это означает всего-навсего полосу зеленки на руке, для Ти Джея – ночь на больничной койке. Когда я приехал, его уже положили под капельницу. Гемофилия лечится вливанием консервантов крови, таких как криопреципитат или замороженная плазма.

Я уже упоминал, что впервые увидел Тайриза шесть лет назад закованным в наручники и изрыгающим проклятья. За час до этого он ворвался в приемную со своим девятимесячным сыном на руках. Принял их дежурный терапевт.

Ти Джей не плакал, не реагировал на раздражители, дышал неглубоко и часто. Тайриз, который, согласно полицейскому протоколу, вел себя «неадекватно» (посмотреть бы на молодого отца, который в такой ситуации поведет себя по-другому!), рассказал терапевту, что ребенок почувствовал себя плохо с самого утра. Врач многозначительно взглянул на медсестру. Та незаметно кивнула и пошла звонить в полицию. Самое время, конечно.

Офтальмоскопия выявила у ребенка многочисленные кровоизлияния на сетчатке – то есть у малыша лопнули в глазах сосуды. Сопоставив это с вялостью и – как бы получше сказать – внешним видом отца, терапевт поставил диа-

гноз: синдром сотрясения¹¹.

Тут же как из-под земли выросли вооруженные охранники и нацепили на Тайриза «браслеты». Вот тогда-то на сцене появился я. Просто услышал крики и вышел из кабинета посмотреть, что происходит. Приехали двое полицейских и усталая женщина из Комитета по делам детства. Тайриз пытался что-то объяснить, но его никто не слушал. Все качали головой и роняли восклицания вроде: «Куда катится наш мир!»

Подобные сцены здесь не редкость. Честно говоря, бывает и хуже. Как-то я обследовал четырехлетнего мальчика с внутренним кровотечением после изнасилования. Не говорю уже о трехлетних девочках с венерическими заболеваниями. В этих случаях, как и во множестве им подобных, со-вратителем был либо член семьи, либо бойфренд матери.

Плохой дядька не кружит возле детской площадки, малыш. Он живет у тебя дома.

Кроме того, любой врач в курсе – и эта статистика ошеломляет, – что девяносто пять процентов серьезных травм – результат именно жестокого обращения. Потому-то терапевт, недолго думая, вызвал охранников.

В таком месте, как наше, поневоле очерствеешь. Станешь не лучше уличного копа. Каких только отговорок мы здесь не

¹¹ *Синдром детского сотрясения* – комплекс органических нарушений, возникающий, если организм ребенка испытывает сотрясение. СДС служит одной из основных причин гибели младенцев.

наслушались! Сын вывалился из кровати. Дочку стукнуло по голове дверцей духовки. Старший брат швырнул в младшего игрушкой. На самом деле для здоровых детей это не так уж страшно, падение с кровати не доведет их до больницы. Поэтому я в таких случаях никогда не испытывал трудностей с диагнозом.

А вот поведение Тайриза мне показалось необычным. Не то чтобы я сразу решил, будто он невиновен. Я, так же как и вы, часто сужу о людях по внешности или, говоря более официально, «склонен к расовой дискриминации». Мы все этим страдаем. Если вы, увидев шайку чернокожих подростков, переходите на другую сторону улицы, это расовая дискриминация. Если не переходите, опасаясь, как бы вас не сочли расистом, это тоже она. Если при виде шайки у вас не рождается никаких опасений, вы, наверное, прибыли с другой планеты.

Меня заставило затормозить простое совпадение. Несколько дней назад я наблюдал точно такой же случай в богатом пригороде Шорт-Хиллз в Нью-Джерси. Родители, хорошо одетые белые, приехали на навороченном «рейнджровере» и вбежали в приемную с шестимесячной дочерью на руках. Девочка выглядела так же, как и Ти Джей.

И никто не заподозрил отца.

Поэтому я и подошел к Тайризу. Он взглянул на меня так, что, случись это на улице, я бы перепугался. Здесь же Тайриз напоминал волка из «Трех поросят», когда тот пытался сдуть

кирпичный домик.

– Ваш сын родился здесь? – спросил я.

Тайриз не ответил.

– Ваш сын родился в нашей клинике? Да или нет?

– Да, – смог выдавить он.

– Ему делали обрезание?

Тайриз сверкнул глазами:

– Ты что, типа гомик?

– Вы имеете в виду, что гомики бывают разных типов? – осведомился я. – Делали ему обрезание? Да или нет?

– Да, – проворчал Тайриз.

Я выяснил номер полиса Ти Джея и ввел цифры в компьютер. Прочел запись об обрезании: все нормально. Вот черт. И вдруг заметил еще одну: оказывается, сегодняшний визит Ти Джея в больницу не первый. В возрасте двух недель отец уже приносил его сюда с жалобой на кровотечение – у мальчика никак не заживал пупок.

То, что нужно.

Мы взяли кое-какие анализы, хотя полиция настаивала на немедленном аресте Тайриза, а тот даже и не возражал. Только просил, чтобы ему разрешили подождать результатов. Я попытался уговорить лаборанта сделать их побыстрее, но потерпел фиаско: как и большинство нормальных людей, я не умею разговаривать с бюрократами. В конце концов мне принесли анализ крови.

Диагноз, спасительный для Тайриза и убийственный для

его сына, подтвердился. Бандитского вида отец действительно не трогал мальчика. У Ти Джея была гемофилия, которая и вызвала кровоизлияния. И теперь ребенок ослеп.

Охранники вздохнули, покорно сняли с Тайриза наручники и ушли. Тайриз остался стоять, потирая запястья. Никто и не подумал извиниться, не сказал ни единого теплого слова человеку, которого несправедливо обвинили в избиении своего, оказывается, ослепшего сына.

А теперь представьте: возможно ли что-нибудь этакое в престижном районе?

С тех пор Ти Джей – мой пациент.

Я вошел в палату, погладил мальчика по голове и посмотрел в его незрячие глаза. Другие дети отвечают мне взглядом, полным ужаса и обожания. Некоторые мои коллеги говорят, что малыши понимают происходящее гораздо лучше, чем думают взрослые. У меня другое объяснение: родители кажутся детям бесстрашными и всемогущими. И вдруг эти небожители попадают сюда и смотрят на меня, доктора, со смесью надежды и страха.

Представляете, какое потрясение для маленького ребенка?

Через несколько минут глаза Ти Джея закрылись, он погрузился в сон.

– Ударился о дверь, – объяснил Тайриз. – Вот и все. Слепой ведь, чего ж еще ожидать.

– Придется оставить его на ночь, – сказал я. – Все будет

нормально.

– Как? – Тайриз смотрел на меня. – Как оно когда-нибудь будет нормально, если у него кровь не останавливается?

Я не ответил.

– Заберу я его отсюда.

Он явно не имел в виду больницу.

Тайриз полез в карман и вытащил пачку банкнот, однако я угрюмо выставил вперед ладонь и сказал:

– Зайду еще раз, попозже.

– Спасибо, что приехали, док. Я ценю.

Я чуть не напомнил ему, что приехал ради ребенка, а во-все не ради него, но, как всегда, промолчал.

* * *

«Аккуратнее, – думал Карлсон, чувствуя, как учащается пульс, – только аккуратнее».

Они – Карлсон, Стоун, Крински и Димонте – сидели за столом в кабинете помощника окружного прокурора Лэнса Фейна. Фейн, амбициозный, юркий, похожий на ласку человека, с изогнутыми бровями и таким желтым, восковым лицом, что оно, казалось, могло потечь при малейшей жаре, начал совещание.

– Пора сцапать этого придурка, – сразу же сказал Димонте.

– Минуточку, – остановил его Фейн. – Доложите мне все

так, чтобы сам Алан Дершовиц¹² захотел бы упрятать его за решетку.

Димонте кивнул напарнику:

– Давай, Крински. Заведи меня.

Крински открыл блокнот и начал читать:

– «Ребекка Шейес была убита двумя выстрелами в голову, произведенными с близкого расстояния, из автоматического оружия калибра девять миллиметров. Оружие было найдено в ходе обыска в гараже доктора Дэвида Бека».

– Отпечатки пальцев? – осведомился Фейн.

– Нет. Зато баллистическая экспертиза подтвердила, что это тот самый пистолет, из которого была застрелена жертва.

Димонте ухмыльнулся и спросил:

– У кого-то, кроме меня, напряглись соски?

Брови Фейна дрогнули.

– Продолжайте, – кивнул он Крински.

– «В ходе того же обыска недалеко от дома доктора Бека в урне была найдена пара перчаток из латекса. На правой перчатке обнаружены следы пороха, а доктор Бек – правша».

Димонте задрал на стол ноги в ботинках из змеиной кожи и начал водить зубочисткой по губам.

– Да, милый, еще, еще! Мне так приятно!

Фейн нахмурился. Крински, не поднимая глаз от блокнота, облизнул палец и перевернул страницу.

– «На этой же перчатке найден волос, совпадающий по

¹² Алан Дершовиц – адвокат, который помог оправдать О. Дж. Симпсона.

цвету с волосами Ребекки Шейес».

– О господи! Господи! – застонал Димонте в притворном огорчении. А возможно, и в настоящем.

– «Тест волоса на ДНК займет некоторое время, – продолжал Крински. – На месте преступления обнаружены отпечатки пальцев доктора Бека, хотя и не в лаборатории, где было найдено тело».

Крински закрыл блокнот. Все перевели взгляд на Фейна. Фейн встал и потер подбородок. Даже без клоунады Димонте в комнате царили азарт и оживление. Казалось, само слово «арест» висит в воздухе, наполняя все кругом вспышками тщеславия. Ведь такое громкое дело – это обязательные пресс-конференции, звонки политиков, фотографии в газетах.

И только у Ника Карлсона осталось пусть крошечное, но сомнение. Он беспокойно скручивал и раскручивал листок бумаги и никак не мог остановиться. Что-то маячило на периферии сознания, еще невидимое, хотя уже не дающее покоя, мелкое и назойливое, как муха. В доме доктора Бека нашли массу жучков, телефонные аппараты тоже прослушивались. Кто-то за ним следил. И почему-то только Карлсона заинтересовал вопрос – кто именно?

– Лэнс? – поторопил Димонте.

Помощник прокурора откашлялся:

– Вы знаете, где именно находится сейчас доктор Бек?

– На работе, – ответил Димонте. – Я отправил двух ребят

за ним присматривать.

Фейн кивнул.

– Давай, Лэнс, – уговаривал Димонте, – сделай это для меня, дружок.

– Для начала позвоним мисс Кримштейн, – отозвался Фейн. – Из чистой вежливости.

* * *

Шона рассказала Линде почти все, умолчав лишь о появлении призрака на экране. И не потому, что поверила в эту историю, сама она была почти что убеждена в компьютерном происхождении «Элизабет», а потому что так хотел Бек. «Не говори никому». Шоне не нравилось скрывать что-либо от Линды, но она не могла подвести Дэвида.

Линда молча слушала, глядя подруге в глаза. Она не перебивала, не шевелилась, даже ни разу не кивнула. Когда Шона закончила, Линда спросила:

– Ты видела эти фотографии?

– Нет.

– Где они их взяли?

– Не знаю.

Линда встала с побелевшим лицом:

– Дэвид никогда бы не ударил Элизабет.

Она обхватила себя руками и всхлипнула.

– В чем дело? – встревожилась Шона.

– Что ты мне недоговариваешь?

– Почему ты решила, будто я что-то недоговариваю?

Линда молча ждала.

– Спроси у своего брата, – сдалась Шона.

– Почему?

– Потому что это не мой секрет.

Опять зазвонил домофон. На этот раз ответила Шона:

– Да?

– Это Эстер Кримштейн, – донеслось из динамика.

Шона нажала на кнопку, впуская гостью в дом. Две минуты спустя Эстер ворвалась в комнату.

– Вы знаете фотографа по имени Ребекка Шейес?

– Конечно, – ответила Шона, – хотя мы давно не виделись.

А ты, Линда?

– Сто лет ее не встречала. Когда-то они с Элизабет вместе снимали квартиру. А что?

– Ее убили вчера ночью, – сказала Кримштейн. – Подозрение пало на Бека.

Обе женщины застыли. Первой опомнилась Шона.

– Так ведь я была вчера у Бека! – воскликнула она.

– До которого часа?

– А до которого нужно?

Эстер нахмурилась:

– Мне-то не морочь голову, Шона. Когда ты от него ушла?

– В десять, может, в пол-одиннадцатого. Во сколько ее убили?

– Пока не знаю. Только мой источник в полиции сказал, что против Бека собраны серьезные доказательства.

– Ерунда какая-то.

Зазвонил мобильник. Эстер поднесла трубку к уху:

– Да?

Невидимый собеседник говорил очень долго, Кримштейн молча слушала. Лицо ее потеряло свою жесткость, расплылось, как от разочарования. Минуты через две, даже не попрощавшись, она отключила телефон и сердито защелкнула трубку.

– Жест вежливости, – съязвила она.

– Что случилось? – спросила Линда.

– Они подписали ордер на арест. У нас есть час, чтобы сдать вашего брата властям.

Глава 24

Я мог думать только о Вашингтон-сквер-парке и о том, как убить оставшиеся четыре часа. Будто назло, сегодня у меня выходной и, за исключением срочного вызова к Ти Джею, другой работы нет. «Свободен, словно птица» – как поется в одной из композиций рок-группы «Линирд Скиннирд», – и этой «птице» хотелось упорхнуть в парк.

Уже выходя из клиники, я снова услышал сигнал пейджера. Вздыхнул и посмотрел на номер. Эстер Кримштейн, вызов с пометкой «срочно».

Боюсь, что новости невеселые.

На мгновение я задумался: а стоит ли перезванивать? Может, просто лететь куда летится? Нет, рано. Я хотел вернуться в смотровую, однако дверь была закрыта изнутри. Значит, помещение уже занято другим врачом.

Я прошел вперед по коридору, повернул налево, нашел свободный кабинет в гинекологическом отделении и почувствовал себя разведчиком во вражеском стане. Вокруг поблескивали десятки металлических инструментов, что придавало помещению какой-то средневековый вид. Я набрал номер.

Эстер Кримштейн не стала терять времени на приветствия.

– Бек, у нас серьезные неприятности. Где вы?

– На работе. Что стряслось?

– Нет, это вы мне объясните, что стряслось. Когда вы в последний раз встречались с Ребеккой Шейес?

У меня сдавило сердце.

– Вчера. А что?

– А до этого?

– Восемь лет назад.

Кримштейн замысловато выругалась.

– Да что стряслось? – повторил я.

– Ребекка Шейес убита прошлой ночью в своей собственной студии. Двумя выстрелами в голову.

На меня накатила слабость, какая бывает перед погружением в сон. Колени подогнулись, я рухнул на стул.

– О господи...

– Бек, слушайте меня. Слушайте внимательно.

Передо мной встала Ребекка, какой я увидел ее вчера.

– Где вы были ночью?

Я бросил трубку на стол, мне не хватало воздуха. Ребекка. Ребекка погибла. Я вспомнил, какой счастливой она выглядела, говоря о своем муже. Я подумал о нем, о том, что бессонными ночами он будет вспоминать, как рассыпались рядом с ним по подушке ее роскошные волосы.

– Бек?

– Дома, – ответил я. – Я был дома с Шоной.

– А потом?

– Вышел погулять.

– Где вы гуляли?

– Просто прошелся.

– Где именно?

Я не ответил.

– Бек, слушайте меня, ладно? Орудие убийства найдено у вас дома.

Я внимательно слушал, хотя слова с трудом достигали сознания. Комната внезапно сузилась, я заметил, что в ней нет ни одного окна, стало трудно дышать.

– Вы меня слышите?

– Да, – ответил я. Затем, сообразив, что именно мне сказали, добавил: – Быть не может.

– Послушайте, у нас совсем нет времени. Я говорила с окружным прокурором, с минуты на минуту вас арестуют. Он, конечно, порядочная свинья, но согласился на явку с повинной.

– Арестуют?

– Сосредоточьтесь, Бек.

– Я ее не убивал.

– Сейчас это не важно. Они хотят вас арестовать. Они жаждут привлечь вас к суду. А мы собираемся выволить вас под залог. Я уже на пути в клинику. Сидите тихо. Не отвечайте ни на какие вопросы. Ни полиции, ни фэбээровцам, ни новым товарищам по камере. Уяснили?

Мой взгляд метнулся к часам, висевшим над смотровым столом. Начало третьего. Площадь Вашингтон-сквер. Сего-

дня я должен быть на Вашингтон-сквер.

– Я не могу сегодня, Эстер.

– Не волнуйтесь, все будет в порядке.

– Сколько это продлится?

– Что?

– Арест. Когда меня выпустят под залог?

– Точно не скажу, но думаю, с этим проблем не будет. Вы всегда были добропорядочным членом общества, к суду не привлекались, криминальных связей не имели. Возможно, придется оставить в залог паспорт...

– Сколько времени пройдет?

– Пройдет до чего, Бек? Я не могу вас понять.

– До того, как я выйду оттуда?

– Я насяду на них, конечно. Однако, даже если они потопляться – а я не обещаю, что они это сделают, – им все равно придется послать ваши отпечатки в Олбани, так положено. Если нам повезет – я имею в виду, сильно повезет, – мы освободим вас еще до полуночи.

– До полуночи?!

Страх сдавил грудь стальным панцирем. Арест не позволит мне прийти в Вашингтон-сквер-парк. Моя связь с Элизабет хрупка, как нитка бус венецианского стекла. Если я не попаду в парк к пяти часам...

– Не пойдет, – отрезал я.

– Что?

– Задержите их, Эстер. Пусть арестуют меня завтра.

– Вы шутите? Слушайте, они, должно быть, уже там, ищут вас.

Я осторожно высунул голову из кабинета. Отсюда я мог видеть лишь часть стола в регистратуре, его правый угол, но и этого оказалось достаточно.

Именно там стояли двое полицейских.

– О боже, – простонал я, вваливаясь обратно в кабинет.

– Бек?

– Не могу я сесть в тюрьму. Только не сегодня.

– Не злите меня, Бек, хорошо? Просто оставайтесь на месте. Не двигайтесь, не разговаривайте, вообще ничего не делайте. Сидите в своем кабинете и ждите. Я еду.

Она отсоединилась.

Ребекка мертва. Все думают, что я ее убил. Смешно, но тут действительно должна быть какая-то связь. Я навестил ее впервые за восемь лет, и в ту же ночь Ребекку находят убитой.

Что же, черт побери, вокруг меня творится?

Я снова открыл дверь и выглянул. Копы не смотрели в мою сторону. Я выскользнул наружу и припустил по коридору к запасному выходу. Я смогу выйти незамеченным и вовремя добраться до Вашингтон-сквер.

Неужели это правда происходит со мной? Я на самом деле спасаюсь от ареста?

Я не мог ответить на этот вопрос. Добежав до двери, я рискнул обернуться и увидел, что один из полицейских засек

меня. Он махнул другому и ринулся за мной вдогонку.

Я толкнул дверь и вылетел на улицу.

* * *

Не могу поверить. Я удираю от полиции.

Задняя дверь вывела на незнакомую темную улочку за клиникой. Наверное, это покажется странным, но я совсем не знаю окрестностей. Приезжал, работал, уезжал. Сидел в своем кабинете без окон, как сова в дупле. Десять шагов от больницы – и я в незнакомом мире.

Я понесся вперед, сам не зная куда. Сзади хлопнула дверь.
– Стоять! Полиция!

Они и вправду так кричат. Я не остановился. Интересно, станут копы стрелять? Не уверен, конечно, но вряд ли. Общественность вечно поднимает шумиху из-за стрельбы по безоружным.

Народу было немного, встречные провожали меня равнодушным взглядом. Я бежал. Окружающее слилось в неясную массу, в которой я иногда различал отдельные кадры. Я пронесся мимо кошмарного типа с кошмарным же ротвейлером. Мимо старика, сидящего на углу и поносящего весь мир вокруг и этот день в частности. Мимо женщины с огромными сумками и детей, которые должны были быть в школе, а на самом деле торчали на улице, привалившись, кто к чему нашел, и стараясь выглядеть один круче другого.

А я убежал от полиции.

Мое сознание никак не могло переварить этот факт. Ноги уже отказывали, однако образ глядящей с экрана Элизабет гнал меня вперед, придавал сил.

Я задышался.

Все слышали об адреналине, о том, как он иногда захлестывает вас и дает нечеловеческую энергию. Но у медали есть и обратная сторона: чувства выходят из-под контроля, обостряются до невыносимого состояния. Если не снизить истерическое возбуждение, оно вас просто придушит.

Я нырнул в боковую улочку – так всегда делают в кино – и увидел, что она кончается тупиком, где стоят омерзительно грязные мусорные контейнеры. От запаха я взвился на дыбы, как скаковая лошадь. Когда-то, в незапамятные времена, ящики, видимо, были зелеными, теперь от всей этой красоты осталась одна ржавчина. Кое-где контейнеры проржавели до дыр и через них туда-сюда шныряли крысы.

Я попытался высмотреть хоть какой-нибудь проход – заднюю дверь, окно, которое можно разбить, – и ничего не нашел.

Единственный выход наружу – та улочка, через которую я вбежал и куда вслед за мной с минуты на минуту нырнут полицейские.

Ловушка.

Я затравленно глянул вправо, влево, а потом, уже от отчаяния, вверх.

Пожарные лестницы.

Их было несколько, и все очень высоко. С удесятеренной адреналином силой я прыгнул вверх, вытянув руки к одной из них, и свалился обратно, прямо на задницу. Вскочил и попытался еще раз. То же самое. Слишком высоко.

И что теперь?

Может, подтащить к стене контейнер, встать на него и дотянуться до нижней ступеньки? Нет, крышки контейнеров полностью изъедены ржавчиной, а если я влезу просто на кучу мусора, то до лестницы все равно не достану.

Я глубоко вздохнул и попытался сосредоточиться. В нос хлынула струя вони и поселилась там, казалось, навсегда. Пришлось отодвинуться подальше.

Поблизости раздался треск. Радиопомехи. Похоже на полицейскую рацию.

Я прижался спиной к стене и слушал.

Спрятаться. Немедленно спрятаться.

Треск усилился, стал громче. Послышались голоса – копы приближались. Я распластался по стене, будто это могло спасти. Будто они, вынырнув из-за угла, решат, что я – настенная роспись.

Тишину взорвали сирены.

Машины с сиренами – за мной!

Шаги. Совсем близко. И единственная возможность спрятаться.

Я выбрал контейнер почище и с закрытыми глазами ныр-

нул туда.

Запах прокисшего молока – *очень* прокисшего молока – был первым, который я ощутил. Но далеко не последним. Сидел я на чем-то тошнотворном, к рукаву прилипло нечто гнилое и склизкое. Горло сжалось, желудок бурно запротестовал.

Я услышал, как кто-то топает по улочке, и затаился.

По ноге пробежала крыса.

Я едва сдержал крик. Господи, неужели это все – на самом деле? Надо задержать дыхание. Нет, так долго не просидишь. Тогда – дышать через рот. Опять затошнило. Я прижал край рубашки к лицу. Стало немного легче.

Радиопомехи отделились, шаги пропали. Неужто мне удалось их одурачить? Если и так, то ненадолго. Сирен стало больше, их звуки слились с предыдущими – настоящая блюзовая рапсодия. Рано или поздно копы вернуться. Что же делать?

Я схватился за ржавый край контейнера, чтобы выскокить, и тут же порезал ладонь. Прижал ее к губам. Кровь. Во мне мигом проснулся врач и напомнил об угрозе столбняка. Оставшаяся часть сознания объяснила врачу, что столбняк, пожалуй, наименьшая из грозящих сейчас опасностей.

Я прислушался.

Шагов не слышно, раций – тоже. Сирены продолжали выть. А чего, интересно, я еще ожидал? Сбежавший убийца бродит по нашему славному городу, и brave парни пе-

ревернут все кругом, чтобы жители могли спать спокойно.

Куда же деваться?

Понятия не имею. Зато точно знаю, что оставаться на месте нельзя, нужно удирать отсюда как можно скорее.

Я снова прокрался к выходу. Шагов и раций по-прежнему не слышать. Замечательно. Я задумался. Удрать – дело хорошее, только куда? Надо двигаться к востоку, хоть места там и незнакомые. Правда, я видел неподалеку рельсы...

Метро!

Все, что от меня потребуется, – это сесть в поезд и сделать несколько пересадок. Только вот где ближайшая станция?

Я попытался восстановить в памяти схему метро, и тут откуда ни возьмись на улочке появился полицейский.

Он был юн, свежесбрит и розовощек. Голубые рукава форменной рубашки аккуратно завернуты – два одинаковых валика, натянутых на крепкие бицепсы. При виде меня полицейский застыл от удивления.

Мы оба замерли. Я очнулся на долю секунды раньше.

Если б я попытался ударить его, как какой-нибудь боксер или каратист, мне, скорее всего, пришлось бы выковыривать из черепа собственные зубы. Но от ужаса я бросился на него как ракета: всем телом, прижав к груди подбородок. Элизабет хорошо играла в теннис. Как-то она сказала, что, когда противник у сетки, лучше всего послать мячик прямо ему в живот – чтобы он не знал, куда кидаться.

Нечто подобное я и сделал сейчас.

Я ударил парня всей своей тяжестью, уцепился за его плечи, как обезьяна за ветку, и опрокинул. Согнутыми коленями воткнулся ему прямо в грудь, головой с прижатым подбородком – в челюсть.

С оглушительным грохотом мы рухнули наземь.

Раздался хруст, в голове, там, где она врезалась в челюсть противника, взорвалась боль. Юный полисмен захрипел, ему не хватало воздуха. Судя по всему, я сломал парню челюсть. Меня охватила паника, я откатился от полицейского, будто он был бомбой, которая вот-вот взорвется.

Я напал на представителя власти.

Некогда размышлять об этом. Надо убраться отсюда как можно скорее и дальше. С трудом поднялся на ноги, хотел шагнуть и почувствовал на своей лодыжке пальцы полицейского. Повернувшись, я увидел его глаза.

В них плескалась боль. Боль, которую причинил я.

Я поднял ногу и пнул противника по ребрам. Он снова захрипел, изо рта хлынула кровь. Неужели я это делаю? Еще пинок. Достаточно сильный, чтобы заставить лежащего разжать ладонь.

Я повернулся и побежал.

Глава 25

Эстер и Шона рванули в клинику на такси. Линда села на трамвай и поехала к своему консультанту в Международный финансовый центр, чтобы снять все деньги со счетов для уплаты залога.

Десяток полицейских машин окружил клинику Бека, они расположились врассыпную, как стрелы для дартса, брошенные неверной рукой пьяного. Мигалки сверкали красно-синим, сирены выли. Отовсюду стягивались дополнительные автомобили.

– Что, черт возьми, происходит?

Эстер заметила помощника окружного прокурора Лэнса Фейна. К сожалению, он их тоже заметил и с багровым, негодующим лицом подскочил к такси.

– Этот ублюдок сбежал, – выпалил Фейн вместо приветствия.

Эстер с честью выдержала удар.

– Наверное, ваши люди его перепугали.

Подъехали еще две полицейские машины и микроавтобус Седьмого канала телевидения. Фейн выругался.

– Только прессы мне здесь не хватало. Ты знаешь, кем я теперь выгляжу, Эстер?

– Послушай, Лэнс...

– Подхалимом, который выгораживает богатеньких, вот

кем! Как ты могла, Эстер? Знаешь, что мэр со мной сделает?
А Такер...

Такер был прокурором округа Манхэттен.

– Господи боже ты мой! Что со мной сделает Такер!

– Мистер Фейн! – позвал один из полицейских.

Лэнс с ненавистью взглянул на Эстер и Шону, фыркнул и отошел.

Кримштейн тут же набросилась на подружку:

– Твой Бек совсем свихнулся?

– Он напуган, – ответила Шона.

– Он сбежал от полиции, понимаешь? – бушевала Эстер. –

Ты хоть знаешь, чем это грозит? – Она кивнула на автобус телевизионщиков. – Они сделают из Бека сбежавшего убийцу, убедят всех, что он опасен. В том числе и присяжных.

– Успокойся.

– Успокоиться? Ты соображаешь, что он натворил?

– Сбежал, вот и все. Как О. Джей, помнишь? Ему же это не повредило?

– Речь идет не о Симпсоне. Речь идет о богатеньком белом докторе.

– Бек не богат.

– Да не в этом же дело, черт побери! Теперь любой потребует, чтобы Бека пригвоздили к позорному столбу. Забудь об освобождении под залог! Забудь о беспристрастных судьях!

Эстер перевела дыхание, скрестила руки на груди:

– И кстати, это подпортит репутацию не только Фейну.

– А кому еще?

– Мне! – взвизгнула Кримштейн. – Одним махом Бекскомпрометировал меня перед прокурором округа. Если я обещала доставить человека, то должна была его доставить.

– Эстер, – спокойно произнесла Шона.

– Что?!

– За твою репутацию я и сейчас ломаного гроша не дала бы.

Около машин с мигалками раздались какие-то крики. Оттуда тронулась и помчалась вниз по улице машина «скорой помощи». Полицейские заметались в разные стороны, будто бильярдные шары.

«Скорая» завизжала тормозами, два медика, мужчина и женщина, выпрыгнули из машины и стали торопливо доставать носилки. Слишком торопливо.

– Сюда! – закричал кто-то. – Он здесь!

У Шоны екнуло сердце. Она шагнула к Фейну, Эстер за ней.

– Что случилось? – спросила Эстер.

Фейн не ответил.

– Лэнс!

Тот наконец повернул к ней искаженное гневом лицо:

– Твой клиент.

– Что с ним? Он ранен?

– Он только что напал на полицейского.

Вот и все.

Я перешел границы допустимого, еще когда сбежал из клиники, а нападением на полицейского окончательно сжег за собой мосты. Возврата нет. Остается только бежать. Бежать изо всех сил.

– Здесь избитый полицейский! – закричал кто-то.

Крики усилились, к ним присоединились сирены. И все это за моей спиной. Сердце стучало где-то в горле. Ноги стучали по асфальту как заведенные. Я чувствовал, что они тяжелеют, мускулы и суставы словно превращаются в камень. Я ведь не спортсмен. Из носа потекло, жидкость смешалась с грязью на верхней губе, которую я умудрился измазать, сидя в контейнере, и потекла прямо в рот.

Я пытался бежать зигзагами, от дома к дому, словно это могло сбить полицию с толку. Мне не надо было оборачиваться, чтобы понять, далеко ли мои преследователи. Сирены и рации безошибочно выдавали их местонахождение.

У меня нет шансов.

Я несся сквозь квартал, через который раньше не осмелился бы даже проехать. Перепрыгнул через живую изгородь и побежал по высокой траве заброшенной спортплощадки. Люди часто толкуют о росте цен на земельные участки в Манхэттене, а тут, недалеко от Харлем-ривер-драйв, бы-

ло в достатке ничейной земли, усыпанной битым стеклом и занятой лишь руинами качелей, спортивных снарядов и брошенных машин.

Напротив ряда дешевых многоэтажек мной заинтересовалась группа чернокожих подростков бандитского вида, да и одетых соответственно. Они уже рассчитывали на редкостный «десерт», которым вот-вот займутся, когда до них дошло, что за мной гонится полиция.

Ребята радостно заулюлюкали:

– Давай, белый!

Я попытался кивнуть, пробегая мимо: усталый марафонец, приветствующий толпу зрителей. Один из мальчишек выкрикнул: «Диалло!» Я не остановился, хотя слышал об Амадо Диалло. Любой в Нью-Йорке слышал о нем. Полицейские стреляли в него сорок один раз, и каждый раз он был безоружен. На какое-то мгновение я решил, будто клич предупреждает меня о том, что полиция готова стрелять.

Но дело оказалось в другом.

На суде защитник Диалло рассказал, что, когда его клиент запускал руку в карман, чтобы вытащить кошелек, полицейские думали, будто он лезет за оружием. С тех пор люди протестуют против полицейского произвола, выдергивая из кармана кошельки и выкрикивая: «Диалло!» Уличные копы признаются, что каждый раз вздрагивают от этого крика.

Вот и теперь мои новые союзники, несомненно считавшие меня убийцей, выхватили из карманов кошельки. Два копа,

наступавших мне на пятки, притормозили. Расстояние между нами увеличилось.

Надолго ли?

Горло горело, на бегу я глотал слишком много воздуха. Ноги налились свинцом. Я устал. Внезапно зацепившись за что-то носком ботинка, я потерял равновесие и растянулся на тротуаре, ободрав лицо, колени, руки.

Сумел встать. Ноги дрожали.

Вот и конец.

Промокшая рубашка прилипла к спине, в ушах ритмично шумело. Я никогда не любил бегать. Фанатики бега трусцой с пеной у рта доказывают, что они жить не могут без любимого спорта и получают огромное удовольствие от самого процесса. Не сомневаюсь. Удовольствие объясняется нехваткой кислорода в головном мозге, а не пресловутыми эндорфинами.

Польза, поверьте мне, сомнительная.

Устал. Как страшно я устал. Нельзя бежать бесконечно. Я оглянулся. Полицейских не видно. Улица пуста. Дернул ближайшую дверь. Заперто. Другую. Невдалеке опять захрипела рация. Я побежал. В дальнем конце дома была чуть открыта дверца подвала. Ржавая. Здесь все ржавое.

Я нагнулся и потянул металлическую ручку. Дверца со скрипом отошла. Я заглянул в темноту.

– Отрежьте ему путь! – крикнули неподалеку.

Я даже не осмотрелся. Спустил вниз одну ногу и нашу-

пал первую ступеньку. Болтается. Спустил вторую ногу. Попытался нащупать следующую перекладину, нога повисла в пустоте.

Секунду я колебался, как Хитрый койот – знаменитый мультяшный персонаж – перед тем, как ринуться с горы, а потом решительно ухнул в темноту.

Глубина подвала оказалась небольшой, не более десяти футов, но прошла как будто вечность, прежде чем я коснулся пола. Падая, я выставил вперед руки. К сожалению, это мало чем помогло – повалился всем телом на цемент, аж зубы щелкнули.

Я лег на спину и посмотрел вверх. Дверца за мной захлопнулась. Лучшего и пожелать нельзя, только вот тьма стала непроглядной. Я мысленно обследовал сам себя, врач во мне немедленно поставил диагноз: все болит.

С улицы доносились звуки погони. Сирены не унимались, а может быть, это звенело у меня в ушах. Голоса. Хрип раций.

Они приближаются.

Я перекатился на бок, уперся в пол правой рукой, задев свежий порез, и попытался встать. Тело двигалось с трудом, голова вообще замоталась сама по себе, и я чуть снова не упал.

Что дальше?

Просто притаиться здесь? Не пойдет: они наверняка начнут прочесывать дом за домом и рано или поздно наткнутся

на меня. А если и нет, то я сбежал не для того, чтобы сидеть в сыром подвале. Я сбежал, чтобы встретиться с Элизабет.

Надо идти дальше.

Куда?

Глаза потихоньку привыкали к темноте, – во всяком случае, я разглядел вокруг себя силуэты предметов. Кучи коробок, груды тряпья, несколько барных стульев, разбитое зеркало. При виде своего отражения я вздрогнул: на лбу – рана, брюки порваны на коленях, от рубашки вообще остались одни клочья. А измазался так, что запросто смогу служить щеткой для трубочиста.

И куда мне деваться в таком виде?

Лестница. Где-то здесь должна быть лестница. Я медленно двигался вперед в каком-то подобии ритмического танца, ощупывая путь впереди себя левой ногой, словно слепец палочкой. Вот захрустело битое стекло. Я продолжал двигаться.

Впереди раздалось невнятное бормотание, и огромная куча тряпья выросла у меня на дороге. Из нее показалось и вытянулось в мою сторону что-то вроде руки. Я чуть не заорал от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.